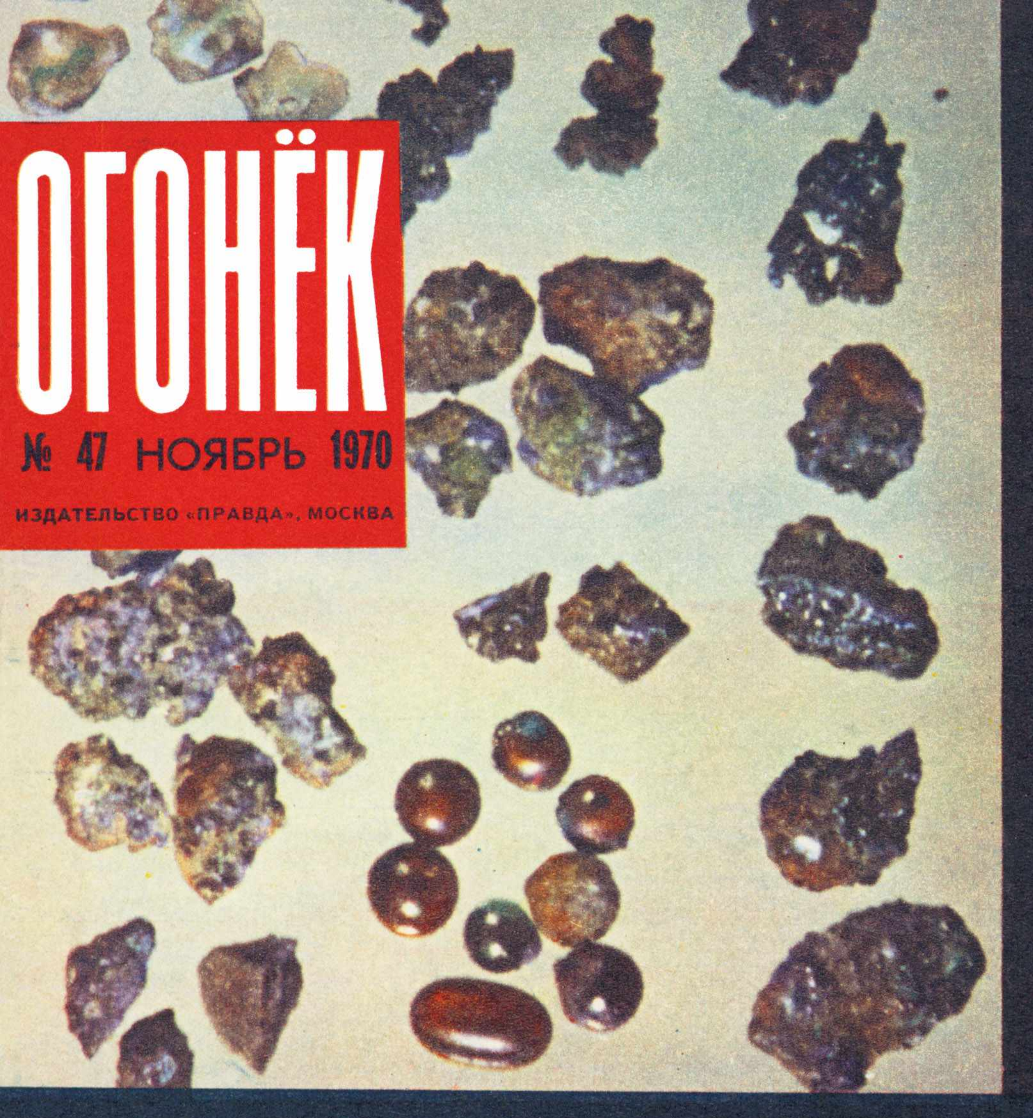
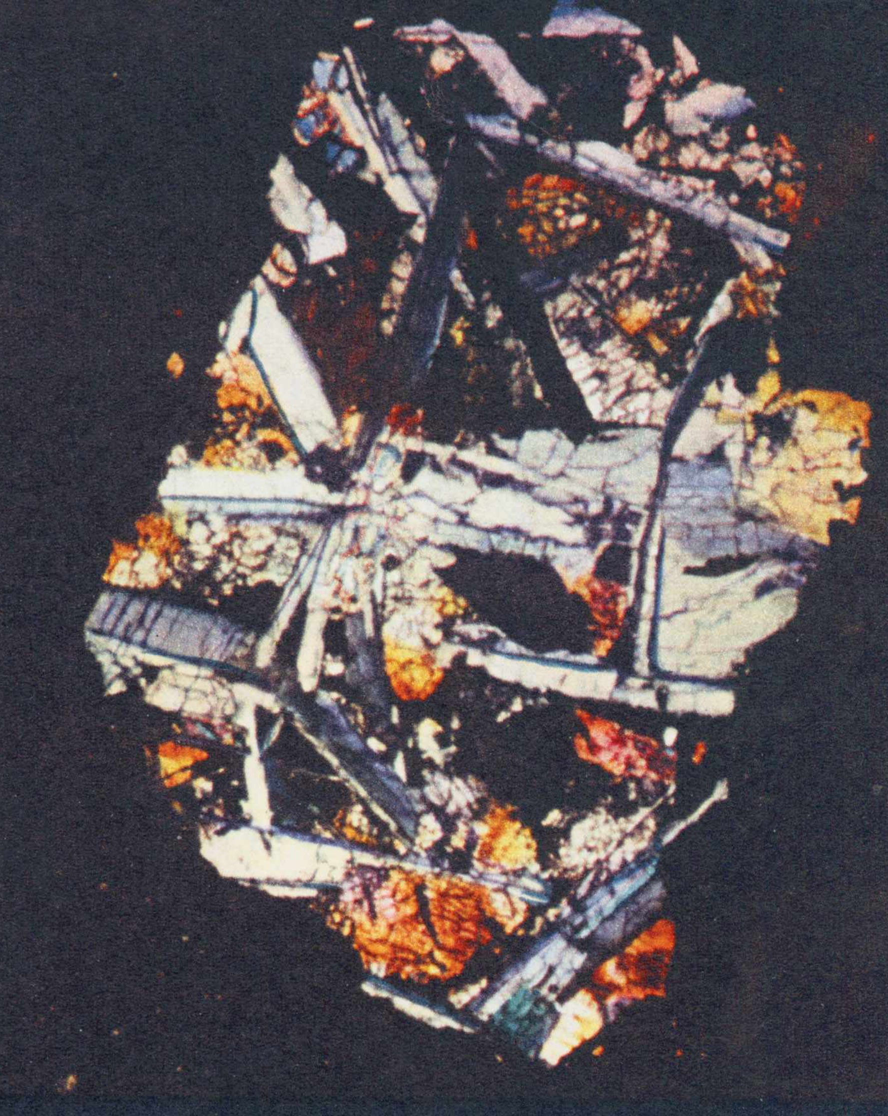
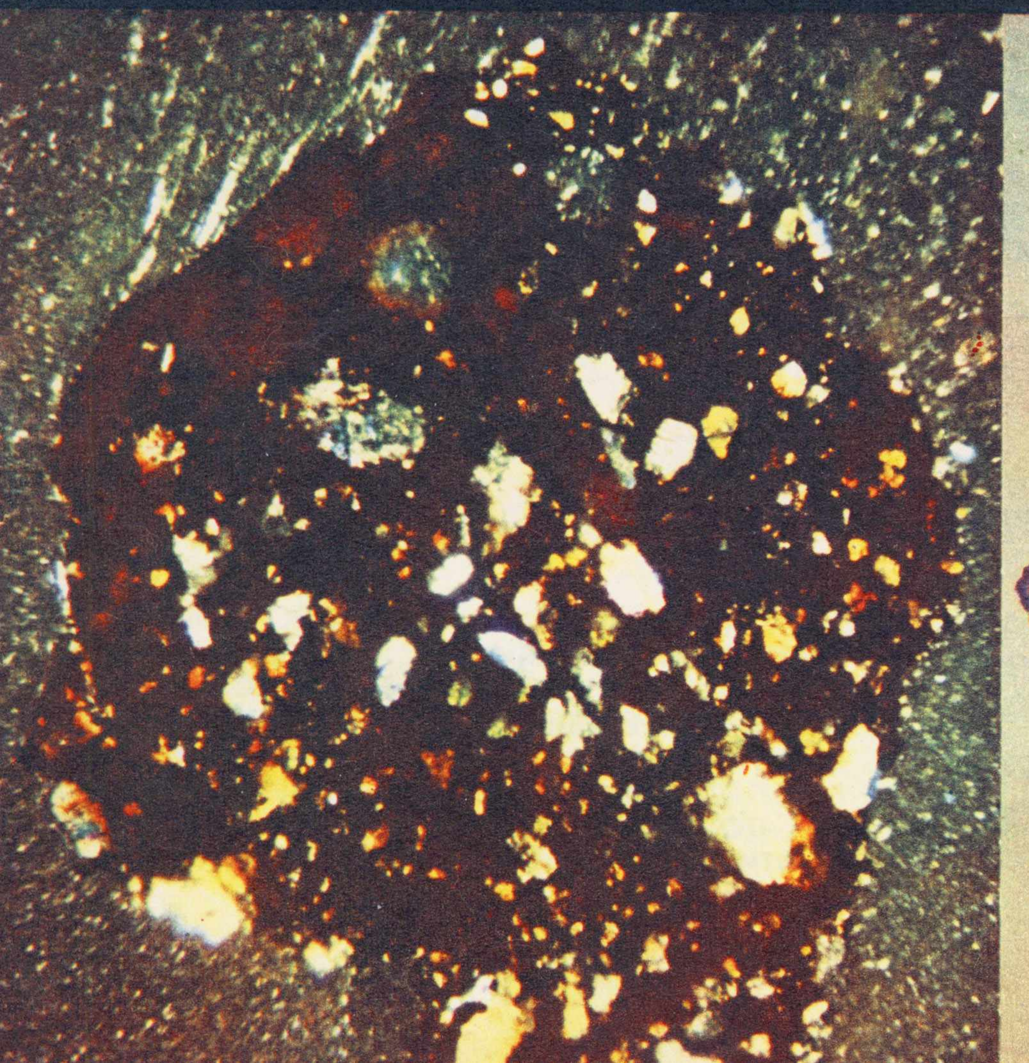
ОГОНЁК
№ 47 НОЯБРЬ 1970
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

«ЛУНА-16»: ЛУННЫЕ ПОРОДЫ

ОПЕРАТОР МИХАИЛ ЛАЗАРЕВ: ПРИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

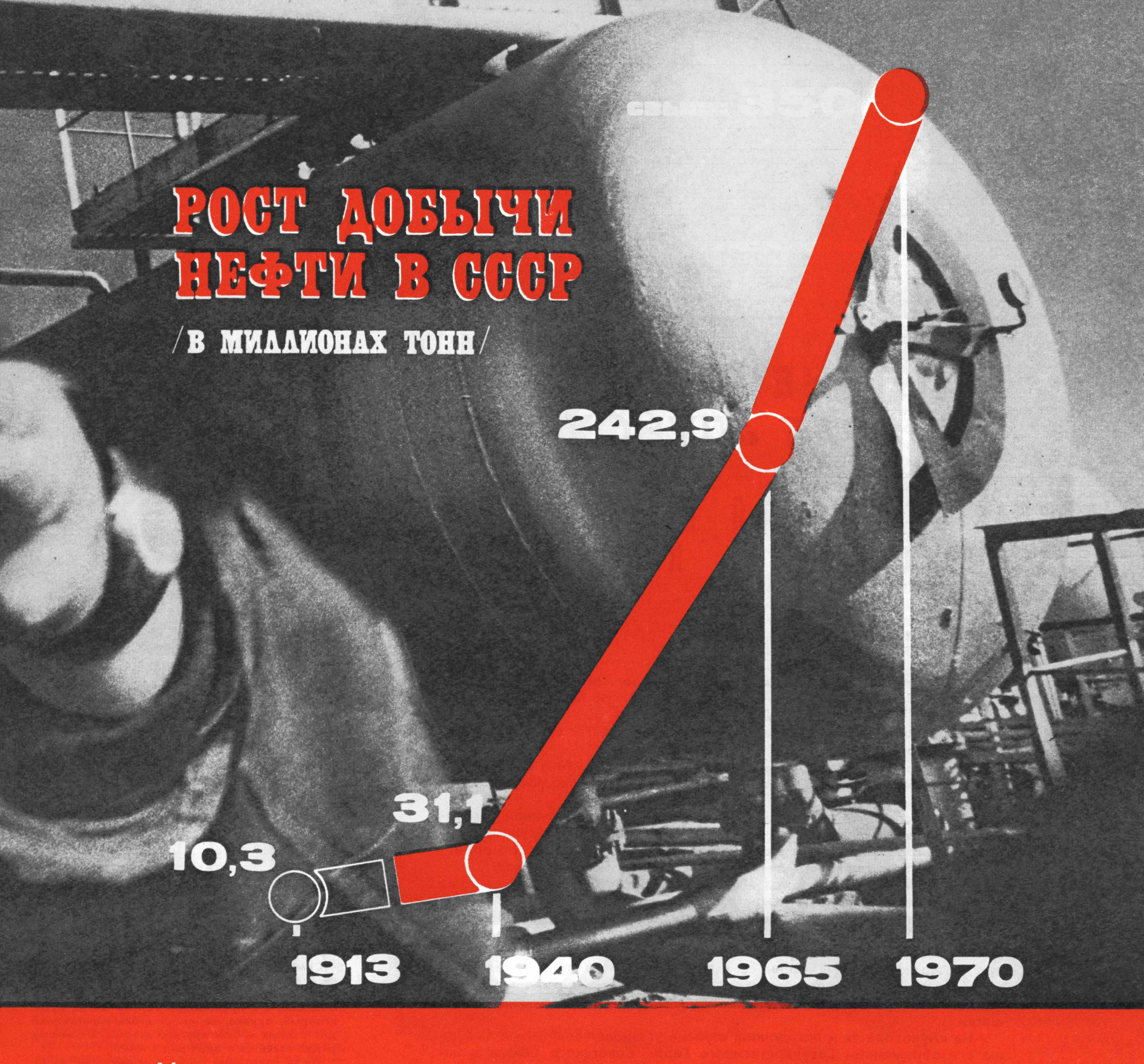
№ 47 (2264)

Основан 1 апреля 1923 года

21 НОЯБРЯ 1970

В Директивах XXIII съезда КПСС записано: **«УСКОРЕННО РАЗВИВАТЬ НЕФТЕДОБЫВАЮЩУЮ И ГАЗОВУЮ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. СЧИТАТЬ ВАЖНЕЙШЕЙ ЗАДАЧЕЙ СОЗДАНИЕ НОВЫХ НЕФТЕ- И ГАЗОДОБЫВАЮЩИХ ЦЕНТРОВ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ...**

...ДОВЕСТИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ДОБЫЧУ НЕФТИ ДО 20—25 МИЛЛИОНОВ ТОНН».

НИМАЙ, РОДИНА, СИБИРСКУЮ НЕФТЬ!

ЗАДАНИЕ ПАРТИИ, НАРОДА ПЕРЕВЫПОЛНЕНО. Об этом говорит сегодня на страницах журнала первый секретарь Тюменского обкома КПСС Б. Е. Щербина (см. «Сибирский богатырь», стр. 8).

Корреспонденты «Огонька» ведут репортаж из района битвы за большую нефть Западной Сибири. Они рассказывают о

— происшествии на свадьбе

— ловушке-озере

— коварстве пасторального пейзажа

— скважине-рекордсменке

— людях, совершивших невозможное.

(См. стр. 9—13. Репортаж «Эхо Самотлора».)

ТРИУМФ СОВЕТСКОЙ
НОВОЕ СВЕРШЕНИЕ В К

НА ЛУНЕ СОВЕТСКИЙ АППАРАТ «ЛУНОХОД-1»

АВТОМАТИЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПРИСТУПИЛ К РАБОТЕ

СООБЩЕНИЕ ТАСС

17 ноября 1970 года в 6 часов 47 минут по московскому времени автоматическая станция «Луна-17» совершила мягкую посадку на поверхность Луны в районе Моря Дождей.

На посадочной ступени станции установлен лунный самоходный аппарат «Луноход-1».

Впервые в истории космонавтики на Луну доставлен и приступил к научным исследованиям автоматический лунный самоходный аппарат, управляемый с Земли.

Для обеспечения посадки станции в заданный район лунной поверхности 16 ноября было проведено маневрирование в окололунном пространстве. В результате этого станция перешла на эллиптическую орбиту с минимальным удалением от поверхности Луны 19 километров.

Операции схода с орбиты искусственного спутника Луны и мягкая посадка на поверхность Луны автоматической станции «Луна-17» были осуществлены с помощью унифицированной посадочной ступени.

После посадки, проверки функционирования бортовых систем станции и осмотра лунной поверхности по команде с Земли в 9 часов 28 минут по московскому времени со станции «Луна-17» по специальному трапу сошел автоматический аппарат «Луноход-1». Передвижение по Луне самоходного аппарата осуществляется с помощью восьмиколесного шасси.

На «Луноходе-1» и посадочной ступени установлены флаги и вымпелы с изображением Государственного Герба Советского Союза и барельефом В. И. Ленина.

Для проведения научных исследований на поверхности Луны на различных удалениях от места посадки и проверки эксплуатационных характеристик луноход оборудован научной аппаратурой, приборами и системами управления, радиосвязи и телевизионного наблюдения.

В соответствии с советско-французским соглашением о сотрудничестве в изучении и освоении космического пространства в мирных целях на борту лунохода установлен французский отражатель для лазерной локации Луны.

«Луноход-1» удалился от посадочной ступени на расстояние 20 метров и приступил к проведению запланированных экспериментов.

Управление движением «Лунохода-1» производится из центра дальней космической связи с использованием телевизионной информации о положении аппарата и характере рельефа окружающей лунной поверхности.

По данным телеметрической информации, бортовые системы «Лунохода-1» функционируют нормально.

Советская наука получила новое эффективное средство для исследования Луны с помощью автоматических аппаратов.

А. СЕРОВ,
научный сотрудник

Семнадцатая по счету советская автоматическая лунная станция совершила посадку в Море Дождей. Из всех лунных морей это самое большое. Его превосходит только Океан Бурь, который, однако, не имеет столь характерной для лунных морей круглой формы и поэтому редко ставится в один ряд с ними.

Из-за некоторых своих особенностей Море Дождей, пожалуй, более других морей за последнее десятилетие привлекало внимание ученых, работающих над проблемами происхождения Луны и лунного рельефа. Но, как ни странно, до «Луны-17» ни один космический аппарат не совершал посадку на его поверхность с исследовательскими целями.

Научные исследования Моря Дождей проводились только с Земли да с окололунной орбиты. Советские и американские искусственные спутники Луны дали новую важную информацию о Море Дождей, анализ которой подтвердил, что усиленный интерес ученых к этой области Луны возник совсем не напрасно. Оказалось, что где-то под поверхностью Моря Дождей скрыта некая избыточная масса вещества, вызывающая сильные возмущения орбит лунных искусственных спутников. Избытки массы были обнаружены и в других круглых лунных морях — Ясности, Нектара, Кризисов, Влажности и т. д.

Подобные феномены, искажающие гравитационное поле Луны и затрудняющие навига-

НАУКИ
ОСМОСЕ

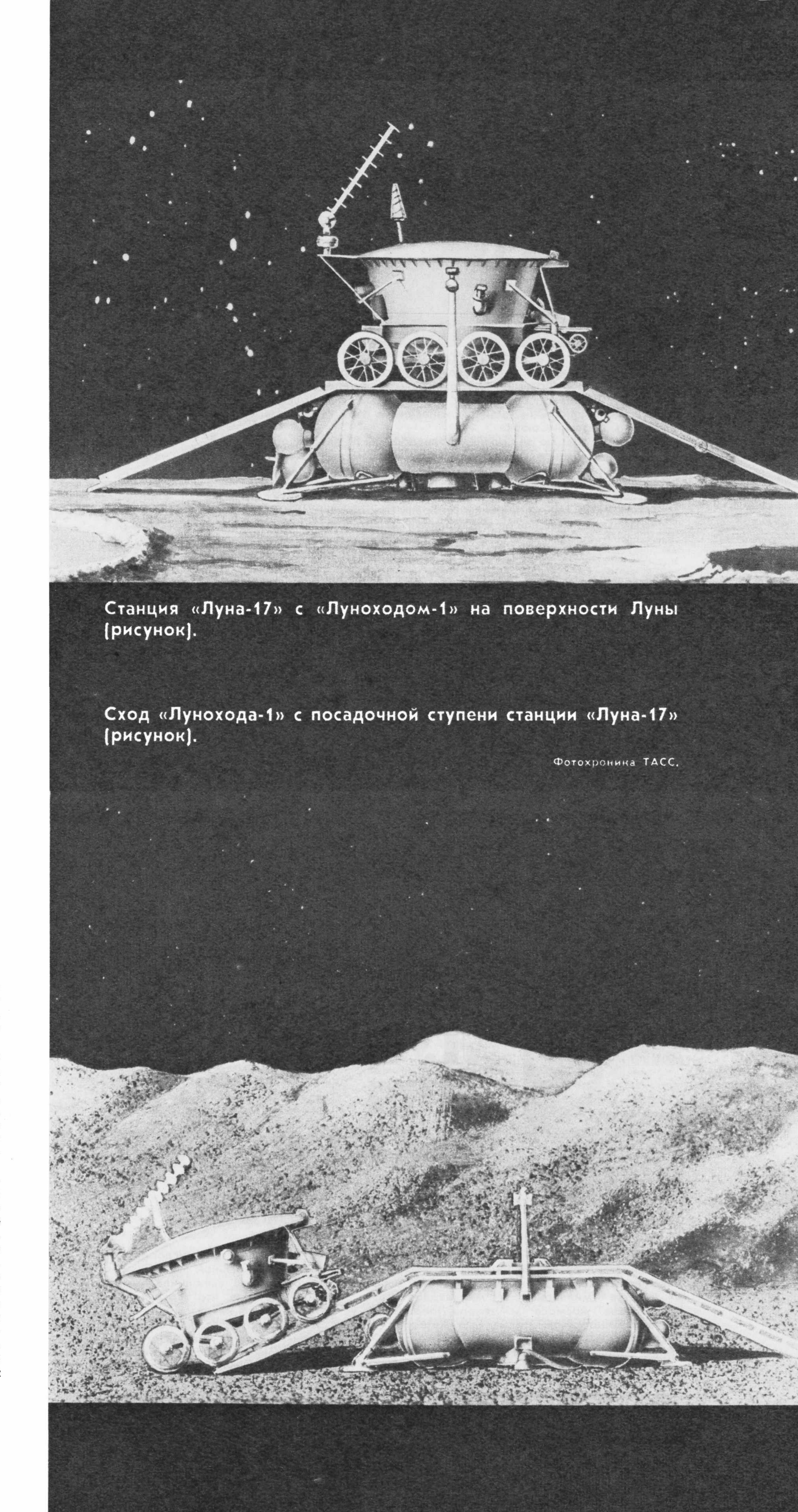
РВЫЕ
РИИ...

цию лунных космических аппаратов, были названы «масконами», что сокращенно означает «концентрации массы». И вот уже два года ученые стремятся разгадать связанные с масконами загадки.

При полете и посадке «Луны-17», естественно, приходилось учитывать влияние масконов, отклоняющих траекторию станции от классической кеплеровской эллиптической орбиты. Это, конечно, усложнило работу баллистиков, управляющих полетом, но не помешало благополучно завершить спуск и мягкую посадку аппарата: мы достаточно хорошо умеем учитывать влияние масконов.

До сих пор автоматы, доставленные на поверхность другого небесного тела, вынуждены были проводить исследования лишь в том месте, где они совершили посадку. Ученые были полностью лишены возможности изучить более подробно те особенности окружающего рельефа, которые привлекли их внимание. Естественный выход из этого положения — создание самоходной лаборатории. Однако на ранних этапах исследования Луны это было бы непростительным безрассудством. Сначала нужно получить хотя бы первичное представление о микрорельефе Луны, о прочности поверхностного слоя и т. д. Это было сделано с помощью относительно простых космических аппаратов типа «Луна-9».

Окончание на стр. 6.

Станция «Луна-17» с «Луноходом-1» на поверхности Луны (рисунок).

Сход «Лунохода-1» с посадочной ступени станции «Луна-17» (рисунок).

Фотохроника ТАСС.

ПАМЯТИ ДЕ ГОЛЛЯ

«Мы, французы... убеждены, что следует укрепить и умножить во всех областях отношения между нашими странами. Действительно, мы считаем, что более непосредственное и обширное сотрудничество между нами должно помочь Европе встать на путь единения, а миру — на путь равновесия, прогресса и мира».

Эти слова принадлежат выдающемуся государственному и политическому деятелю Франции, одному из руководителей антигитлеровской коалиции, бывшему Президенту Французской республики генералу Шарлю де Голлю. Они были произнесены в 1966 году, во время его визита в Советский Союз...

22 ноября Шарлю де Голлю исполнилось бы 80 лет. Вечером 9 ноября перестало биться сердце человека, который «многое сделал для возрождения величия Франции на путях независимой внешнеполитической ориентации»,— говорится в послании, которое Л. И. Брежнев, Н. В. Подгорный, А. Н. Косыгин направили Президенту Франции Ж. Помпиду по случаю кончины генерала Шарля де Голля.

«Шарль де Голль вошел в историю как политический и государственный деятель, сыгравший большую роль не только в развитии Франции, но и в эволюции политической обстановки в мире. Он внес крупный вклад в дело достижения совместной победы свободолюбивых народов над гитлеровской Германией»,— заявил Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, прибывший в Париж во главе делегации Советского Союза для участия в официальной траурной церемонии.

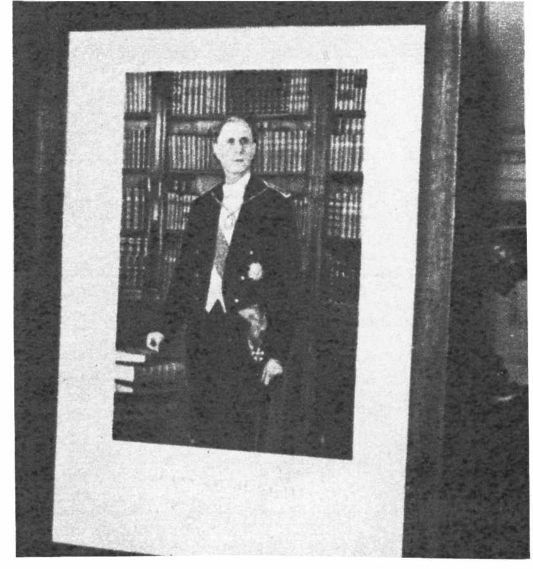
Почтить память выдающегося гражданина Франции в Париж прибыли многие главы государств и правительств.

12 ноября страна проводила генерала Шарля де Голля в последний путь.

В связи с кончиной генерала де Голля 12 ноября посольство Французской республики в Москве посетили Л. И. Брежнев, А. Н. Косыгин, К. Т. Мазуров, Д. С. Полянский и другие официальные лица. Советские руководители и государственные деятели минутой молчания почтили память генерала де Голля.

Фото В. Кошевого (ТАСС).

ЛУНА ПОД МИКРОСКОПОМ

«ЛУНОХОД-1» НАЧАЛ СВОЕ БЕСПРИМЕРНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ. УЧЕНЫЕ НА ЗЕМЛЕ ПРОДОЛЖАЮТ ИССЛЕДОВАТЬ ЛУННУЮ ПОРОДУ.

Удивительное находилось рядом. За окном иллюминатора приемной камеры лоток наполняло вещество, которое испытало на себе в течение миллионов и миллиардов лет воздействие космоса и теперь перенесено в лабораторию. Это не был метеорит — перед глазами исследователей лежала колонка лунного грунта. Никто из этих людей не ступал на Луну, и тем не менее до таинственной темно-серой породы можно было дотронуться рукой. Мешали только стекла камеры, наполненной гелием, который предохранял грунт от воздействия кислорода, паров воды и углекислоты земной атмосферы. «Луна-16» безукоризненно выполнила намеченную программу, доказав, что эпоха космических автоматов-геологов началась.

Что же представляет собой доставленный «Луной-16» грунт? Внешне это довольно однородный тонкозернистый материал. Однако во многих местах колонки видны более светлые или темные, иногда блестящие частицы. Особенно много их в самой глубокой части колонки. Оказалось, что сверкают оплавленные, превращенные в стекло поверхности зерен и некоторые металловидные частицы.

С момента появления лунного грунта на лотке возникли споры о его цвете, вернее, оттенке. Одни считали его буроватым, другие — зеленоватым. Как показали специальные исследования, правы были обе стороны: в зависимости от степени освещенности, направления, характера падающего света и положения наблюдателя оттенки менялись, так же как менялась отражающая способность грунта. В обычном свете она оказалась очень близкой к отражательной способности лунной поверхности в районе Моря Изобилия, где и совершила посадку «Луна-16».

Поведение самого грунта чрезвычайно любопытно и даже противоречиво. Он легко слипается в рыхлые комочки. При насыпании горкой образует порой очень крутые уклоны. Если в момент насыпания горку ограничить вертикально поставленной пластинкой, а потом убрать ее, то освободившаяся отвесная стенка грунта не осыпается и может сохраняться в таком виде длительное время. Все это говорит о том, что грунт обладает хорошей связностью, то есть, несмотря на свою абсолютную сухость, ведет себя, как влажный песок. В то же время он хорошо просеивается через различные

ГОСТИ «ОГОНЬКА» — ПИСАТЕЛИ ВЬЕТНАМА

Недавно в редакции «Огонька» побывала группа вьетнамских литераторов, которые направлялись в Дели на IV конференцию писателей стран Азии и Африки. Гостями журнала были лауреат международной литературной премии «Лотос» То Хоай и писатель Нгуен Кхай из Демократической Республики Вьетнам, посланцы Южного Вьетнама: прозаик Фан Ты, поэт Тху Бон и Чан Вьет Тхань.

Мы попросили наших гостей рассказать о содружестве советской и вьетнамской литератур, о роли писателя в героической борьбе народа Вьетнама, о значении движения афро-азиатских писателей.

СЛОВО ЗАМЕСТИТЕЛЮ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ВЬЕТНАМА ТО ХОАЮ:

— Прежде всего я хотел бы выразить благодарность своим советским коллегам, всему советскому народу за помощь, которую Советский Союз оказывает Вьетнаму.

Произведения ваших писателей очень популярны у меня на родине. Еще в годы войны с французскими колонизаторами бойцы на фронте читали книги Шолохова, Симонова, Полевого, Горбатова, Эренбурга. Хо Ши Мин сам перевел на вьетнамский язык книгу Федорова «Подпольный обком действует». Мы можем сказать, что советская литература, советские писатели вместе с нами участвовали в борьбе.

После окончания первой войны Сопротивления связи с советскими товарищами упрочились. Мы часто ездим в гости друг к другу.

Это моя шестая поездка в Советский Союз. Здесь одиннадцать раз издавались мои книги. Общий тираж этих изданий — около полумиллиона экземпляров.

Мы тесно сотрудничаем с Литературным институтом имени Горького. Будучи в Москве, я слушал там лекции. Меня особенно интересует это сотрудничество, потому что у себя на родине я руковожу аналогичным институтом. Это первое во всей Юго-Восточной Азии высшее учебное заведение такого типа. В нем учится молодежь с Севера и Юга нашей страны, студенты из Лаоса, Камбоджи, Малайзии, Индонезии.

Конференция в Дели, несомненно, будет иметь большое значение для афро-азиатских писателей. Я участвовал в работе предыдущей конференции, которая состоялась в 1967 году в Бейруте. Решимость деятелей литературы двух континентов объединить свои усилия в борьбе против общего врага — империализма и колониализма — придает новые силы, вдохновляет на новые книги.

С трибуны писательского форума в Дели я хочу рассказать о том, что происходит в Индокитае, о расширении агрессии США на Лаос и Камбоджу.

Есть у нас одна пословица. По-русски она звучит примерно так: «Чем сильнее ветер, тем крепче парус». Нет такого ветра, что оказался бы крепче нашего паруса. Никакие происки врагов не заставят наш народ отступить!

СЛОВО ПИСАТЕЛЮ ФАН ТЫ (ЮЖНЫЙ ВЬЕТНАМ):

— Наш народ сражается. Наши писатели тоже сражаются. Но не перестают писать. И их не перестают читать. Так что неверно изречение: «Когда говорят пушки, музы молчат». Верно другое: «Песня сильнее бомб». Каждый, кто побывал в Южном Вьетнаме, может подтвердить это. Ни бомбы, ни напалм не могут сломить наш народ, отнять его веру в победу, его оптимизм.

В лагере военнопленных я разговаривал с американцами, которых Армия Освобождения заставила сложить оружие. Знаете, что больше всего удивляло заокеанских вояк в Южном Вьетнаме? Улыбки на лицах наших бойцов. Американцы признавали, что их поражает отличное настроение наших бойцов. Оптимистическое. Отнюдь не такое, как у них самих. Им трудно было понять причину этого, а причина одна — мы твердо верим в победу.

На встрече в Дели мы расскажем о новых злодеяниях американцев в Индокитае. О наших последних победах. О том, как народ и Временное революционное правительство Республики Южный Вьетнам добиваются установления подлинного мира. И, конечно, мы расскажем своим коллегам-писателям о развитии нашей литературы. В последнее время появилось много новых произведений. За два года вышло около 50 книг южновьетнамских авторов. Мы испытываем немалые трудности с изданием книг — с бумагой, печатными машинами. И все же книги выходят. Их печатают в освобожденных районах и на партизанских базах в джунглях. Разные по форме и содержанию книги последних лет объединены главной темой — борьбы за освобождение.

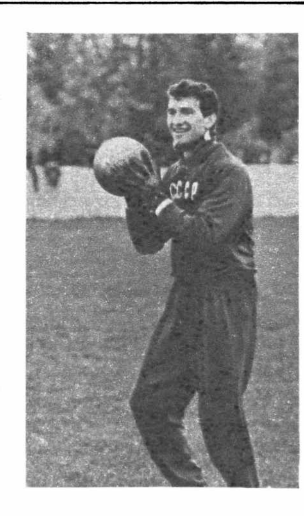
На снимке: вьетнамские писатели в гостях у «Огонька».
Фото М. Савина.

НОВЫЙ ХОККЕЙНЫЙ ПРИЗ

Приз справедливой игры — одна из самых популярных наград мирового чемпионата по хоккею, но в арсенале наград внутреннего хоккейного календаря такой приз до сих пор отсутствовал. А между тем он имеет огромное воспитательное значение. Хоккей с шайбой — игра мужественная, резкая, она допускает теперь силовую борьбу по всему полю, но именно поэтому необходимо поощрять сохранение рыцарского духа в этой игре. И правила хоккея особенно сурово карают нарушителей. В хоккее применяется удаление игрока с поля за каждое нарушение правил, и количество штрафных минут вносится в протокол каждого матча.

РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» УЧРЕДИЛА ПЕРЕХОДЯЩИЙ КУБОК СПРАВЕДЛИВОЙ ИГРЫ, который будет вручаться после окончания чемпионата СССР команде, имеющей наименьшее количество штрафных минут и вместе с тем проявившей достаточную результативность.

Вот формула розыгрыша. Перед началом первенства каждая команда получает 200 условных штрафных очков, к которым затем приплюсовываются штрафные минуты и отнимаются заброшенные шайбы.

СНОВА БАННИКОВ!

Подошел к концу футбольный чемпионат страны, и пришел час установить, какой же вратарь имеет наибольшее основание претендовать на Кубок «Огонька». Как известно, трижды Кубок «Огонька» вручался Л. Яшину, дважды — А. Кавазашвили. Среди обладателей почетного приза такие замечательные вратари, как В. Маслаченко, С. Котринадзе, Ю. Пшеничников, В. Рудаков. В 1964 году Кубок нашего журнала был присужден В. Банникову. И вот снова редколлегия журнала «Огонек» остановила свой выбор на Викторе Банникове — вратаре команды «Торпедо», который в течение всего сезона показал ровную, надежную игру и не раз демонстрировал свое высокое мастерство.

сита (попробуйте просеять сырой песок!), что позволяет легко выделить отдельные его фракции, отличающиеся по крупности частиц и зерен.

Странный и необычный мир предстает перед наблюдателем, если на столик микроскопа поместить более крупные фракции грунта (на обложке верхнее фото слева). Такую ассоциацию невозможно обнаружить ни в одних земных породах.

Луна лишена защитной атмосферы. Поэтому солнечное облучение, космические лучи и, наконец, метеориты беспрепятственно достигают лунной поверхности. Метеориты, врезаясь на громадных скоростях в лунный покров, взрываются. Эти взрывы в течение всего времени существования Луны дробят породы, перемешивают их, уплотняют и в результате мгновенных очень сильных подъемов температуры оплавляют, спекают и расплавляют отдельные частицы и фрагменты лунного грунта. Вся история поверхностного слоя Луны запечатлена в особенностях строения и состава слагающих его частиц.

Обломки первичных пород Луны — базальтов — характеризуются правильной, угловатой формой. Это темно-серые или буроватые мелкозернистые породы. Более крупнокристаллические их разновидности сложены прозрачными пластинками полевого шпата, коричневатыми кристаллами пироксенов, реже — буровато-желтыми оливинами и стрелами черного ильменита. Наиболее ясно можно представить строение таких пород при больших увеличениях под микроскопом (снимок в поляризованном свете справа вверху). Часто встречаются зерна отдельных минералов, слагающих все эти породы,— пироксена, оливина. Они красивых зеленых, желтовато-бурых тонов, прозрачные.

Другая группа частиц образована уже в самом лунном грунте — это брекчии, спекшиеся частицы, шлаки, различные шаровидные частицы. Брекчии представляют собой сцементированные тонкозернистым, почти непрозрачным материалом обломки пород и минералов (снимок в поляризованном свете слева внизу). Вся совокупность частиц этих типов видна на верхней левой фотографии. Некоторые из них — на нижнем правом снимке. Они крайне причудливы по форме, обычно темно-серые до черных.

Влияние космических сил особенно ярко проявляется в оплавлении частиц разного типа, на поверхности которых возникают пузыристые стекла черного, бурого цвета. На светлых породах — сте́кла более ярких, светлых оттенков. Корочки оплавления порой очень тонкие, что говорит о сильном, но ограниченном их нагреве. Многие шаровидные частицы правильной формы, иные вытянуты в гантельки, встречаются полые внутри шарики. Цвет их самый разнообразный: черный, бурый, желтоватый, зеленоватый, голубоватый. Некоторые совершенно прозрачны и бесцветны.

Лунный грунт в значительной своей части состоит именно из стекловатых, стеклянных, оплавленных, ошлакованных частиц. Опаленные и оплавленные в условиях космоса на поверхности нашего спутника, они суровостью своих тонов как бы подчеркивают родство с ним. В то же время разнообразная гамма светлых, приглушенных тонов — зеленого, желтоватого, буроватого,— возникших при тех же процессах, притягивает и манит своей таинственностью. В чем причина такого разнообразия? Какова роль метеоритного вещества в формировании лунного грунта? Вопросов много, и ответы на них могут быть получены только после тщательных исследований. Вся работа впереди.

Л. КУЗНЕЦОВ,
Ю. ЕМЕЛЬЯНОВ,
А. АНДРЕЕВ

ВПЕРВЫЕ В ИСТОРИИ...

Начало на стр. 2.

Преимущества лунохода как мобильной научной лаборатории очевидны. Можно смело предположить, что луноходы на долгие годы станут незаменимым средством беспилотного исследования поверхности нашего естественного спутника. Пригодятся луноходы и при пилотируемых экспедициях на Луну. Их можно будет использовать в простейшем случае в качестве транспортного средства для перевозки грузов или людей. Совершенно необходимы луноходы для обслуживания долговременных лунных баз. Но это — дело будущего.

Пока что главная задача «Луны-17» — отработка технических проблем, связанных с движением по лунной поверхности. Проблем этих предостаточно, потому что природа создавала Луну совсем не для того, чтобы по ней передвигались земные автоматы. Чего стоит одна задача вождения лунохода, если водитель сидит в координационно-вычислительном центре за 380 тысяч километров! Луноход управляется по радио, а радиоволне на дорогу до Луны и обратно требуется примерно две с половиной секунды. Это означает, что водитель лунного транспорта находится в чрезвычайно невыгодных условиях по сравнению со своими коллегами, управляющими наземными экипажами. Ему требуется за две с половиной секунды предвосхищать события, которые произойдут с луноходом.

Что касается других проблем, то можно утверждать, они не менее головоломны. Но все же, несмотря на такое обилие технических задач, которые нужно разрешить впервые, на «Луну-17» возложены важные научные эксперименты. Это прежде всего исследование рельефа Луны по трассе движения с помощью телевизионной техники.

Очень интересным является совместный советско-французский эксперимент по определению расстояния до места посадки «Луны-17». Дело в том, что на борту лунохода установлен французский уголковый отражатель. Свойства отражателя таковы, что световой луч, падающий на него с любой стороны, отражается обратно точно по тому же направлению. Поэтому можно гарантировать, что, как бы ни села «Луна-17» (а мы знаем, что она прилунилась нормально), луч лазера, посланный с Земли, отразится и придет обратно к ученым, пославшим его. Дальнейшее — вопрос техники измерений. Точность определения расстояний с помощью лазера фантастически велика, поэтому ученые с нетерпением ждут результатов эксперимента с лазерным отражателем.

НАВИГАЦИЯ НА ЛУНЕ ОТКРЫТА!

Репортаж из Координационно-вычислительного центра ведет В. ЛЕВСКИЙ

Мы в Координационно-вычислительном центре. И снова привычная рабочая напряженная обстановка, сопровождающая каждый ответственный этап космического полета. Вот и сейчас к очередной встрече с Луной готовится новый автомат.

4 часа утра 17 ноября. До прилунения еще около трех часов. Идут сеансы связи с «Луной-17». По накопленным данным о параметрах орбиты в КВЦ подсчитаны команды-«уставки» на выполнение операций, которые будет производить станция во время посадки. В очередном сеансе они посылаются на борт и закладываются там в память программно-временного устройства. В положенное время по этим командам будут включаться двигатели, которые и обеспечат прилунение станции.

...По всем службам КВЦ доносится: «Объект сориентирован на торможение!» Включается основная двигательная установка в направлении, противоположном линии полета, и «семнадцатая» под действием лунного притяжения быстро теряет высоту. «Прошла главная команда на выключение двигателя!» Теперь с высоты 2 километров и до 600 метров — участок «свободного падения» — так предусмотрено по программе. Наконец новое сообщение: «Есть включение!» Двигатель снова работает. Идет участок прецизионного торможения и спуск на двигателях малой тяги. На двухметровой высоте от поверхности Луны двигатели выключаются, и станция плавно опускается в Море Дождей.

Старт с околоземной орбиты, полет к Луне, полет по орбите ее искусственного спутника, наконец, посадка на Луну,— хоть и волнующие, но все же знакомые сюжеты лунных эпопей космических автоматов. А вот дальше, дальше все предстоит выполнить ВПЕРВЫЕ.

...В 7 часов 20 минут начинается сеанс радиосвязи с луноходом. Наземный расчет в центре управления полетом занял рабочие места. Командир, штурман, бортинженер, оператор-радист и водитель лунохода — полный экипаж. Все как в обычных земных условиях, только самоходный аппарат отделяет от его экипажа... около четырехсот тысяч километров!

Идут последние проверки систем лунохода. Слышатся слова: «По данным телеметрической информации токи нагрузки в норме... Температура в отсеке лунохода 18 градусов. Угол крена 4 градуса, дифферент минус 4,5 градуса»... Луноход, как и ожидалось, стоит почти горизонтально. «Выдана команда на отстрел посадочных стоек посадочной ступени»...

На большом световом экране оперативного зала КВЦ — программа основных выполняемых операций. Сейчас будет произведен спуск трапа. Поступает сообщение о том, что трап спущен. Одновременно происходит раскрытие остронаправленной антенны лунохода.

...Сообщения следуют одно за другим. «Принимается сигнал с остронаправленной антенны»... В восемь часов тридцать одну минуту включены телефотометры. Есть изображение! В поле зрения объектива одного из телефотометров четко видны государственный флаг и герб нашей страны. Но об этом мы узнаем... лишь из сообщений. Только когда луноход будет спущен на лунную поверхность, включатся телевизионные камеры.

Подана команда на движение лунохода. Луноход медленно сходит по трапу. В 9 часов 28 минут передние шасси самоходного аппарата коснулись поверхности Луны...

Выдана команда на пробу грунта. С борта лунохода опускается специальный прибор, который исследует механические свойства грунта;— впереди сложный путь, и наземному экипажу необходимо выбрать правильный режим работы двигателей лунохода. Далее на грунт опускается специальное колесо — счетчик проходимого пути.

И вот, наконец, на телевизионном экране КВЦ мы видим изображение лунной поверхности. Сразу же подается команда начать движение. Итак, в путь!

...Самоходный аппарат медленно движется по Луне. Пока включена только первая скорость. В отделе телеметрических измерений КВЦ непрерывным потоком бегут ленты самописцев,— контролируются состояние и работа бортовых систем лунохода. Сообщение: «Самоходный аппарат удалился от посадочной ступени на 20 метров».

Первая в истории лунная борозда проложена.

К XX-ЛЕТИЮ ВСЕМИРНОГО СОВЕТА МИРА

Юрий Гагарин, делегат Всемирного конгресса за всеобщее разоружение и мир, проходившего в Москве в 1962 году, среди журналистов.

Михаил КОТОВ,
ответственный секретарь Советского комитета защиты мира

Я вспоминаю Варшаву 1950 года... Она лежала еще в руинах, многострадальная, но героическая, устремленная к созиданию и жизни. Сюда приехали люди со всех континентов на Всемирный конгресс мира. Этот конгресс должен был состояться в Шеффилде, но правительство Великобритании не пустило на свой остров посланцев планеты. Свои древние ворота перед ними распахнула Варшава. За несколько дней наши польские друзья провели подготовку к конгрессу, который открыл великий человек нашего времени, большой ученый Фредерик Жолио-Кюри.

В своей пламенной речи он призывал людей доброй воли к объединению, к борьбе за мир. Этого требовала тогда международная обстановка. После провокационной речи Уинстона Черчилля в Фултоне западные державы объявили Советскому Союзу и другим социалистическим государствам холодную войну. Они сформировали агрессивный блок НАТО. Милитаризм, реваншизм, расизм снова подняли голову, угрожая человечеству третьей мировой войной с применением оружия массового истребления.

И это через пять лет после победы над фашистской Германией! На трибуну конгресса поднимались люди разных возрастов, убеждений, взглядов, профессий. Их объединяло одно — стремление преградить дорогу новой угрозе, надвигавшейся на людей.

Вена. 1952 год. Председатель Всемирного Совета Мира Фредерик Жолио-Кюри открывает конгресс народов в защиту мира.

СИЛЬНЕЕ НАБАТА

— Милитаристская пропаганда США,— говорил выдающийся немецкий писатель-антифашист Иоганнес Бехер,— делает все, что в ее власти, стремясь задушить здоровые мысли и чувства немецкого народа. Говоря словами Гёте, она пыталась «сделать абсурд правдоподобным».

Бехер и многие деятели культуры потребовали тогда поставить пропаганду новой войны вне закона. Конгресс обратился к парламентам всех стран с призывом, чтобы они приняли законы об охране мира, устанавливающие уголовную ответственность за пропаганду новой войны, в какой бы форме она ни велась.

Помню, как во время одного из перерывов на конгрессе к главе советской делегации Александру Фадееву подошел известный английский религиозный деятель, настоятель Кентерберийского собора Хьюлетт Джонсон.

— Я хотел бы сообщить именно вам,— сказал он, обращаясь к Фадееву,— что за великое и благое дело предпринято на нашем конгрессе! Всю свою жизнь я буду выступать против тех, кто хотел бы сеять войну. И пусть меня называют в Англии красным...

Александр Фадеев, улыбаясь, крепко пожал руку Хьюлетту:

— Хотя я и атеист, но я могу благословить вас на это святое дело, и потом — не бойтесь красного... Как говорил наш великий ученый Тимирязев: «Красный цвет — это цвет жизни...»

На всю жизнь запечатлелась в моей памяти эта встреча двух выдающихся борцов за мир. И тот и другой — люди разных взглядов и убеждений — до конца своей жизни со всей страстью сражались против врагов мира.

Делегаты конгресса из восьмидесяти стран обратились в те дни к народам мира с манифестом. В нем говорилось, что борьба за мир — это борьба каждого человека. Манифест звал людей доброй воли принять участие в самой прекрасной борьбе, какую когда-либо вело человечество, во имя его будущего.

В Варшаве было провозглашено создание Всемирного Совета Мира. И вот уже с той поры минуло двадцать лет. Срок, казалось бы, небольшой, но сколько свершилось дел. И все это время могучее движение народов было направлено на то, чтобы остановить подготовку ядерной войны, которая может принести человечеству неисчислимые бедствия.

Целью Всемирного Совета Мира, как и всего движения против опасности войны, было, говоря словами его первого председателя Фредерика Жолио-Кюри, «сделать силу, которую мы представляем, еще более действенной, превратить ее в высшую международную инстанцию, способную заставить правителей уважать волю народов всякий раз, когда мир окажется в опасности...».

Двадцать лет... Многое за это время сделал Всемирный Совет Мира для того, чтобы претворить в жизнь свою гуманную программу и содействовать достижению мира и безопасности. ВСМ выступал и выступает за сотрудничество со всеми силами, требующими разрядки международной напряженности. Его лозунгом было и остается единство действий со всеми организациями и людьми разных взглядов, со всеми, кому дорого дело мира. Само по себе движение за мир вызвало к жизни многие, очень многие миролюбивые силы, которые организационно не связаны с ним, но разделяют его принципы, нередко выступают под общими лозунгами, добиваясь осуществления единых требований.

Двадцать лет... За это время прошло немало конгрессов, встреч борцов за мир. И воздействие на умы людей этих событий всякий раз было огромным. Вспомним Стокгольмское воззвание, под которым поставили свои подписи 500 миллионов людей. А такие всемирные кампании, как сбор подписей под призывом ВСМ о заключении Пакта Мира между пятью великими державами! За мирное решение всех вопросов путем переговоров высказалось тогда 612 миллионов.

Всемирный Совет Мира всегда чутко откликался на все международные события. Он неустанно ведет борьбу за ядерное разоружение, за прекращение преступной войны США во Вьетнаме, Лаосе, Камбодже, за мирное урегулирование положения на Ближнем Востоке, за обеспечение европейской безопасности. Можно сказать без преувеличения, что во всех международных соглашениях, достигнутых в течение последних лет — будь то договор о частичном запрещении ядерных испытаний, о нераспространении ядерного оружия, договор между СССР и ФРГ или иные важные политические документы,— есть вполне определенная доля усилий сторонников мира и в том числе Всемирного Совета Мира, всех других международных и национальных организаций, выступающих за мир.

В нынешней сложной международной обстановке Всемирный Совет Мира усиливает свои активные действия по сплочению миролюбивых сил. Недавно состоялась сессия Президиума Всемирного Совета Мира в Дели. Этот форум обсудил ситуацию, сложившуюся в Индокитае, на Ближнем Востоке, в Европе и в других частях света. Сессия выработала конкретную программу активных действий борцов за мир.

Советские сторонники мира с первых дней создания ВСМ оказывали и оказывают ему всемерную поддержку. У колыбели этой организации стояли виднейшие общественные деятели, такие, как Фредерик Жолио-Кюри, Эжени Коттон, Джон Бернал, Александр Фадеев, Илья Эренбург, Александр Корнейчук, Николай Тихонов, Ванда Василевская и многие другие видные борцы за мир. И сегодня мы, советские сторонники мира, от всей души желаем Всемирному Совету Мира новых успехов в его благородной деятельности.

ПЕРВЫЕ СЕНСАЦИИ

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

Крайне трудно разработать такую систему розыгрыша первенства мира, при которой были бы довольны шахматисты всех континентов, всех категорий, всех рангов, начиная с чемпиона мира. Так, например, до матча Ботвинник — Петросян в 1963 году действовало правило, что в случае проигрыша чемпион мира имеет право на матч-реванш. Подобные матч-реванши М. Ботвинник успешно проводил с В. Смысловым и М. Талем. ФИДЕ учла протесты многих гроссмейстеров и отменила право экс-чемпиона мира на реванш. Ботвиннику такое решение не понравилось, но Петросяну и другим оно было по душе. В прошлом году Т. Петросян проиграл Б. Спасскому, и теперь можно предполагать, что решение ФИДЕ кажется ему не очень справедливым. Но определенное право экс-чемпион мира все же сохраняет. Это право заключается в том, что экс-чемпион может участвовать через три года в турнире претендентов без всякого отбора. Такую же льготу получает и второй призер турнира претендентов (в данном случае это В. Корчной).

К Петросяну и Корчному должны присоединиться еще шесть счастливцев. Кто они? Этого мы сейчас не знаем. Их имена определятся в ходе межзонального турнира, который происходит на острове Мальорка. Почему межзональный? Потому, что в турнире участвуют те шахматисты, которые завоевали это право в девяти разных зонах.

В Пальма де Мальорка собрался замечательный шахматный ансамбль: 15 гроссмейстеров и 9 мастеров! В самый последний момент даже Роберт Фишер дал согласие включиться в борьбу. Причем «дал согласие», пожалуй, не точная формулировка. Согласие Фишера не помогло бы ему, если бы другой американец, П. Бенко, не уступил ему своего места. В телеграмме к новому президенту ФИДЕ М. Эйве Фишер все же не упустил возможности поставить ряд условий, как, например, обеспечить удобное ему освещение турнирного зала, право не играть в пятницу вечером и субботу днем (Фишер принадлежит к религиозной секте адвентистов).

По мере приближения сроков проведения матча на первенство мира на Западе нарастает шумиха, напоминающая предвыборную кампанию в некоторых странах. Помните, как в прошлом цикле Бент Ларсен не в шутку, а всерьез заявил, что матч с Тиграном Петросяном будет играть он, Ларсен, и выиграет. Не получилось! Большой оптимист в шахматах и жизни, Бент Ларсен не смутился, когда в полуфинале Борис Спасский его буквально разгромил. Датский гроссмейстер на вопрос, что же это значит, ответил: «Ничего страшного не случилось. Я проиграл, но ведь от этого не умирают. Не сейчас, так в следующий раз». Теперь на вопрос, кто будет играть со Спасским, Ларсен отвечает осторожно: «Я или Фишер». (Задавать такой вопрос Фишеру просто бессмысленно, ибо американец может обидеться. Для него этот вопрос ясен.)

Но на этот раз ведь вопрос, кто победит, не главный. Основной вопрос заключается в том, кто попадет в шестерку. Даже Ларсен заявил: «Дайте мне шестое место, и я поеду домой!» Почти все эксперты в числе шести называли Б. Ларсена, Р. Фишера, Л. Портиша, В. Горта. Но вот после шести туров Л. Портиш в плохом настроении: ни одной победы. В. Горт также ни разу не выиграл и успел проиграть самому молодому участнику турнира, Э. Мекингу — «бразильскому шахматному Пеле».

Для нашего квартета — Е. Геллера, Л. Полугаевского, В. Смыслова и М. Тайманова — самый идеальный вариант — всем попасть в шестерку. Реально ли это? Думается, что добиться этого будет трудно. Надо полагать, что Р. Фишер и Б. Ларсен имеют основания на два места, а кроме них, на турнире выступают такие известные гроссмейстеры, как С. Глигорич, Б. Ивков, М. Матулович. А чем хуже шансы В. Ульмана из ГДР?

Шестым туром закончилась первая неделя в Пальма де Мальорка. Надо сказать, что уже старт был полон драматизма. Терпят неудачи В. Горт и В. Смыслов, а Р. Фишер укрепился на первом месте благодаря победе над С. Решевским. Звучат и новые имена — монгола Уйтумена и бразильца Мекинга. Но впереди еще много сенсаций, и до финиша далеко.

СИБИРСКИЙ БОГАТЫРЬ

Б. Е. ЩЕРБИНА,
первый секретарь Тюменского обкома партии

ВОПРОС. Недавно в Сургуте мне показали письмо одного нефтяника. «Приезжай к нам в Тюмень, дружище. Здесь есть нефть, размах, здесь огромное новое дело, здесь ты срочно нужен». Прокомментируйте, пожалуйста, эти строки.

ОТВЕТ. Конечно, десять лет назад мало кто обратил бы внимание на сообщение о том, что в шаимской тайге Семен Урусов получил нефть — событие, которому суждено было стать эпохальным. Тогда только всходила нефтяная звезда Сибири.

Прошедшие годы внесли большие изменения не только в жизнь тюменского края, но и в экономику страны. Главные события в развитии нефтедобывающей и газовой промышленности произошли в нынешнем пятилетии. Как известно, Директивами XXIII съезда КПСС намечено создать в Западной Сибири на базе открытых месторождений нефти и газа, а также лесных богатств крупный народнохозяйственный комплекс. Предусматривалось довести добычу нефти в 1970 году до 20—25 миллионов тонн.

Это задание выполнено досрочно. Сверх двадцати пяти миллионов тонн нефти страна до конца года получит от западносибирских нефтяников еще несколько миллионов тонн. Самоотверженным трудом геологов, строителей, нефтяников создана и ускоренно развивается новая топливно-энергетическая база, способная практически в неограниченных размерах поставлять стране топливо, сырье и обеспечивать непрерывный рост энергетики и химии.

41 нефтяное, 39 газовых, 4 газоконденсатных месторождения — таков итог поисков геологов. Многие месторождения уникальны. Самотлорское нефтяное — одно из таких. Его запасы до конца еще не определены. Но и те, что уже известны, дают возможность добывать до ста миллионов тонн в год. Уренгойский газовый гигант содержит свыше 5 триллионов кубометров голубого топлива.

Когда ученые и геологи подсчитали запасы нефти и газа в недрах Западной Сибири, они, что называется, видавшие виды, удивились огромным цифрам. Никогда раньше им не приходилось сталкиваться с такими величинами. Оказалось, что потенциальные ресурсы позволяют рассчитать возможную добычу до миллиарда тонн нефти и более триллиона кубометров природного газа в год! А из открытых и разведанных на сегодня — не одну сотню миллионов тонн «черного золота» и до шестисот миллиардов кубометров газа.

Внимание геологов сейчас сосредоточено на разведке более крупных месторождений, меловых и верхнеюрских отложений северных районов области, богатых нефтью и конденсатом. Недалеко то время, когда разведчики недр начнут штурмовать самые северные районы полуострова Ямал, выйдут с поиском в Карское море.

Капитальные вложения в развитие экономики края достигли миллиарда рублей в год. В непроходимой тайге выросли новые города и поселки, нефтяные и газовые промыслы, проложены железные дороги, магистральные трубопроводы, высоковольтные линии электропередач, созданы телевизионные сети, обеспечивающие устойчивый прием московских передач почти по всей области.

Добыча нефти увеличивается с каждым годом. Темпы ее опережают все ранее сделанные наметки. В 1965 году было добыто меньше миллиона тонн, а уже через три года — свыше 21 миллиона. В этом году будет добыто более 31 миллиона тонн сибирской нефти. 12 сентября нефтяники досрочно завершили свою пятилетку.

Все это не пришло само собой. В освоение таежного края вложен огромный труд геологов, строителей, нефтяников, газовиков, посланцев многих братских республик и нефтедобывающих областей. Особенно возросла эта помощь после известного постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири». Партийные организации Москвы, Украины, Ленинграда, Азербайджана, Татарии, Башкирии, Куйбышевской и других областей, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ оказывают огромную помощь сибирякам. Без такой поддержки и помощи не выдержать столь бурных темпов роста нефтедобычи. Мы благодарны работникам промышленности, транспорта, институтов, всем, кто досрочно и с высоким качеством выполняет заказы новостройки.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили подвиг покорителей недр, их самоотверженность и настойчивость. Девяти первооткрывателям сибирской нефти присвоено звание Героя Социалистического Труда, тридцать один человек удостоен Ленинской премии, более шестисот награждены орденами и медалями.

Развитие нефтяной и газовой промышленности, в свою очередь, вызвало рост машиностроения, электроэнергетики, транспорта, строительной индустрии, сельского хозяйства. Объем производства в области за пятилетку удвоился. А предстоящее пятилетие внесет новые преобразования в Приобье.

ВОПРОС. Однажды группа ученых взялась подсчитать, сколько серьезных проблем следует решить при освоении сибирских нефтяных залежей. Насчитали до двухсот и бросили. Каковы основные из этих проблем?

ОТВЕТ. Многое уже сделано. Но главная проблема — транспортная — пока до конца не решена. Сбыт нефти сейчас нас беспокоит больше, чем добыча. Перерабатывающие заводы на Востоке не могут принять всю нефть, добываемую в Сибири. Нужно ускорить сооружение магистрального трубопровода до Альметьевска и дать выход нефти на Запад и в Центр страны. Надо в короткие сроки увеличить мощность переработки нефти на Востоке и начать строительство Тобольского нефтехимического комбината.

Особая забота об автоматизации и комплексной механизации промыслов. У нас уже имеется некоторый опыт в этом деле. Полная система автоматизации и диспетчеризации производственных процессов внедрена на Пунгинском газовом промысле. Это первая в стране система подобного типа. Полный комплекс автоматических средств предусмотрено внедрить на Усть-Балыкском нефтяном месторождении. Но это — только начало той большой работы, которую нам необходимо провести. Научно-исследовательские институты, инженеры и техники сейчас детально прорабатывают эту проблему.

Наша задача — создать в Западной Сибири нефтедобывающую промышленность на уровне технического прогресса семидесятых годов. Буровики и нефтяники широко применяют высокоэффективные методы бурения и добычи нефти. Все это позволяет добиваться более высокой эффективности в работе, экономить значительные средства, оборудовать промыслы на современном техническом уровне.

ВОПРОС. Добыча нефти в СССР двигается к внушительному рубежу — миллиону тонн в сутки. Каков вклад тюменских нефтяников в этот миллион?

ОТВЕТ. В нефтяную реку страны с каждым годом вливается все более мощный поток сибирской нефти. Сейчас добыча «черного золота» достигла здесь ста тысяч тонн в сутки. Тюменские промыслы теперь дают половину годового общесоюзного прироста добычи нефти. В Западной Сибири создается новый нефтегазодобывающий гигант, который уже в 1975 году поставит стране свыше 120, а в 1980 году — 260 миллионов тонн нефти.

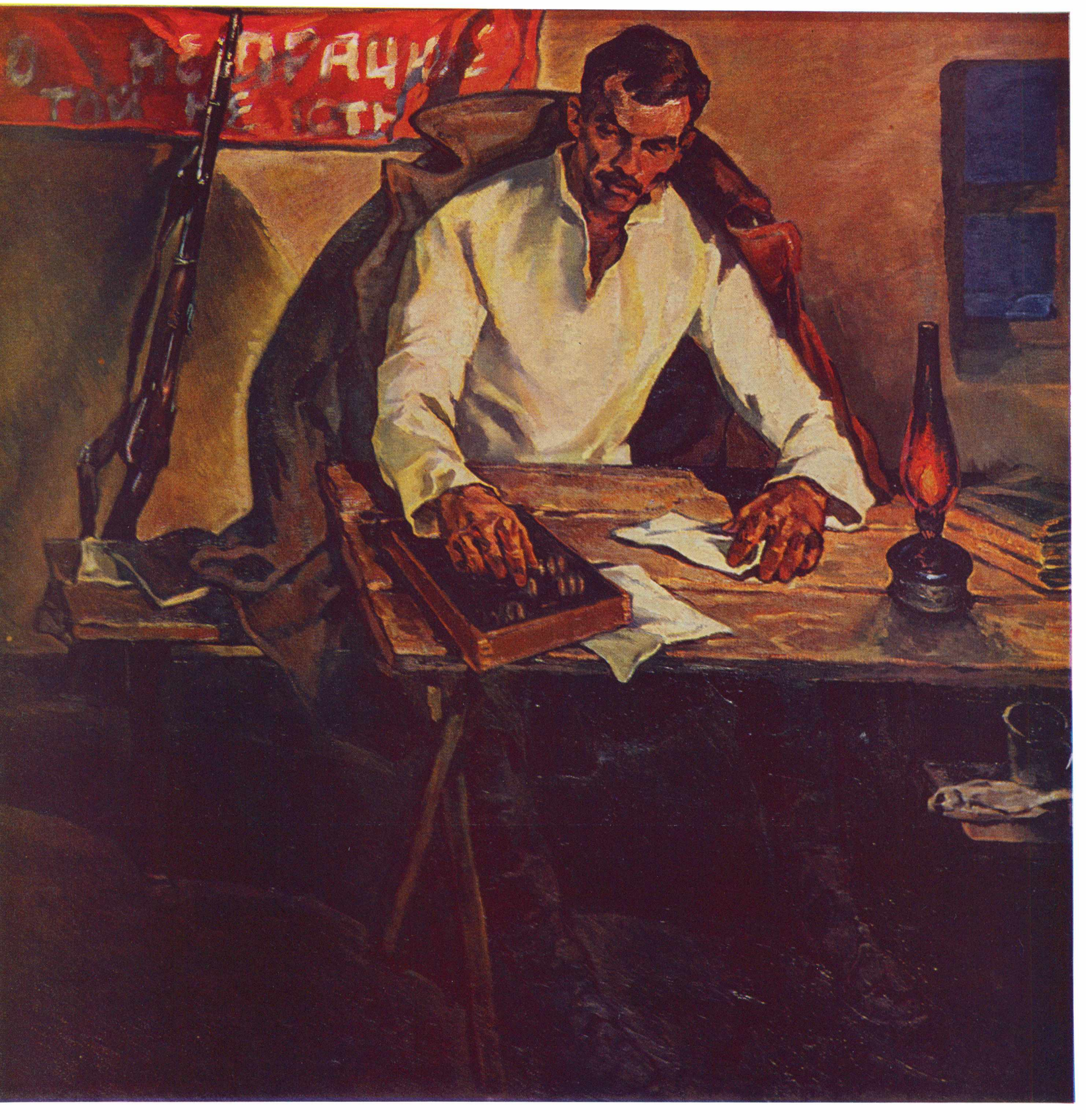
В социалистических обязательствах, принятых в честь XXIV съезда КПСС, выражено горячее стремление тюменцев дать Родине как можно больше нефти. В соревнование включаются все новые и новые отряды. Радуют успехи буровиков. Миллион метров скважин обязуются нынче пройти буровики Главтюменьнефтегаза. В предстоящем пятилетии мастера высоких скоростей А. Шакшин, Г. Петров, С. Ягофаров, М. Сергеев, В. Леванов, Г. Лёвин и другие намереваются достичь рекордного показателя — 80—100 тысяч метров на бригаду. Это будет выдающийся вклад в буровое дело.

Борьба за выполнение предсъездовских обязательств стала главным в деятельности наших партийных организаций. На трудовую вахту встали геологи и нефтяники, буровики и строители. Поистине трудовой энтузиазм проявляет молодежь. И это естественно: стройка здесь комсомольская. Посланцы многомиллионного комсомола проходят тут суровую школу, приобретают практический опыт. Поезжайте, например, на Самотлор, посмотрите, как там живут, трудятся и побеждают стихию наши герои. Пусть познакомятся с ними читатели «Огонька».

В. Шаталин (Киев). СОБИРАЛИСЬ ОТРЯДЫ ЮНЫХ БОЙЦОВ.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Г. Крыжевский (Одесса). ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Всесоюзная художественная выставка
посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина

Эхо Самотлора

Юрий ЛУШИН,

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.
Специальные корреспонденты «Огонька»

ПОВОРОТЫ

«Трудности обновляют человека — так я думаю. Самотлор — это трудности» (Заки Ахмадишин, член штаба ударной комсомольской стройки, инженер-буровик).

Пытаюсь вспомнить, когда, в какой момент он произнес эту фразу. Впрочем, не все ли равно, когда. Главное в том, что Заки не мог не сказать этих слов. Так же как не мог не шагнуть тогда в ночь навстречу беде, позабыв обо всем на свете. А ведь это был самый торжественный в его жизни день. В свадебном костюме, в белоснежной рубашке он встал из-за праздничного стола и ринулся на улицу, в темень, едва только услышал: «Авария на буровой». Он только успел сказать невесте: «Извини, Венера, я на час». И исчез. Он мог бы остаться, и его, вероятно, поняли бы, но Заки не остался, не мог бросить в беде своих товарищей, зная, что они надеются на него. Остаться — значит предать? Он ушел. Венера растерянно сидела в центре свадебного стола. Гости тоже поутихли. Незачем теперь кричать хором «Горько!» и смотреть, как смущаются Заки и Венера. Замолчал, задумался и Николай Иванович Курышев — директор конторы бурения, почетный гость. Вспомнил, как появился Ахмадишин в Азнакаеве после окончания Уфимского нефтяного института. Курышев повертел тогда в руках его новенький диплом: «Инженер? Это хорошо». И спросил: «А для начала пойдешь рабочим, помбуром?» И уставился на новичка. И обрадовался, услышав утвердительное: «Согласен. Пойду...» Ну, что же, он как будто не ошибся в Ахмадишине. Курышев оторвался от воспоминаний, взглянул на Венеру. «Привыкай, голубушка, женой бурильщика быть! — не то шутя, не то серьезно сказал он и поднял тост: — За жен буровиков!» Свадьба продолжалась без жениха.

...Через час Заки не вернулся. Через три — тоже. Утром и еще одним утром его опять не было. На третий день Венера сама поехала на буровую. Ничего страшного. Он был жив и здоров, перепачкан по уши соляркой и очень, очень ей рад. Но уехать не может. Да и как уехать, если дело еще не кончено? Заки попал домой только через две недели.

«Извини, Венера, я на час»,— вспомнила она. О, сколько раз еще придется ей вспоминать эту фразу! В ту злополучную субботу он тоже выехал только на час. Но до буровой не доехал. Где-то на полпути на крутом повороте машина перевернулась. Ахмадишина и еще одного парня-электрика выбросило из кузова. Какие-то люди настойчиво спрашивали его: «Вы кто?» Он молчал, боялся представить себе испуганные глаза Венеры. Электрика не спрашивали, и Заки подумал, что тот, вероятно, отделался легче. Потом сознание покинуло его и вернулось лишь через много дней. Он лежал на больничной койке. Малейшие движения вызывали адские боли. А он теребил врачей: ему нельзя лежать, ему нужно скорее на буровую, ему обещали дать бригаду и сделать буровым мастером.

— Доктор, вы знаете, что такое бригада?

Доктор молчал и улыбался. Он знал одно: парню каким-то чудом удалось выжить. Сильнейшее сотрясение мозга и паралич левой стороны тела — пожалуй, многовато для такого хрупкого юноши. Тот, второй, электрик, умер через несколько минут. Этот на буровую, конечно, тоже не вернется. Инвалид второй группы — вот его будущее. Ахмадишин тогда еще не знал, что несколько дней его тело не реагировало на боль, а зрачки глаз — на свет. Медики называют это состояние коматозным, за ним обычно следует агония. Он узнал обо всем этом только через три месяца, когда выписывался из больницы.

Итак, его будущее теперь — инвалид, пенсия. И на долгие годы такая программа: не нервничать, не перенапрягаться, беречь себя. «Беречь для чего?— возмущался он.— Чтобы есть хлеб, ничего не давая взамен? К тому же с сохранением зарплаты. Один идиот даже сказал: «Повезло тебе, работать не надо». Так я ему... Мне всего двадцать четыре года, я отказываюсь от такого будущего». Заки пришел в контору и мрачно пошутил: «А на том свете нефти нет, ребята. Точно вам говорю. Я вернулся оттуда и снова хочу на буровую...» Ему отказали, но предложили должность инженера технологического отдела. Он воспринял свое назначение как почетную, но все-таки пенсию.

— Я тогда изнервничался и других зря мучил,— говорил мне Заки задумчиво.— Любое проявление жалости воспринимал болезненно и видел ее там, где ничего не было. Гонору молодого во мне еще много оставалось. Хватался за всякие общественные работы, доказывал, что все могу. Снова просился на буровую — не пускали. Назначили старшим инженером ПТО. А тут начала греметь сибирская нефть. Написал письмо в Усть-Балык, стал ждать. Пришел вызов — буровым мастером. Радости — до небес...

...Ахмадишин сидел в вагончике, занесенном по крышу снегом. На буровой в талях свистела пурга, выходить не хотелось. Уж не раскис ли ты, Заки? Не думаешь ли, что сибирская нефть сама начнет бить фонтанами? Ну-ка, попробуй, достань ее. Он распахивает дверь, шагает в пургу. Бригада ему досталась не мед. До него сменилось в ней пять мастеров, люди ходили с заявлениями об уходе, скважина оказалась в аварийном состоянии. Он понимал, что только победа может поднять настроение людей. Другого варианта не видел. В холодной квартире, где, кроме него, жили еще три семьи (с жильем было тогда туго, Нефтеюганск только начинался), его почти не видели. Он дневал и ночевал на буровой. Заки заставил людей обрести утраченную веру в свои силы. Они возились с буровой целый месяц и победили.

Еще в Татарии Ахмадишин наслышался о сибирских болотах и морозах. К морозам он уже привык, теперь предстояло схлестнуться с болотами: подходило лето. Заки подумал, что, может быть, в условиях бездорожья помогут наклонные скважины. Бурят же такие в море, в Баку. Главный инженер конторы бурения Леонид Григорьевич Савва поддержал его. Замахнулись широко — пробурить первую в Среднем Приобье наклонную скважину с отходом от устья на 1 500 метров. Такой скважины не бурилось до тех пор и сейчас нет.

— Без опыта дело началось туго. Первый ствол запороли. Пять месяцев бились. Спал два-три часа в сутки. Тогда пошел разговор, что наклонные в Приобье не пойдут. Но мы не сдавались...

Уже осень. Хлещет нескончаемый дождь. Юганка вздулась рыжей водой. В ста метрах на берегу буровая. Сто метров жидкой рыжей грязи. Им все-таки верят, поручили с одного места пробурить две скважины — вертикальную и наклонную. В это время из Татарии приехала Венера с сынишкой Рустамом и дочуркой Кадрией. А в квартире грязь, идет ремонт, отопление еще не пущено, холод. Приехали, и все заболели. На работе тоже неудачи. На 900-м метре бурильщик оборвал инструмент.

— И как назло в октябре начались заморозки. Думал, не вытащим, все замерзнет. Сам едва дышу, и ребята дошли до ручки. Сидим на бурильных трубах и обсуждаем: что делать? А что делать — выгонят, наверное, меня. Заслужил. Или я пробурю эту чертову скважину...

Каким-то чудом вытащили инструмент. Пробурили колодец для чистой воды и наконец закончили первую наклонную скважину с отходом от устья в 600 метров. И снова неудача: неопытный бурильщик рванул и порвал колонну. Опять аврал...

— Полоса неудач, однако, кончилась,— продолжает рассказывать Заки,— мы быстро пробурили глубокую скважину в 3 300 метров, контора выполнила план, а потом снова перешли на наклонную и сдали ее с опережением и без аварий. Душа радовалась. И тут меня забрали из бригады—главным технологом. Сказали: научился бурить наклонные сам — научи других...

Учить оказалось труднее, чем он думал. Бессонных ночей прибавилось. Но прибавилось и побед. Опыт нефтеюганцев распространялся по всему Приобью. Жажда жизни захватила Ахмадишина, он даже не испугался вторичного предупреждения врачей: беречься переутомления и нервного перенапряжения. Его пригласили главным инженером в Игрим. Он согласился без колебаний, хотя знал: год в Игриме не обходился без аварий. За короткое время в конторе сменилось четыре директора и четыре главных инженера. Но он поехал.

В Игриме совсем другие дела. В Игриме газ, а с газом надо на «Вы». Ахмадишин и тут остался верен себе: не давал пощады ни себе, ни людям. Но своего добился: контора впервые выполнила план. Сам он сказал об этом так: «Просто люди стали работать по-настоящему, вот и все. За два неполных года мы сделали 46 скважин, а до этого было всего 12. И ни одной аварии. Люди все могут...»

Зимой пришла весть, что член Ревизионной комиссии ЦК ВЛКСМ коммунист Заки Ахмадишин награжден «Почетным знаком ВЛКСМ». Награда искала его в Игриме, а он был уже далеко, на новом месте — на Самотлоре. Он не мог допустить даже мысли о том, чтобы уникальное и самое большое в стране месторождение нефти разрабатывалось без его участия.

В «Главтюменьнефтегазе» есть специальная папка с названием «Самотлор». Первый документ в ней — заявление Ахмадишина с просьбой принять на работу. Хотел успеть первым и успел. И здесь Заки просился на буровую. Но знающий инженер был нужнее в производственно-техническом отделе, и он стал начальником ПТО. Той зимой актированных (невозможных для работы) дней было гораздо больше, чем неактированных. Стальные трубы лопались от мороза. Первая буровая установка, которую они везли на место, то и дело тонула в живунах — незамерзающих болотах. Это при 50 градусах мороза! Забурились в ночь под воскресенье. Буровая была похожа на громадную сосульку, а бригада Степана Повха — на дедов-морозов. Ахмадишин не вытерпел и встал за верхового. Через месяц здесь ударил первый фонтан самотлорской нефти. Заки бегал вместе со всеми по буровой, мазал щеки маслянистой пахучей кровью земли, словно исполнял священный ритуальный танец. И орал что-то несвязное. Первая нефть пошла!

— После таких минут,— говорил он,— забываешь все невзгоды. Кто испытал их, тот уже никуда не уйдет. Никуда!

ЧЕТЫРЕЖДЫ МОРЕ

«Самотлор — это море. Зимой — море снега. Весной — море воды. Летом и осенью — море болот, озер и мошки. И в любое время года — бездонное море нефти, которое надо выкачать» (Оператор промысла Михаил Лазарев).

Вертолет описывает широкий круг над Нижневартовском. Дома в нем веселые, разноцветные — голубые, коричневые, синие, розовые. Бетонные дороги и тротуары разбежались в разные стороны. Я помню Нижневартовск совсем не таким — маленьким, однотонным, без тротуаров. Сразу за крайним домом пошло-поехало — тайга да болото, болото да тайга. Пятнами. Наш спутник, начальник участка Виктор Иванов, показывает вниз: «Самотлор!» Смотрим. Довольно большое, не меньше десятка километров в длину, черное, таинственное озеро. Километрах в двух от берега гигантский алый факел газа. Поблизости какие-то серебристые цистерны. Садимся рядом. Вертолет улетает, но гул остается. Ага, понятно — газовый факел гудит. Точнее, ревет. Теперь даже чувствуется жар его огня.

— Прошу на наш Самотлорский проспект,— приглашает Иванов и идет вперед по деревянным мосткам, проложенным прямо по болоту. Кое-где их перехлестывает вода. Пробую поставить ногу рядом с мостком — она по колено легко погружается в жидкий торф. Слева — серебристые вагончики цеха поддержания пластового давления. Мощные центробежные насосы каждые сутки закачивают в пласты свыше 20 тысяч кубометров воды, которая, подобно домкрату, поддерживает нефтяной горизонт. Не будь этих насосов, скважины использовались бы только наполовину. Вода оказывается среди первоочередных проблем Самотлора. «Промысел на бездонном болоте, а воды не хватает,— говорит Иванов.— Видите буровую? Воду ищут. Промысел растет, и трудно даже представить, какую бездну воды он потребует».

Шагаем по проспекту, останавливаемся у плаката — «19 ноября 1969 года Родина получила первый миллион самотлорской нефти» — и идем дальше.

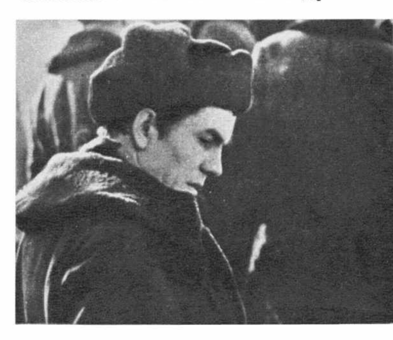
— А это ДНС,— несколько торжественно объявляет Иванов.— Наша святая святых — дожимная насосная станция. Сюда со всех действующих скважин трубы-капилляры несут нефть. Тут она очищается, а дальше ей одна дорога — в магистральный трубопровод Александровское — Омск, на переработку.

Виктор Иванов как подошел к своей ДНС, так и нырнул туда — к насосам, задвижкам, манометрам, серебристым цистернам с надписью «Огнеопасно». Только мы его и видели! Нырнул, успев, впрочем, сказать: «Вот Михаил Аверьянович, он тут не только оператор, но и парторг, все здесь знает».

Михаил Лазарев действительно все знал.

— У нас сейчас в работе двадцать шесть скважин. Будет больше. К каждой из них мы ежедневно должны пройти, проехать или подлететь, проверить, нет ли где разрыва трубы, в порядке ли задвижки, взять пробы нефти, измерить дебит. Дел, как видите, хватает. У нас есть такие скважины, к которым мы идем обычно вдвоем, обязательно с шестами и веревкой — с болотом шутки шутить не стоит. Два километра одолеваем за два часа. Что делать — болотное море! Один трубопровод у нас даже на поплавках держится. Особенно туго весной, в половодье. В Мегионе случилось так, что все сква-

Заки Ахмадишин: «Трудности обновляют человека — так я думаю».

Виктор Алексеев: «Самотлор — это прежде всего дорога».

Это Самотлор.

Геннадий Лёвин: «Две тысячи скважин — это пока...»

Бурильщик Ингиль Хасанов (справа) и слесарь Павел Макаров.

ПЯТЬДЕСЯТ КРЫ

Третьего декабря 1920 года Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов-Ленин и Управляющий делами СНК В. Бонч-Бруевич подписали постановление, в котором отмечалось 50-летие научной деятельности профессора Н. Е. Жуковского и огромных его, «как отца русской авиации», заслуг.

Нелегко, вероятно, найти еще одну такую же сердечную формулировку в текстах государственных актов тех суровых лет...

Ныне детище ученого — Военно-воздушная инженерная ордена Ленина Краснознаменная академия имени профессора Н. Е. Жуковского — празднует свое пятидесятилетие.

Сколько сделано за этот в общем-то не длинный исторический срок! Невозможно даже просто перечислить все заслуги академии. Здесь подготовлены многие тысячи высококвалифицированных инженеров и командиров, в том числе известные военачальники — авиаторы К. А. Вершинин, П. Ф. Жигарев, С. И. Руденко, С. А. Красовский и другие; здесь защитили диссертации более ста докторов и более тысячи кандидатов технических наук. Уже первые выпуски крылатой академии выдвинули имена, прославившие советскую авиационную науку и технику. Отсюда начался наш путь в стратосферу: первые советские стратонавты К. Годунов и П. Федосеенко — выпускники академии. Расчеты полетов в стратосферу тоже сделал воспитанник академии В. Семенов.

Всему миру известно имя одного из создателей первой советской ракеты «09» с жидкостным двигателем — лауреата Ленинской премии, Героя Социалистического Труда профессора М. Тихонравова — питомца академии. Из стен ее вышли известные всем генеральные конструкторы С. Ильюшин, А. Микоян, С. Туманский, Н. Кузнецов, А. Яковлев. И, наверное, еще за учебным академическим столом Арам Рафаэльянц задумал свой «турболет», явившийся предтечей летательных аппаратов с системой мягкой посадки.

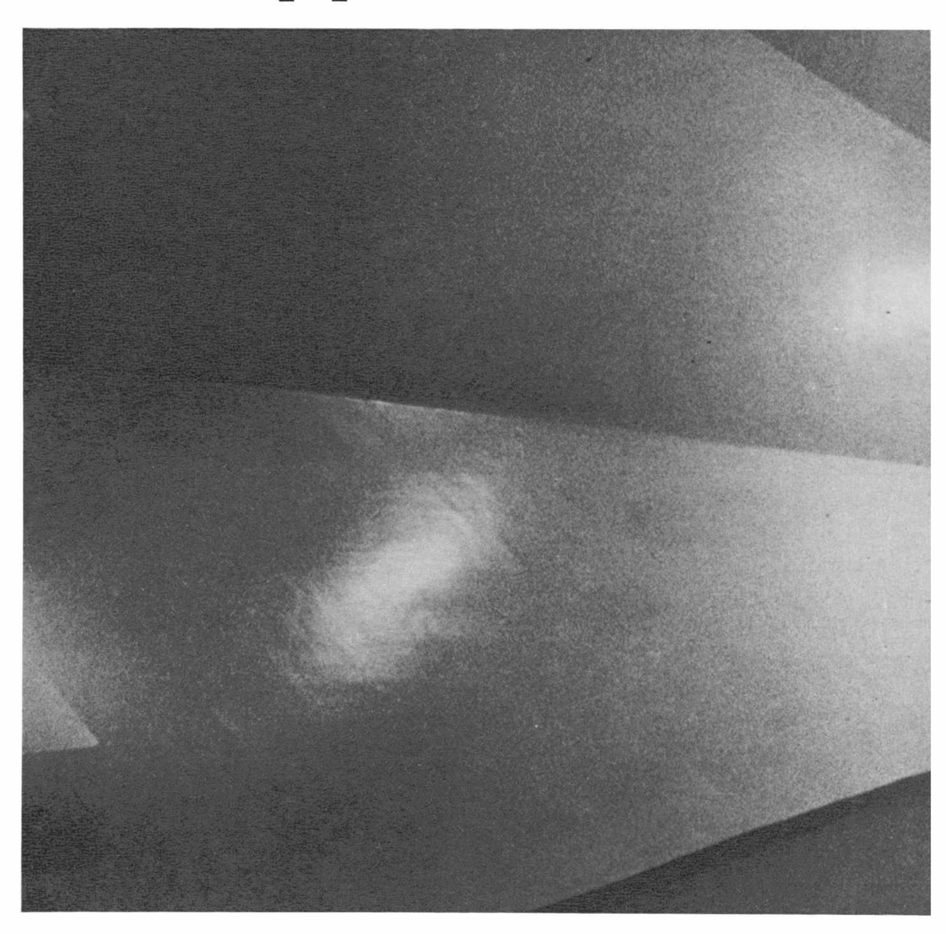
В начале минувшей войны неожиданно для гитлеровцев над их головами в глубоком тылу появились тяжелые воздушные корабли «Петляков-8» и самолеты «Ермолаев-2» («Ер-2»). Эти машины были оснащены мощными дизельными двигателями конструктора А. Чаромского, окончившего академию в 1928 году. Не только на нашей земле, но и за ее рубежами в местах крупнейших сражений с гитлеровцами застыли на века знаменитые «тридцатьчетверки», ставшие ныне памятниками. Сердцем этой непревзойденной машины был также дизель Чаромского.

В тридцатых годах не один рекорд высоты, дальности, грузоподъемности завоевали тяжелые самолеты бывшего слушателя академии В. Болховитинова. А спустя несколько лет Константин Бахчиванджи поднял в воздух его первый в мире реактивный истребитель «БИ-1».

...У ворот академии два бронзовых бюста — Константин Циолковский и Николай Жуковский. Они смотрят в сторону Центрального аэродрома — бывшего Ходынского поля, на которое приезжал Ленин, чтобы наблюдать полеты первых красвоенлетов. А первого сентября 1961 года мимо этих двух бронзовых бюстов вошла в здание академии группа молодых авиаторов, среди которых был и коммунист, первый землянин, облетевший в космосе «вокруг шарика», Юрий Гагарин...

И когда пройдешь через первоклассные аудитории и лаборатории академии, побываешь в ангарах, невольно вспоминаешь слова Жуковского о том, что человек полетит, опираясь не на силу своих мускулов, а на силу своего разума.

Г. МАКАРОВ
Фото автора.

На кафедре аэродинамики.

жины под водой оказались. Едем на амфибиях, чутьем угадываем, где, что. Задвижки приходилось открывать ногами, стоя по грудь в воде — а это ведь не Черное море — Самотлор.

— Сюда бы «Кентавр»,— вслух подумал я. Есть такая Комплексная единая нефтепромысловая телемеханическая автоматическая времяраспределительная система. Оператор только нажимает кнопку, и сигнал «Кентавра» по обычной линии электропередач уходит на «Спутник» — так называются объекты системы, установленные на местах. Автоматически замеряется дебит скважин и другие параметры. Сигналы улавливаются в «Спутниках» специальными высокочастотными фильтрами. Операторам уже не нужно ходить десятки километров от скважины к скважине.

— Где это такое?— загорелись глаза у Лазарева.

— Эксперименты идут и в Тюменской области, в Шаиме.

— Значит, будут и у нас,— убежденно сказал он.

БУДУЩЕЕ. ВОСЕМНАДЦАТЫЙ КИЛОМЕТР

> **«Теперь у нас жизнь хорошая, дорога есть. Самотлор — это дорога» (Прораб Виктор Алексеев).**

Едем по стиральной доске, увеличенной раз в сто. У доски этой существует официальное название — лежневка. На нее тут молятся. Автобус то мелко и часто начинает дрожать, словно бьется в припадке, то вдруг ухает одним бортом в какую-то яму. Тогда из одного окна можно увидеть близко-близко ржавую воду болота, а в другом — смазанные золотой кистью верхушки осенних берез. И тем не менее на лежневку молятся. Она стоит того. Какая бы ни была, а дорога. Вспоминаю, как три года назад где-то недалеко от этих же мест меня забросили вертолетом к геофизикам. Я попросился на денек. Начальник разведки посвойски спросил: «Вот что, могу отправить тебя либо в очень хорошее место, либо в очень плохое. Выбирай...» «Кто же сам себе враг? Конечно, в самое хорошее». «Тогда к Фомичу».

...Летим. Внизу под нами пасторальный пейзаж — елочки, озерца, зеленое море травы. А вертолет сесть здесь может только в порядке чуда: кругом болота. И все-таки снижаемся. Нас встречают пятеро мушкетеров в завороченных бродних. Пока я гадал, кто из них Фомич, вертолет исчез. Осматриваюсь. Слева по болоту протянут кабель. Где-то в той стороне скоро начнутся сейсмические взрывы, ради которых я и прилетел сюда. Справа — тоже болото. И спереди и сзади. Вот оно какое, это «самое хорошее» место! На пятачке суши — две палатки, костер, яма, где собирается вода для питья. В палатке начальника отряда Павла Фомича Мазунина — рация и сейсмоприемник. Он с ходу берется за мое просвещение и начинает втолковывать технологию сейсморазведки. По его словам, все очень просто. «Прилетаем. Протягиваем кабель. Закладываем заряды. Взрываем. Отраженные волны фиксируются сейсмоприемником и автоматически записываются на ленту. С их помощью строится структура (разрез) земли. Данные изучаются, и по ним дается заключение — есть нефть или нет. А мы идем дальше...»

Погода между тем нелетная. Третий день нет вертолета. Дождь и тучи комаров. Может, это они и застилают горизонт. Ходим в противомоскитных сетках. Мне объясняют, что так может продолжаться неделю или больше. Я уже досконально изучил метод отраженных волн и проникся величайшим уважением к геофизической науке. Из разговоров я понял, что лучшие люди на земле, конечно, геофизики. Они же заняты важнейшим в мире делом — выдают структуры. А уж потом ничего не стоит проткнуть в земле дырку, и из нее потечет нефть — только бочки подставляй. Но это уже не для геофизиков...

К вечеру кончился хлеб. Фомич кричал по рации на базу: «Все нормально, нормально. Кончился хлеб. Завтра кончаются галеты, галеты. Как поняли? Прием...» База поняла. База просила подождать еще немного, и мы снова ждали. Я нервно похрустывал в кармане рублевками, но гениальная формула Маркса «Деньги — Товар» здесь превращалась в абстракцию. А находились-то мы не так далеко от цивилизации: ночами отчетливо слышались гудки пароходов на Оби. Но как к ней выбраться? Дороги не было. На пятый день только я засел с отчаяния за «Основы геофизики», как с базы передали куплет с намеком:

«Голодали три недели, а потом не утерпели:
Трудный выдался момент, вкусным был корреспондент».

Вслед за куплетом пришла радостная весть — вертолет вылетел! Погода наладилась, я остался жив...

Все это я вспомнил, путешествуя по лежневке. Нет, что ни говори, а лежневка на Самотлоре — это действительно хорошо. Тем более что параллельно ей тянется уже лента великолепной бетонной автострады. Мы проехали и по ней. На 18-м километре бетонка кончалась. Здесь хозяйничали мощные скреперы, бульдозеры-болотники.

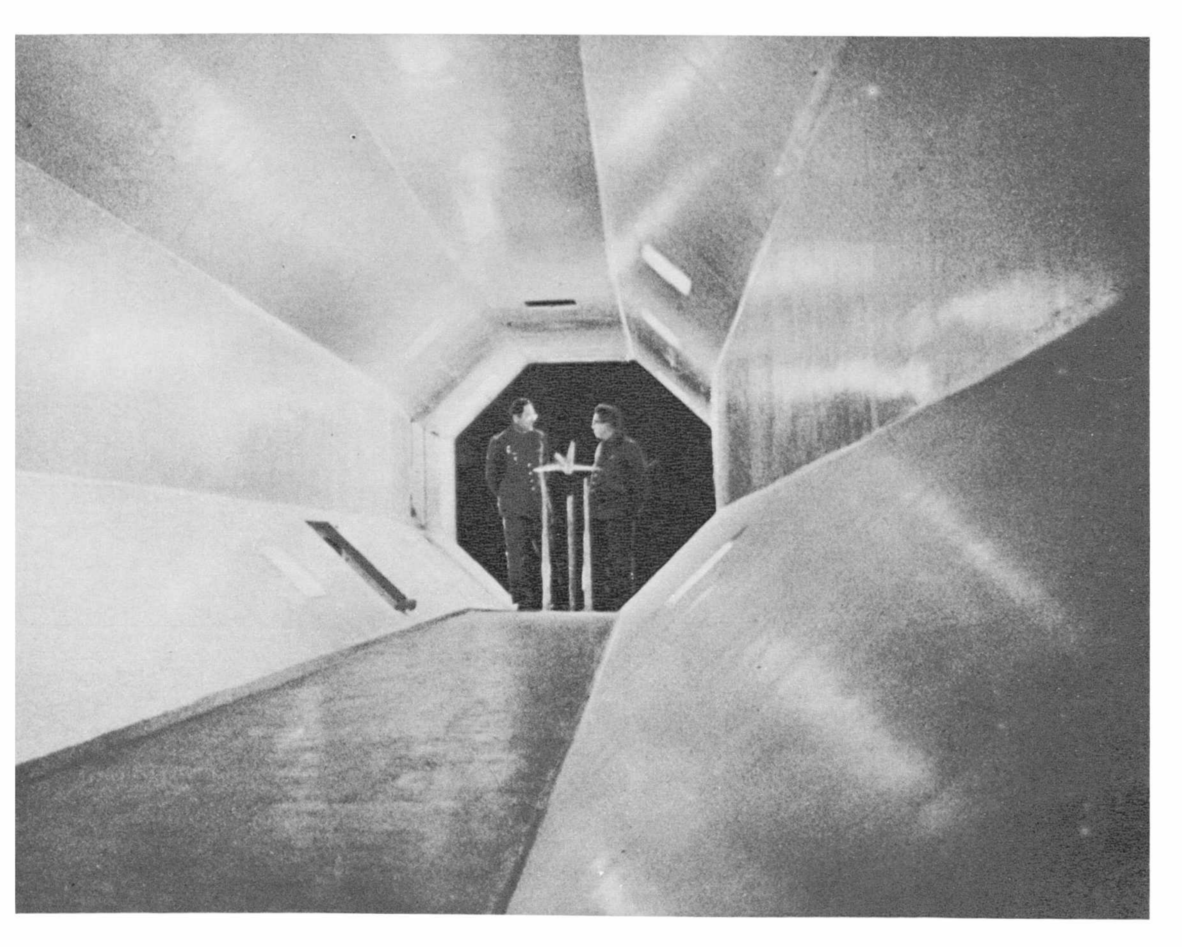
— Эй, а кто тут хозяин?— окликнули мы молодого парнишку с рейкой.

— Да, наверное, я хозяин,— ответил тот и протянул руку,— Виктор Алексеев, прораб.

Хозяин, несмотря на молодость, оказался достаточно опытен. Успел побывать на строительстве автострады Москва — Рига, да и тут не первый год. Сначала все ему здесь не нравилось, уехать хотел, а теперь — никуда!

— Как работаем?— переспросил он.— Вышли мы на 90-й пикет, а трасса на болото налетела. Обычное дело, думаю, пройдем быстро. Мало ли болот одолевали, привыкли уже. Начали засыпать, вроде все нормально было, а утром пришли — как будто и не начинали. Никаких следов, словно корова языком слизнула. Да! Болотишко с виду так себе, плюгавенькое, но торф жидкий, дна нет. Пришлось наступать на него с двух сторон. Целый месяц провозились. И все же прошли. Сейчас к Самотлору вплотную подходим. Дорога сделает вокруг него кольцо, а от кольца пойдут ответвления к промыслам. Без дороги здесь туго, летом и

ЛАТЫХ ЛЕТ

Парад 7 ноября 1970 года. Знамя академии пронес слушатель третьего курса старший техник-лейтенант Анатолий Кочегаров.

вовсе невозможно. А пока вот — восемнадцатый километр. Так и работаем...

БЫЛО ВСЕ, ЧЕМ ПУГАЛИ...

«Самотлор — это две тысячи скважин, которые мы должны пробурить. Пока. Сколько будет еще — неизвестно» (Буровой мастер коммунист Геннадий Лёвин).

— Было все, чем пугали перед отъездом с Волги,— негромко говорил Геннадий Лёвин.— Свирепые морозы и свирепое солнце, комары, болота и бездорожье. Приехали зимой. Старожилы высчитывали, в каком тридесятом году были такие страшные морозы, как в ту зиму. Получалось — сто лет назад. Но дело не в этом. Даже лучше, что природа сразу испытала нас всем, на что оказалась способной. Уж очень мы наслышались о Самотлоре. А тут как раз решили испытать кустовой метод бурения — с одного места бурится несколько наклонных скважин в разные стороны. Первый на Самотлоре куст поручили почему-то нам. Волнуемся, но виду не подаем. Дорожники устроили лежневое основание под буровую, перевезли вышку, а в апреле мы забурились. Удачно. Все же девять лет всей бригадой вместе работаем, вместе и приехали из Куйбышева. Понимаем друг друга с полуслова. Бурильщики в бригаде отличные. Сергей Иванович Феоктистов — ветеран бригады, орденом Ленина награжден. Валентин Васильев хотя по стажу и самый молодой, а в этом году пробурил больше всех — одиннадцать тысяч метров. Ганияд Сабиров — этот вырос в бригаде, наш воспитанник. Ну и Ингиль Хасанов тоже опытен.

Бурим. Пока держались морозы — не страшно. А в мае развезло, кругом вода — шагу в сторону не ступи. Вышка начала проседать, и нам ничего не оставалось, как ждать, чем все это кончится. Кончилось благополучно. Основание выдержало. Куст мы пробурили и перешли на новый... Помню скважину номер двести четыре. Она обрадовала нас таким фонтаном, какого я в жизни не видел. Говорят, по мощности это первая скважина в Сибири. Вот уже около двух лет она дает по 1 500 тонн нефти в сутки. Ее так и зовут — скважина-рекордсменка.

Перед отъездом я спросил Лёвина:

— Надолго сюда?

— Давайте подсчитаем вместе,— с улыбкой предложил он.— Самотлор пока разбит сеткой на две тысячи скважин. Средняя глубина бурения две тысячи пятьсот метров. При нынешних темпах нам хватит этих скважин лет на двадцать.

— Но ведь темпы растут?

— Правильно... Да и количество скважин — величина отнюдь не постоянная...

МНОГОЭТАЖНЫЙ ПИРОГ

«Это слоеный многоэтажный пирог, понимаете. Начинка — нефть. Мы не должны упустить из виду ни один слой, все «съесть» (Лауреат Ленинской премии В. А. Абазаров, начальник Мегионской нефтеразведочной экспедиции).

Катер шел из Мегиона. Навстречу спешили бесконечным потоком танкеры, сухогрузы и баржи. Везли нефть и лес. А вниз двигался другой, не менее мощный поток — детали домов, железобетонные плиты, кирпич, свежая капуста, трубы, части буровых... Была железная логика в этом постоянном круговороте. И с той же логической последовательностью проходили перед нами новые поселки, города, не так давно нанесенные на карты,— Мегион, Нижневартовск, Нефтеюганск, Сургут...

Я стоял на палубе. На Обь опускался вечер, подсвеченный странным багровым сиянием. Это на Самотлоре светили факелы попутного газа. Я стоял и вспоминал разговор с Владимиром Алексеевичем Абазаровым.

Неизвестно, кто и в какие незапамятные времена нарек это место — Самотлор — ловушка-озеро. Старики ханты утверждают, что так было всегда. Но уж, наверное, не зря его так назвали. К озеру пройти было невозможно: десятиметровой глубины болота и топи грозили гибелью. Но люди совершили невозможное. Они прошли к озеру и раскрыли его тайну. Ловушка оказалась полной нефти. Геофизики предсказывали это в 1964 году, а в мае 1965-го мастер Григорий Норкин получил здесь первый фонтан нефти.

— Недавно Норкин ушел на пенсию,— с сожалением говорил Владимир Алексеевич,— но, к счастью, остались его ученики. Вы, кажется, писали в «Огоньке» о Норкине в том же 1965 году. Да, фонтан мы получили, но о Самотлоре заговорили несколько позже. Мы разведали три месторождения: Белоозерное, Мартовское и собственно Самотлорское. Когда же начали бурить, оказалось то, чего не предвидели и геофизики: вместо трех крупных получилось одно гигантское месторождение. 1967 год окончательно подтвердил мощность месторождения и его многопластовость — до 10 пластов, что само по себе уникально. Мы прикинули приблизительно, что бы это могло означать, и сами себе не поверили — такой внушительной оказалась цифра запасов. Вот тогда и появилось слово Самотлор в его современном значении. Кто-то сказал — жемчужина Сибири, кто-то нарек его открытием века. Но мы-то знаем, что это гигантский слоеный пирог, начиненный нефтью. Каждая эксплуатационная скважина Самотлора способна давать нефти в 20—30 раз больше, чем в среднем по стране.

Самотлор разведан всего лишь на треть, и кто знает, какие еще сюрпризы он преподнесет. Недавно скважина Р-5 дала из сеноманского пласта — глубина 800—850 метров — природный газ. Это качественно новое открытие. Мы таким сюрпризам, разумеется, очень рады. Постараемся не упустить из виду ни один слой, все «съесть»...

На следующий день мы полетели к разведчикам. Знакомый пейзаж — буровая среди болот. Подходит мастер Владимир Шидловский.

— Нам говорили, что вы близки к выполнению пятилетнего плана?

— Близки-то, близки, да вот соседи нас уже обогнали, в счет будущего года работают.

Я знал, что Шидловский участвовал в открытии первой нефти Сибири в Шаиме и до недавнего времени работал там. Но эхо Самотлора властно позвало его, хотя тамошние условия все же полегче. Мастер согласился:

— Да, тут тяжелее.

— А что же вас держит?

Шидловский только улыбнулся и зашагал к буровой.

СЕВЕРНЫЙ РЕЙН — ВЕСТФАЛИЯ

Вл. ПАВЛОВ

Фото автора.

1

2

Свой репортаж я начинаю с этого плаката (фото 1). И не только потому, что на нем начертан призыв «Цветы для Штукенброка» — ради этого призыва наша делегация Советского комитета ветеранов войны и побывала в ФРГ. На этом плакате многократно повторены фрагменты известной фотографии «Горе», снятой моим коллегой — огоньковцем Дмитрием Бальтерманцем в только что освобожденной от гитлеровских захватчиков Керчи. И хоть я не раз видел эту фотографию на выставках и в печати, на плакате она выглядела как бы в ином освещении...

Здесь, в ФРГ, как и везде, фотография служит делу, общему всем честным людям планеты,— борьбе за мир, против войны, зовет преградить дорогу неофашизму, стоит в одном ряду со всеми теми, кто выступает за разрядку напряженности и кто приветствует договор между нашей страной и ФРГ.

Плакат «Цветы для Штукенброка» приглашал жителей Федеративной республики возложить цветы на могилы советских военнопленных, зверски замученных фашистами в годы войны неподалеку от города Штукенброка. И вместе с тем напомнил о том, что пережито.

Впервые я увидел этот плакат в Эссене, в доме окружного комитета Германской коммунистической партии. Там же секретари окружного комитета Манфред Каплюк и Герберт Келлнер познакомили нас с автором — художником Вильгельмом Нимюллером, которого товарищи по партии полушутя называют «главным партийным художником» за то, что весь свой

3

4

недюжинный талант он отдает делу немецкого рабочего класса, его партии.

Германская коммунистическая партия — ГКП — плоть от плоти партия рабочих Западной Германии. Это ощущается в том, что наибольшее влияние партия имеет в промышленных районах Рура, что здание ЦК в Дюссельдорфе и здание окружного комитета в Эссене отремонтированы и с большой любовью отделаны строителями бесплатно, в часы, предназначенные для отдыха, а также и в том, что среди руководителей партии, функционеров ее, большинство — рабочие.

Замечательные люди — западногерманские коммунисты! Нелегка их борьба в цитадели крупного капитала. Но они ведут эту борьбу без страха, без колебаний.

В машине Герберта Келлнера на ключе зажигания вместо обычного брелка — неказистая самодельная кукла.

— Дорогая вещь. Жена сделала,— усмехнулся Герберт, перехватив мой взгляд.— В тюрьме времени много... До того, как наша партия стала легальной, два года отсидела...

— За что?

— Не знаешь, за что сажают в тюрьмы коммунистов?

Да, конечно, знаю. Ведь недаром у Герберта в шляпе, под мягким вельветом,— маленькая стальная каска.

— Для демонстраций, на случай, если достанется по голове полицейской дубинкой...— объяснил Герберт.

Эвальд Хальбах — шофер городского автобуса в Мюнстере и секретарь Мюнстерского горкома Германской коммунистической партии (фото 2).

Эвальд сам показывал нам город — улицы, музеи, исторические здания. Он делал это лучше любого гида, потому что не только прекрасно знает историю своего народа, но и с глубоким уважением, пониманием и любовью относится к ней. И где бы мы ни были в городе — у него всюду знакомые и друзья.

По Мюнстеру Эвальд возил нас в видавшем виды комитетском микроавтобусе, как он сам говорит, на «партийной машине»...

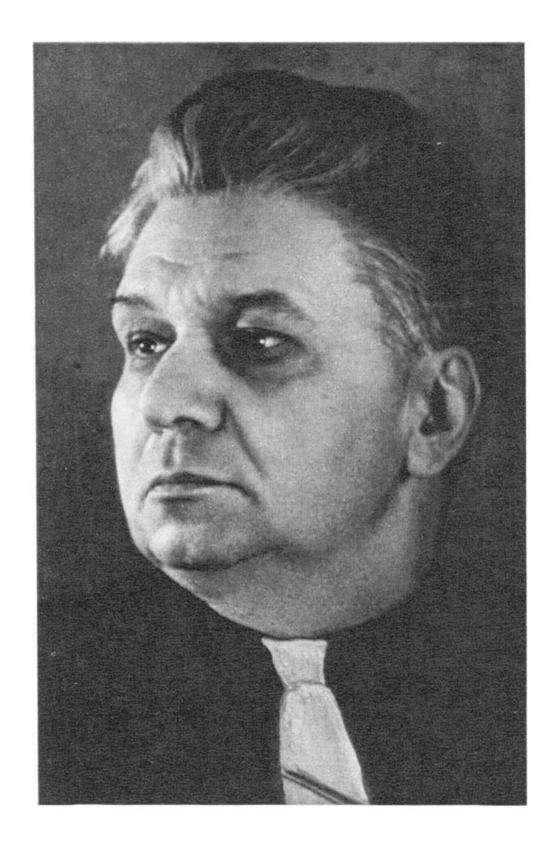
А вот дороги — здесь их называют автобанами. День и ночь мчались мы по ним от одного западногерманского города к другому... Можно сказать, из окна автомобиля рассматривали мы Федеративную республику, знакомились с ней.

Но немногое увидишь на автобанах. Текут по ним толпы автомобилей меж стенами высоких пропыленных посадок, за которыми не разглядеть ничего. Пожалуй, лишь вот такие знаки для войск НАТО (фото 3), предназначенные и для этих чужеземных солдат (фото 4). Да «смог» — смесь промышленных газов и тумана, когда проезжаешь мимо заводов. Да рекламные щиты, что бесконечной лентой летят навстречу.

Вот все, что остается в памяти, когда мчишь из одного западногерманского города в другой...

Только в одном месте хороша дорога — неподалеку от Бонна, там, где бежит она наперегонки с Рейном, на противоположном берегу которого раскрываются красивейшие места Эрбергензибена — немецкого Семигорья.

ТЕАТР ПОГОДИНА

Теперь Николаю Федоровичу Погодину было бы семьдесят лет. Семьдесят — это вовсе не много для истинных художников, неразрывно связавших свою жизнь с народной судьбой. Он и сегодня не был бы еще стариком, а ведь уже очень давно считался первым нашим драматургом.

Он стал первым в семье советских драматургов тогда, когда со всей страстью своей неуемной натуры обратился к главной теме нашего искусства — теме свободного труда. Быть может, ни с кем так органично, так тесно не связана эта тема, как с Погодиным, с его творчеством. Со страниц его ранних пьес глядели лица и цифры неслыханного переворота, индустриального рождения страны. «Темп», «Мой друг», «Поэма о топоре» — все эти пьесы, сами их названия стали как бы вехами нравственной, трудовой биографии поколений. «Мой друг» — название этой погодинской драмы в чем-то, несомненно, символично. Его друзьями навсегда стали труженики, красные директора, люди новой деревни, все те, кто строил новую жизнь, новый облик страны, новые человеческие судьбы.

Погодин был первым, когда начиналась жизнь нашей драматургической Ленинианы. «Человек с ружьем», «Кремлевские куранты», «Третья патетическая» — все эти погодинские творения больше чем пьесы — это запечатленная в искусстве жизнь Ленина, советская классика, наше национальное богатство.

Кому посчастливилось быть на первом спектакле в Театре имени Вахтангова, когда ставили «Человека с ружьем» и на сцену стремительно вышел Щукин — Ленин, не забудет этих мгновений. Мы были на спектакле, но в то же время мы были свидетелями возрождающейся истории. Искусство приобщило в этот миг зрителей к вечности, к бессмертному характеру. И обязаны мы этими чувствами Николаю Федоровичу Погодину, писателю-мыслителю, художнику-политику. Его путь к Ленину был очень естественным, здесь не было разрыва между погодинскими пьесами вообще и его Ленинианой. Он шел к образу Ильича от характеров простых тружеников, которых воспевал в своих драмах; люди свободного труда вели его к апогею образа положительного героя современности — к образу Ленина.

Я хорошо знал Николая Федоровича Погодина, много лет мы работали с ним рядом. Что поражало в этом человеке в первую очередь? Колоссальная трудоспособность. Это был великий труженик, понимавший, что такое труд, потому что работал дни и ночи, не зная простоев, лени, отдыха, ожидания вдохновения. Его вдохновением были жизнь и труд, его счастьем была работа.

Существуют не просто пьесы Погодина; мы имеем право называть их Театром Погодина. Да, это целый театр — и по количеству пьес, и по значительности поднятых проблем, и по масштабности характеров, выведенных в драме. Погодин создал своими пьесами как бы целое население. Погодинский герой — это нарицательное явление, это понятное людям определение, оно означает внутреннюю духовную мобилизованность человека, навсегда призванного страной и ее стройками, ее свершениями.

Необыкновенно занятый собственным творчеством, Погодин мог бы не служить, не заниматься огромным кругом общественных дел. Но он многие годы был редактором журнала «Театр», его выбирали на всевозможные общественные посты, где надо было приносить людям реальную пользу и где требовалась чистая совесть. И в журнале «Театр» он не просто работал, он сразу же придал этому изданию отпечаток своего, погодинского характера, своих, погодинских интересов. С его приходом сразу же возникли две новые рубрики: «Искусство и люди труда», а также «Новые пьесы». Он был не просто редактором — он создавал новый тип журналистики, теснейшим образом соединявшей в слове искусство и труд.

Погодин ушел от нас рано, сраженный тяжелой болезнью, а, может быть, еще и потому, что щедро раздавал горячую душу своим героям, не знал отдыха, трудился, как трудятся только подвижники, влюбленные в свою профессию.

Это была прекрасная, созидательная, нужная людям жизнь. Забыть Погодина невозможно; лучший ему памятник — его Театр, отражающий судьбы страны, великие человеческие характеры новой эпохи.

Вл. ПИМЕНОВ

Михаил ЛАВРИК

Фото Г. КОПОСОВА и А. НАГРАЛЬЯНА.

НА ОСТРОВЕ ЛЕДЯНОМ

С чего начинается научно-исследовательская дрейфующая станция «Северный полюс»! Начальник экспедиции, опытнейший полярник, доктор географических наук Павел Афанасьевич Гордиенко ответил лаконично: «Со льдины». Все восемнадцать предыдущих дрейфов, начиная с папанинского, базировались на льдинах. Девятнадцатый же дрейф начинался... на острове. Сто квадратных километров льда тридцатиметровой толщины — это звучало так надежно.

Один из уважаемых ученых заметил начальнику станции Артуру Чилингарову: «С островом ничего, абсолютно ничего произойти не может».

И все-таки произошло. Теперь, когда все уже закончилось, ребята рассказывают об этом улыбчиво, совсем не нагнетая трагизма происшедшего. Поэтому мы предлагаем вам отрывки из дневника океанолога, кандидата географических наук Эдика Саруханяна.

«5 января 1970 года, 02.50. В домик влетел Гена Горбунов: «Под складом продовольствия трещина. Расходится. Срочно спасать продовольствие!» Выбегаем наружу. Гена по дороге заколотил в «рынду» — медный колокол. Отовсюду бегут ребята. Примерно в 20—25 метрах от кают-компании, параллельно нашему «проспекту», расходится трещина. Вскоре становится очевидным, что «тот берег» вместе с расположенными на нем хозяйственным оборудованием, бочками соляра, баллонами газа уплывает от нас надолго, может быть, навсегда. Внизу чернеет вода. Артур отдает распоряжение подготовить аварийную радиостанцию и аварийный запас продуктов.

...Научные наблюдения на станции продолжаются. Аэрологи запустили зонд. Несут свою вахту метеорологи и ледоисследователи.

06.00. Обедаем. Это был самый трудный обед. Под каютой все время трещит и царапает: видимо, льдину тащит по дну.

07.30. Надвигаются торосы высотой до 3—5 метров. Зрелище страшноватое, но впечатляющее. В один момент показалось, будто вся эта гряда сейчас обрушится на нас. Я палю из ракетницы. Артур кричит: «Всем отходить к домику аэрологов!» Это похоже на бой...

08.00. Торошение прекратилось. Продолжаем перевозить домики.

11.00. Москва, Всесоюзное радио вызвало дрейфующую станцию «СП-19» для передачи приветов от наших родных. Обстановка придала этому событию необычайную окраску. Мы все снова собрались в кают-компании. Валера Кривошеин уже заранее настроился на Москву и дал ее чисто, без помех. И вот зазвучали голоса наших мам, жен, любимых. Трудно передать чувства, которые вызвала эта передача, но, когда родные желали нам крепкого льда или чтобы наша льдина вела себя как следует, мы только снисходительно улыбались. Уж теперь мы немножко узнали, на что способна наша крепкая льдина».

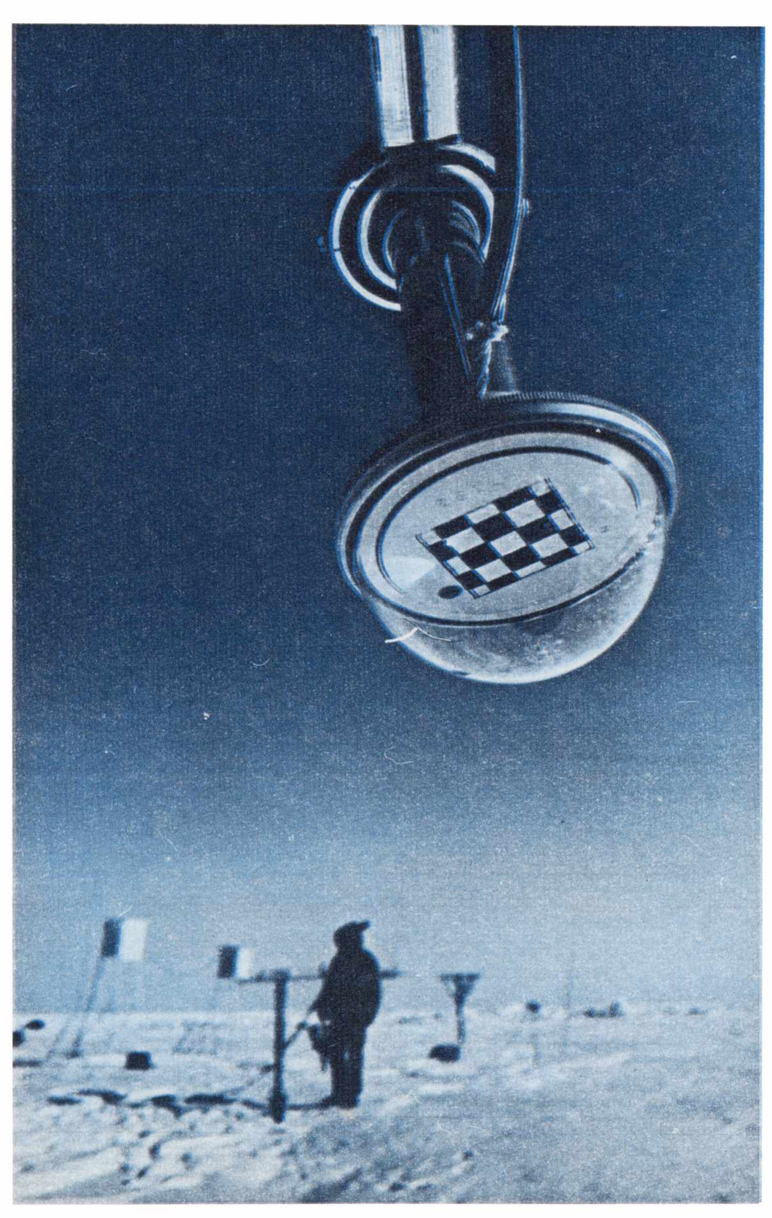
...На СП особый уклад. Здесь нет воскресений, нет рабочего дня «от» и «до», и за год человек привыкает спать намного меньше семи часов в сутки. Здесь очень мало личного времени, зато уж если оно появится, СП играет в футбол!

«Науке — время, потехе — час». Принцип этот свято соблюдается на станции. Наука об Арктике сложна и многообразна. Маленький коллектив СП должен иметь в своем составе специалистов самого разного профиля: океанологов, метеорологов, аэрологов. Все двадцать — молодые, горячие. Энтузиазмом своим и работой они, кажется, разогревают неуютные ледяные просторы. Они и в песне своей поют:

Если в Арктике живешь,
То пищать не сметь!
Комсомольскому «Даешь!»
Здесь не заржаветь!

Самого молодого участника дрейфа повара Валентина Дондукова принимают в ряды ВЛКСМ.

На метеоплощадке станции ведутся наблюдения за солнечной активностью.

Прибыли грузы с материка.

В центре Северного Ледовитого океана.

Начальник комсомоль

ско-молодежной станции Артур Чилингаров.

Прощай, Арктика!..

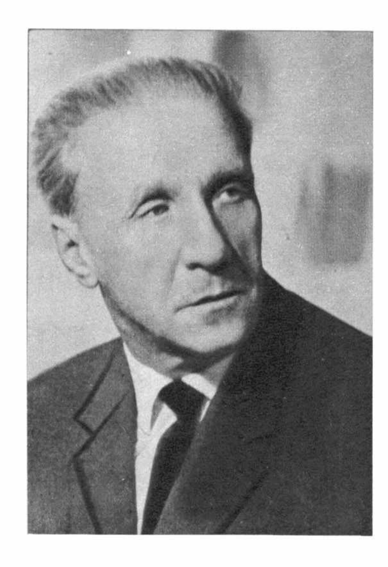
Олег Смелков и Михаил Сериков: «Лед на пробу!»

Самая северная баня в мире...

— Хороши арбузы в Арктике!

Николай БРАУН

ОЖИДАНИЕ ВСТРЕЧИ

* * *

Далека, далека
От Невы моя Ока,
Ширь приокская моя,
Где на свет родился я,
Речка Снежедь, где луга
Окаймляют берега.

Далеки, далеки
Тех овражков родники,
Где студеная, как лед,
Ключевая сила бьет,
Где березовый корец,
Где в скворечнице скворец.

И далек, ой далек
Под Белёвом изволóк,
Где в хлебах досветла
Будят ночь перепела,
Где зарей поет коса,
Где кусачая роса.

Широка Нева-река,
Далека моя Ока.
Скоро ль к ней я соберусь?
И, тая на сердце грусть,
От моста и до моста
Ходит слово — сирота.

* * *

Я жду. Ведь я уже в дороге.
Скорей бы, думаю, скорей!
Вот-вот уже коснутся ноги
Земли покинутой моей.

Я столько лет по ней тоскую!
(Взглянуть бы хоть одним глазком!)
Я скину обувь городскую
И вновь, как в детстве, босиком
Ступлю на ежик жнивья колкий,
На луговую мураву.
Я все поселки и проселки
Вновь поименно назову.

Я все припомню: все овражки,
Все перелески, ручейки,
Взгляну в глаза моей ромашке,
Мои узнаю васильки.

Найду заброшенный колодец,
Заросший высохший прудок.
Все так же ль там в осинках бродит
Пугливой дрожью ветерок?

Все так же ль там в хлебах под вечер,
Как в дудки, бьют перепела?
Я жду. Мне жажда этой встречи
До боли душу обожгла.

* * *

Оглядываюсь, озаряю
Обратным светом жизнь мою,
И сам себя в ней повторяю,
И сам себя не узнаю.

Вот этот, в пестрой рубашонке,
Худой подросток у ручья,
Среди лужка, в глухой сторонке
Притихший в травах,— это я;

И этот, робко выходящий
Тропинкой узкой на большак,
Уже в больших мечтах парящий,
Таящий слова гром в ушах;

И тот, не знающий сединок,
Что в год, зачеркнутый войной,
Вступил со смертью в поединок,
Морской захлестнутый волной;

И тот, влюбленный,
Тот, поющий,
Как птица, в роще бытия,
И где-то там уже, в грядущем,
Идущий — это тоже я.

Считаю дни, меняю лица,
Свое листаю бытие,—
И со страниц в меня глядится
Мое лицо,
Одно мое.

ПЕВЦЫ

Тот век не такой уже древний,
Век дедов и наших отцов.
Я с детства запомнил деревню,
Где слушал Тургенев певцов.

От Чернской дороги в сторонке,
В преддверьи рассветной поры,
Я помню: бил перепел звонко,
Темнели на взгорье дворы.

А рядом — зеленого лога
Такие раздолья цвели!
В цветах утопала дорога,
Дремотно гудели шмели.

На взгорье мы въехали шагом.
Светало. Поселок был глух.
Лишь хрипло, с какой-то отвагой,
Едва кукарекнул петух.

И я, нетерпенью послушен,
Сквозь эту рассветную тишь
Смотрел на оконца избушек,
На лохмы соломенных крыш.

Так вот она, та Колотовка,
Которую память хранит,
Оврага песчаного бровка
И скудная зелень ракит.

Но где же изба, что «Притынной»
Звалась, что была кабачком,
Где слушал певцов поединок
Тургенев тем памятным днем?

Была ли она — я не знаю,
Но виделось мне, что была.
И встала та песня былая
И вдруг поплыла, поплыла.

Сам Турок по прозвищу, Яшка,
Завел эту песню, повел
С той русской повадкой, с замашкой
В России раскинутых сел.

Сперва, как птенец, трепыхнулась,
А там распахнула крыла,
И каждого сердца коснулась,
И болью такой обожгла,

Что замерло все, онемело,
И грубая даже душа —
И та устоять не сумела,
Внимала почти не дыша.

И каждое слово пронзало —
«Ой да не одна да не одна
Во поле дороженька пролегала...» —
То голос поет иль струна?

Он вьется все выше и выше —
Степное раздолье под ним,—
Он русскою удалью дышит,
Забытым, заветным, родным,

И вдруг, задохнувшись от страсти,
Взлетел и затих на верхах...
В его нескончаемой власти
Все молча стояли в слезах.

И тут я опомнился. Где я?
В лучах золотятся дворы...
С оврага прохладою веет...
И где-то стучат топоры...

И где-то, в лугах, в отдаленье,
Охотничьей давней тропой
Не сам ли уходит Тургенев
И песню уносит с собой?

Я ВСМАТРИВАЮСЬ

Я с детских лет взглянул на мир — и замер.
И вот всю жизнь не только я смотрю,
Я всматриваюсь жадными глазами:
Чуть встанет луч зари — я жду зарю,

Плеснет волна — я знаю: это море
Мне свой глубинный голос подает.
Зажгутся звезды — в их живом узоре
Мерцает мне светил извечный ход.

Качнет ли ветку налетевший ветер,
Она шепнет мне что-то — я молчу,—
Я в дереве не только ствол и ветви —
Живую душу рассмотреть хочу.

Пройдет ли дождик,
Пролетит ли птица,
Я все хочу запомнить и понять —
Как взмах крыла на солнце золотится,
Как пьет земля земную благодать.

Мне в этом мире все необычайно,
Я так хочу войти в его страду,
Так трепетно касаюсь каждой тайны,
Как будто с каждым часом чуда жду.

* * *

Никакой не надо славы.
Приутихла в сердце грусть.
Окунусь в земные травы,
В час цветенья окунусь,

Чтоб, качаясь, шелестели
Сном земного бытия.
В их пахучей колыбели
Вырастал когда-то я.

Вырастал, как все растенья,—
Солнце грело,
Дождик мыл.
Мир, не знающий сомненья,
Каждой травкой был мне мил.

Эти травы отшумели,
Эти годы — как в дыму.
Припадаю к колыбели,
К первоцвету моему.

ИДУТ МОИ ДЕСЯТИЛЕТЬЯ...

Идут мои десятилетья.
Уже чуть виден их исток.
В толкучке будет незаметен
Бегущий Времени поток.

Уже с трудом я различаю
Те очертанья давних лет,
Где было все еще вначале,
Где было все, как вешний цвет,

Где из-под снега шел подснежник
Навстречу первому теплу,
Где цвет черемух белоснежных
Одолевал лесную мглу,

Где гроз весенних полыханье
Лишь предвещало летний зной,
А хмурой осени дыханье,
Пройдет, казалось, стороной.

Но шум лесов зеленолистых
Прошила желтая игла,
Завыла стужа в небе мглистом,
Морозцем травы обожгла.

То Время шло не стороною,
Шло прямо грудью на меня
И обжигало сединою,
Лучом вечернего огня.

И гнало прочь неумолимо
Десятилетья из-под ног...
Бежит, кипит неудержимый,
Незримый Времени поток.

Ленинград.

Станислав ТОКАРЕВ

Фото Л. БОРОДУЛИНА
и А. БОЧИНИНА.

ЭСКИЗЫ К ШЕСТИ ПОРТРЕТАМ

С 1954 года женская команда СССР участвует в чемпионатах мира по гимнастике. Трижды — до 1966 года — она не знала поражений. Трижды звучал наш гимн в честь абсолютной победительницы. Сначала это была белокурая красавица Галина Шамрай, потом — дважды подряд — Лариса Латынина. Четыре года назад мы впервые проиграли спортсменкам Чехословакии. И хотя проигрыш составлял кроху—0,038 балла, хотя день спустя Наташа Кучинская завоевала три золотых медали на отдельных снарядах, хотя на олимпиаде в Мехико мы взяли у соперниц реванш, факт оставался фактом: все четыре последних года высшие титулы мировой женской гимнастики принадлежали не нам.

С тех пор наполовину сменился состав сборной — вначале ушли Латынина и Астахова, потом, совсем недавно, покинула помост Кучинская, навсегда оставшись для нас лирическим, нежным воспоминанием. И вот поздним вечером 25 октября 1970 года советская команда снова стала чемпионом, а звание сильнейшей в личном зачете получила Людмила Турищева...

Теперь я хочу, не мудрствуя лукаво, просто рассказать вам обо всех шестерых — в том порядке, в котором их расставил итоговый протокол.

История Людмилы Турищевой, 18-летней студентки-первокурсницы из Грозного, могла бы стать вариантом милой детской сказки о том, как доброта, скромность, кротость и трудолюбие в конце концов всегда вознаграждаются судьбой. Например, сказки о Золушке, только роль злой мачехи и завистливых сестер исполняют различные житейские неприятности. Сколько я знаю Турика (так ее зовут в сборной), столько носит она непритязательные банты в косицах, только цвет их иногда меняется, остальные в команде успели за это время не раз и не два поменять прически.

Школу она окончила на круглые пятерки, хотя положа руку на сердце скажем, что для поступления на факультет физвоспитания педагогического института ей, известной спортсменке, и половины этих отличных оценок было за глаза достаточно.

Вот идут они рядом — она и ее тренер — удивительно разные люди! Насколько она тиха, настолько он, Владислав Степанович Растороцкий, громогласен: если там, где живут гимнасты, вы слышите в коридоре оглушительный бас, несмолкаемо доказывающий нечто, знайте — это шумит Растороцкий, а доказывает он, что его Людаха будет лучшей в мире. Он максималист, он ставит только на победу, на ее и свою. Вдвойне. У него могучая, крутая грудь, которой он готов пробить любую преграду, фейерверк идей в голове, исполинский темперамент и фантастическая, нечеловеческая трудоспособность — в зале он работает по 15—16 часов в сутки, затрачивая, как сказал директор грозненской спортшколы, «мешок нервных клеток». «Терпение и труд все перетрут» — символ веры, которую он исповедует.

Да, он максималист во всем. Комбинации его ученицы рекордны по сложности, в том числе вольные — марш Дунаевского из кинофильма «Цирк», в которых она выглядит крепкой, жизнерадостной физкультурницей 30-х годов, только красной косынки не хватает. Не раз случалось, что Люда ошибалась на одном из невероятных элементов, но ни разу ни от одного из них Растороцкий не отказался. Дважды она выигрывала Кубок СССР, однако шел при этом легкий шепоток, что это-де без других сильнейших, без особой конкуренции. Дважды в этом году на главных отечественных турнирах она спотыкалась за шаг до победы. И вот победила. Люда стояла на пьедестале, не улыбаясь, растерянная и даже подавленная тем, что нахлынуло на нее,— Золушка, ставшая принцессой. И пусть ее пример будет всем нам уроком с его нехитрой, но мудрой и вечной моралью: станем честно трудиться, и успех придет...

Известный швейцарский тренер Жак Гюнтхард сказал однажды: «Если бы соревнования женщин судили мужчины, чемпионкой всегда была бы Воронина». Шутки шутками, но Зина действительно красива и грациозна, пластична и легка, у нее стальной балетный носок, отточенная техника и ясный, трезвый взгляд на жизнь. В 1964 году она не умела толком сделать «шпагат». В 1966-м попала в сборную. Затем она вторая гимнастка Европы, вторая на олимпиаде. Экая, скажете вы, безоблачная судьба. Но подождите торопиться с выводами.

После Мехико они с мужем — прославленным Михаилом Ворониным — решили, что семья без ребенка не семья. 25 августа прошлого года родился Дима. Зина долгое время не появлялась в зале, хотя, как утверждает ее тренер Владимир Николаевич Шелковников, форму и тапочки она приготовила, едва только муж привез ее из родильного дома. Так или иначе, на первых тренировках ей пришлось очень и очень нелегко, причем настроение омрачалось еще и сознанием того, что соперницы за это время ушли далеко вперед, разучили новые сложные комбинации, а она, Зина, вынуждена была вспоминать и зазубривать зады. Но вскоре случилось чудо — на помост вышла прежняя Зина, только сдержаннее и мягче сделался ее облик, спокойная и тихая горделивость пришла на смену прежнему лукавому кокетству.

Вторая на первенстве страны, вторая на Кубке и третья в мире — сейчас. Только одна гимнастка могла в подобных обстоятельствах так быстро стать сама собой — Латынина. Почему так случилось? Можно говорить о Зинином упорстве, о педагогическом мастерстве Шелковникова, и это будет правдой, хотя не всей. Было, думаю, еще одно, главное: внутренний мир Зины гармоничен, и жизнь ее полна, естественна, счастлива. Она любит мужа, волнуется за него больше, чем за себя, вечно таскает для Миши на соревнования кошелки с минеральной водой, апельсинами, молоком. Она любит сына и пришла в восторг от того, что первое Димкино слово было «папа». Она любит готовить, она накрывает на стол красиво и изысканно, ее квартира блестит, как стеклышко, она мастерица наряжаться. В общем, ее жизнь полна оптимизма, любви, радости, и это помогает ей в спорте, и вот вам еще урок: личное счастье — залог удачи в любимом деле...

От Любы Бурды ожидали большего, чем ее пятое место. 17-летняя студентка из Воронежа дважды подряд становилась абсолютной чемпионкой страны и наряду с Турищевой считалась лидером команды. Люба уверенна и невозмутима, ее акробатические прыжки, которые она в отличие от всех других начинает почти без разбега, почти с места, и свободно, как птица, парит в воздухе — прыжки эти поражают. Она ученица Юрия Эдуардовича Штукмана —мечтателя, фанатика, одного из лучших гимнастических педагогов, воспитавшего в свое время таких замечательных гимнасток, как Тамара Люхина и Ирина Первушина.

Но к нынешнему первенству Люба готовилась не слишком интенсивно, она без видимых причин скучала, грустила и даже слегка капризничала. Штукман, веря ей, ее прямоте и правдивости, не старался «завинчивать гайки», понимал, что можно «сорвать резьбу», поскольку человеческий характер труден вообще, а особенно в процессе взросления. Прежде Люба походила на дерзкого мальчишку на помосте, теперь стала стройной девушкой.

Люба Бурда сказала мне, что, по ее мнению, самый душевный и внимательный человек в сборной, человек, который тебя всегда выслушает, посоветует, поможет,— это Лариса Петрик. Несколько лет назад Петрик говорила мне то же и в тех почти выражениях о Полине Астаховой. Вот, оказывается, какую ответственную эстафету приняла Петрик, капитан команды СССР.

Шесть лет назад рыжая дерзкая девчонка, для которой не было авторитетов и преград, на чемпионате страны победила Латынину. Она и Кучинская открыли тогда дорогу новому поколению; путь Кучинской был ровнее, путь Петрик изобиловал зигзагами. Ею владело настроение и вдохновение, она загоралась от взглядов трибун и могла совершить любую ошибку в комбинации, отчудить любой неожиданный фокус. Ее звали Петькой.

Шли годы, и она мучила себя вопросом, как совместить холодную стабильность и порыв, как пылать, контролируя собственное пламя, поскольку не пылать она не могла. В сущности, она актриса, и из четырех дисциплин женской гимнастики ей полностью по душе лишь вольные упражнения, в которых она идет от музыкального образа, ей важно прежде всего ощутить, как она говорит, «линию чувств» — переходы настроений, гамму переживаний, только тогда комбинация удается. Ее первый тренер, молчаливый и неторопливый Викентий Дмитриевич Дмитриев из Витебска, дал ей чистоту и элегантность, а артистизм в эту «странную» Петрик вложила природа.

В Мехико она стала чемпионкой в вольных упражнениях. Потом переехала в Москву, вышла замуж за Виктора Клименко, второго номера нашей нынешней мужской сборной, и, все мечтая о соразмерности мастерства, пошла на выучку к Константину Сергеевичу Каракашьянцу, тренеру, основа теории которого в том, что спортсмен должен знать себя и управлять собой. Она поставила перед собой задачу огромной трудности, огромного риска. Ее прежние вольные — «Цыганочка» — были яркими, бросками, заразительными, они покоряли зал полностью и сразу. Теперь она вместе с постановщиком Аидой Александровной Селезневой, которая создала почти все наши лучшие вольные композиции последних лет, выбрала балетную сюиту «Кармен» на музыку Бизе, аранжированную Щедриным. Сложный драматизм ее гимнастического этюда, необычность решения, необычность пластики и внутреннего содержания — все это невольно вызывало опасение: а вдруг судьи и зрители не поймут, не примут новой работы олимпийской чемпионки?

Комбинация рождалась долго, в муках, она и сейчас не доведена до совершенства, но зритель принял рыжую Кармен, а это главное. Вдобавок в этих трудах и размышлениях пришла к Петрик та самая пристальность и углубленность взгляда на жизнь, его широта и умудренность, которые сделали ее духовной преемницей Полины Астаховой. Алгебра и гармония, лед и пламень вечно борются в женской гимнастике, и не прост путь к их высокому синтезу. Пример этой борьбы — спортивная жизнь Ларисы Петрик...

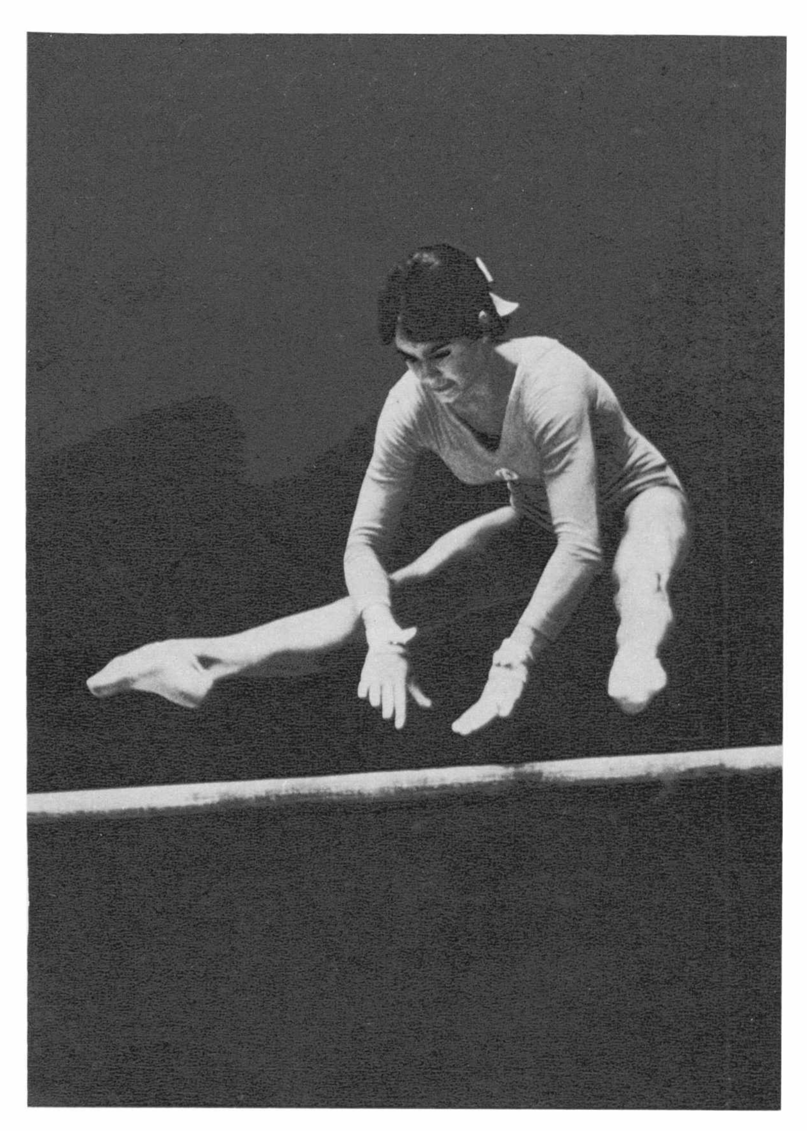
Ольга Карасева — комсорг нашей сборной. Она ровесница Петрик, ей тоже 21 (самой старшей, Ворониной,— 23). Это веселая и милая маленькая женщина. Насквозь земная— румяная, крепкая, практичная. Чемпионка Европы в вольных упражнениях — ее нынешние вольные, «Русский калейдоскоп», составлены из частушек: «Ой ты чо, да я ничо, да я влюбился горячо...», «Ах, Самара-городок, беспокойная я», «Девушки, где же вы? Ту-та, ту-та!»,— и эта стремительная, задорная миниатюра очень к лицу Ольге — истинно малявинской красавице.

Ольге не всегда везет на помосте, но плачет она только за кулисами, и слезы приносят лишь свежесть ее розовым щекам. Я только однажды видел, как она плакала — в зале, на тренировке перед отъездом в Любляну, но не от горя, а просто захотелось поплакать, от полноты чувств, быть может, и плача, она улыбалась, и было это похоже на дождь в солнечный день. Ее тренер Софья Ивановна Муратова — человек прямой и суровый, с ней не всегда легко, она требовательна и не признает «уважительных причин», например, пропуска тренировки, но Ольга с ней отлично уживается — она вообще уживчива, с ней в компании хорошо. И она считает себя удачливой, несмотря ни на что...

И самая младшая —16-летняя Тамара Лазакович, школьница из Витебска. По прозвищу «Лазя». Ученица Дмитриева, воспитавшего Петрик, крестница Петрик, которая когда-то привела ее в зал. Белокурая фарфоровая девушка с чертенятами в голубом взоре. С 13 лет она на виду, на прицеле сборной, и прежде о ней ходили анекдоты, был даже целый «Лазя-фольклор». «Какое все-таки большое значение имеет тренер,— чинно рассуждала, бывало, маленькая Томка,— вот когда Викентий Дмитриевич рядом, я совсем по-другому себя чувствую, более уверенно». «Лазя, ты любишь своего тренера?» «Да,— важно отвечает она.— Но только как тренера». Теперь она сделалась своенравной. Однажды Дмитриев ее наказал: «Коль ты так плохо тренируешься, в гостиницу на автобусе со всеми не поедешь — иди пешком и думай о своем поведении». Лазя, может быть, и думала, но в такси.

Ее характер тоже меняется, ломается, зреет, но такой вызревает упорный и сильный — любо-дорого. Она ворчит на всех потому, что себя казнит за ошибки. Она, эта малышка, считает себя не ниже, не хуже никого в мире и мысленно замахивается на самые высокие титулы. Три года назад, попав впервые во взрослый финал на бревне, она всем проиграла, в том числе Ворониной, Карасевой, Петрик. В этом году, тоже в финале чемпионата страны, тоже на бревне, она у всех выиграла. Ее гимнастическая манера элегантна, как у всех воспитанниц Дмитриева, амплитуда движений широка, и вряд ли кто в стране умеет так прекрасно оттягивать носки. Пусть в Любляне она заняла всего 21-е место, но ведь это был дебют, и Лазя еще себя покажет, дайте, как говорится, срок. Небольшой...

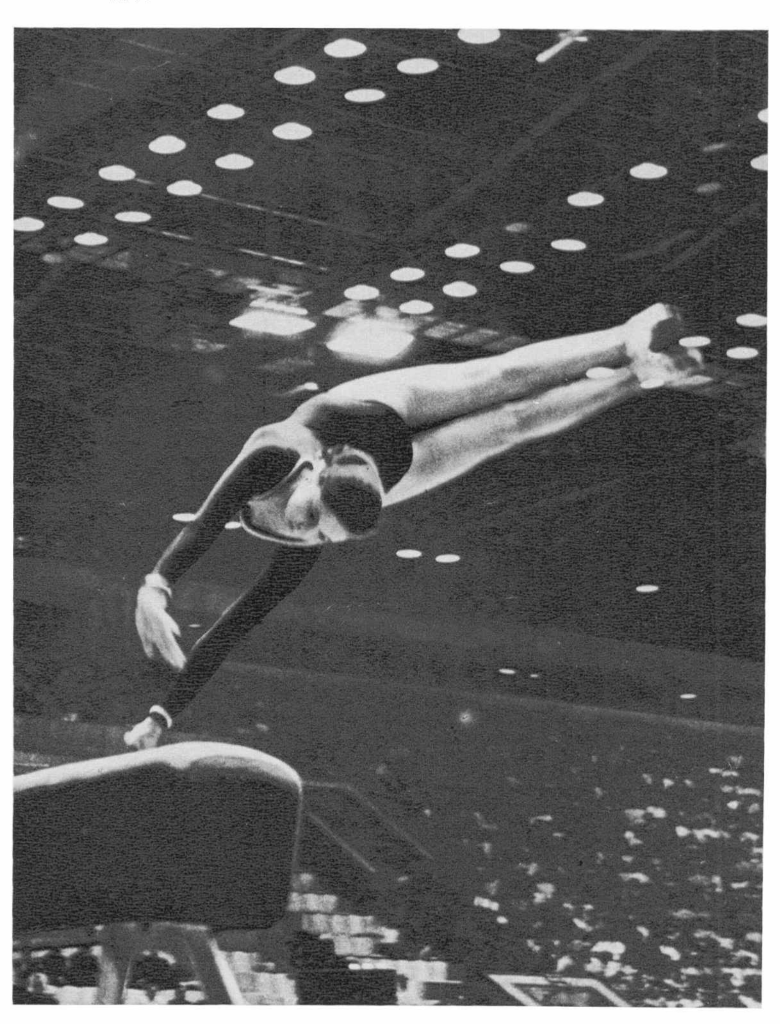
Вот и все о нашей победоносной сборной 1970 года, о ее шести гимнастках. Осталось сказать о той, седьмой и самой первой, которая, в сущности, не нуждается в характеристиках. Лариса Семеновна Латынина четыре года назад была в составе команды, сейчас она старший тренер. Ослепительная улыбка, уверенность, строгость и теплота. Четкость решений, четкость гимнастических фраз и неповторимая грация — ее стиль, стиль нашей советской женской гимнастики, лучшей в мире.

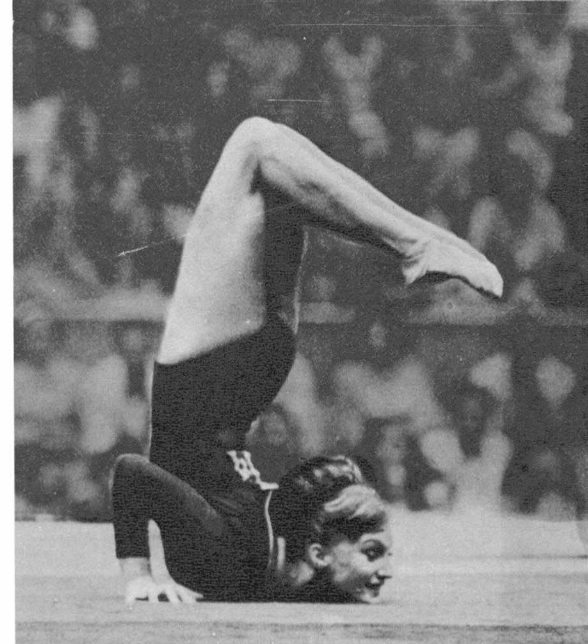

Зинаида Воронина.

Любовь Бурда.

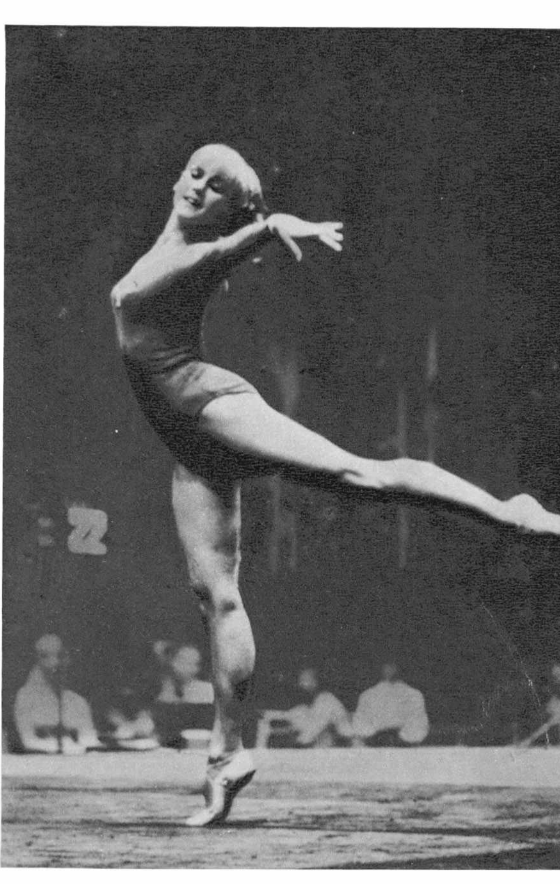
Людмила Турищева. ▶

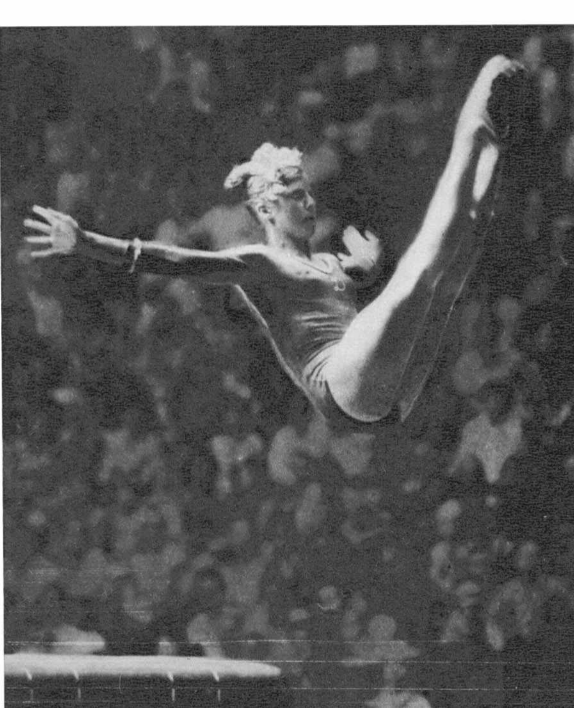

Лариса Петрик.

Ольга Карасева.

Тамара Лазакович.

Кэйта Гэндзи — известный японский писатель, член правления «Ассоциации японских писателей», поддерживающей дружественные отношения с Союзом писателей СССР.

Кэйта ГЭНДЗИ

Рассказ

Рисунок П. КАРАЧЕНЦОВА.

ПЕРЕВОД П

1

Когда Сиро Симура услышал (это было в одном из баров на Гиндзе), что Рёити Канэяму, возможно, переведут на Хоккайдо, он недоверчиво усмехнулся:

— Ну, вряд ли...

Однако про себя подумал: «Впрочем, все может быть».

...Три года назад Сиро Симура и Рёити Канэяма вместе поступили на службу. Оба окончили один и тот же университет и были дружны. Молодые люди служили в разных отделах: Симура — в общем, Канэяма — в отделе быта. Но оба отдела входили в одно управление делами, так что в известном смысле друзья были соперниками. Однако Симуре, возможно, по молодости лет мысль о соперничестве и в голову не приходила. Так же дружественно настроен был и Канэяма.

Симура был серьезным и, как говорится, весьма толковым молодым человеком, работал не за страх, а за совесть. Канэяма же относился к жизни легко, любил посидеть за рюмкой вина и поухаживать за женщинами,— словом, принадлежал к тому типу людей, которые не очень-то пекутся о карьере. Трудно было бы утверждать, что работал он с усердием. Перед начальством не заискивал и не кланялся при каждом удобном случае.

— Послушай, такое поведение не подобает служащему,— как-то раз по-дружески заметил ему Симура.

— Не подобает служащему? — переспросил Канэяма.— Что ты хочешь этим сказать?

И так простодушно улыбнулся Симуре, что тот про себя подумал: «А в его улыбке есть, несомненно, что-то привлекательное. Недаром Канэяма пользуется успехом у женщин — и у сотрудниц фирмы и у девиц из баров».

— Надо вести себя солиднее,— пояснил Симура.

— На это я не способен.

— Никогда не упускай случая поклониться начальнику, а любовные похождения лучше держи в секрете.

— Ну, это уж чересчур.

— И все же...

— Спасибо за совет. Но уж кто-кто, а ты-то должен бы знать, что я не умею притворяться.

— Прекрасно, но...

— Ничего прекрасного в этом нет. Скорее напротив. Да что поделаешь? — возразил Канэяма простодушно.— Зато ты человек серьезный, такие умеют всего добиться. Держишься солидно, работаешь на совесть.

— Ну, зачем так... Ты преувеличиваешь.

— Нет, серьезно. И я могу это доказать: начальство относится к тебе гораздо лучше, чем ко мне. Да оно и понятно. По совести говоря, я рад, что мы вместе работаем, я чувствую себя как-то увереннее.

— Правда?

— Знаешь, я не хотел тебе говорить, но я очень рассчитываю на нашу дружбу.

— Что ты имеешь в виду?

— Все говорят, что со временем ты обязательно станешь начальником управления, а там и членом совета директоров.

— Какое там...— усмехнулся Симура, хотя в глубине души, конечно, не раз подумывал об этом.

— Нет, именно так и будет. Я в этом не сомневаюсь. Даже головой могу ручаться. И уж тогда, конечно, ты меня не забудешь. Надеюсь, за такие мысли ты не сочтешь меня нахалом или подлизой? — Канэяма в который раз застенчиво улыбнулся и полушутя-полусерьезно добавил: — Так что, когда станешь начальником, не обойди меня, пожалуйста, своим вниманием. Ну, а я, со своей стороны, всегда готов сделать для тебя все, что смогу.

Канэяма говорил с подкупающей прямотой, хотя обычно о таких вещах в управлении не принято говорить откровенно. «До чего славный парень»,— подумал Симура.

— Зачем загадывать так далеко?

— Нет, ты должен выслушать меня до конца и понять, иначе я не смогу со спокойной совестью делать вид, что работаю.

— А вдруг все получится совсем наоборот?..

— Не получится. Но если бы такое вдруг случилось, тогда я о тебе позабочусь! — Канэяма стукнул себя кулаком в грудь.

— Значит, будем помогать друг другу, идет? — сказал Симура.

— Идет!

— Рука об руку будем делать карьеру? Верно?

— Отлично сказано — рука об руку! — И приятели пожали друг другу руки...

...Вспоминая сейчас этот разговор, Симура спросил Норико:

— Интересно, откуда ты это узнала?

Норико служила в баре и обычно развлекала Симуру, когда он бывал там. Он, видимо, пользовался ее благосклонностью, она не раз предлагала ему сводить ее в кино, но он все отделывался обещаниями. Будь на его месте Канэяма, он сразу бы ответил: «Ладно!»,— и в тот же вечер он не только добился бы поцелуя, но и проник бы в комнату девушки. Таких побед у Канэямы было множество, и для него подобные отношения были в порядке вещей.

— Только это между нами,— сказала Норико.

— Разумеется.

— Мне сказала Айко-сан.

Айко служила в одном баре вместе с Норико.

— Откуда же Айко знает такие секреты нашей фирмы?

— Ой, разве вы ничего не знаете?

— ?..

— Какой вы ненаблюдательный, Симура-сан. Ведь Айко и ваш начальник Сакадзаки... у них же...

— Не может быть!

Чтобы у начальника управления Сакадзаки, такого сурового и серьезного на вид человека, была связь с женщиной из бара — это казалось Симуре совершенно невероятным. Конечно, он знал, что Сакадзаки изредка бывает в этом баре, раз или два он даже угощал здесь Симуру.

Сейчас эта самая Айко сидела с гостем за столиком напротив и болтала, время от времени хохоча и повизгивая. Во всем этом было что-то вульгарное. Глядя на нее теперь совсем другими глазами, Симура подумал: «Зачем понадобилось такому солидному человеку, как начальник управления, брать в любовницы подобную женщину?»

Но, говорят, о вкусах не спорят. Впрочем, Симуры все это вовсе не касалось. Неприятно конечно, что Сакадзаки выболтал любовнице секреты фирмы. Такой поступок просто не к лицу начальнику управления.

— Наверно, Сакадзаки-сан пьяный проговорился в постели Айко...

— Что же именно он сказал?

— Он сказал, что на Хоккайдо попросили прислать одного человека, и он решил направить туда Канэяму-сан — в наказание. Канэяма-сан, сказал он, еще молод, охоч до женщин, к работе относится спустя рукава да вдобавок не очень-то почтителен к начальству...

— ...

— Айко-сан знает, как я люблю Симуру-сан, и по секрету сказала мне, как хорошо, дескать, что посылают не вас... Только смотрите — никому ни слова.

— Разумеется,— твердо ответил Симура. «Жаль все же, что на Хоккайдо отправляют Канэяму,— подумал он.— А ведь Канэяма ни о чем и не подозревает. Сегодня вечером у него свидание с какой-то девицей, с которой он познакомился совсем недавно».

Если работать в большом городе, например,

О СЛУЖБЕ

Саппоро, то перевод на Хоккайдо не такая уж большая беда. Но предприятия горнорудной компании, в которой они с Канэямой служат, находятся в горной глуши, и человека, привыкшего к жизни в Токио, там буквально заедает тоска. С семьей еще куда ни шло. А вот холостякам там, говорят, бывает туго. Поэтому неженатые всячески стараются избежать такого перевода. К тому же, если туда посылали, как говорится, подышать атмосферой производства, «понюхать ее», чтобы потом дать должность повыше,— тогда была надежда года через три-четыре вернуться в Токио. Другое — когда перевод был своего рода наказанием, тогда проштрафившийся часто застревал на Хоккайдо на многие годы, до самой пенсии. Судя по словам Норико, не исключено, что Канэяму ждет как раз такая участь. «Вправе ли я оставаться безучастным?»

Но чем, собственно, мог помочь Симура, служивший в компании всего третий год? К тому же сделаешь неверный шаг — и сам, чего доброго, попадешь в беду. Тогда уж не жди ничего хорошего.

«Но ведь мы обещали помогать друг другу...»

Норико о чем-то его спросила, или ему это только показалось.

— Ты что-то сказала?

— Еще рюмочку?

— Пожалуй.

— Я так рада, что переводят не вас, Симура-сан.

— Я тоже.

— Только помните уговор держать все это в секрете.

— О чем речь...

2

На другой день Симура столкнулся с Канэямой в столовой.

— Вчера я очень неплохо провел вечер,— сказал Канэяма. Но Симура не в силах был даже смотреть в глаза Канэяме.

«...Неплохо провел вечер... Ведь даже Канэяма при всей его бесшабашности наверняка будет ошеломлен, узнав о переводе на Хоккайдо».

И для него это особенно страшно: ведь он так привык к сладости городской жизни.

«Может быть, сказать все сейчас сразу, заранее его подготовить? — вертелось в голове у Симуры.— Или пусть узнает эту неприятную новость в последний момент?» Симура просто не знал, как поступить.

— А девица оказалась подходящая.

— Да?

— Немного выпила и развеселилась...

— Да?

— А когда шли по темным улицам, сама попросила поцеловать ее, я даже немного разочаровался. Однако решил, что раз уж она сама попросила, так просто грех отказываться, и постарался не ударить лицом в грязь. И на сегодня снова назначила свидание.

— Да?

— Если так пойдет дальше, то при желании я смогу запросто повести ее, скажем, в гостиницу. Правда, в последнее время я стал немного побаиваться.

— Да?

— Понимаешь, большинство женщин, встречающихся со мной, совсем не ангелы. Поэтому я должен быть особенно осторожным, чтобы не попасться на крючок. Ведь и другие мужчины, надо думать, мало чем отличаются от меня, так что каждому в конце концов воздастся по заслугам. Как говорится, что посеешь, то и пожнешь.

— Да?

— Конечно, для такого, как ты, человека строгих правил, совершенно невозможно жениться на женщине с прошлым...— Канэяма помолчал, потом сказал: — Что-то ты сегодня не в себе. Что бы я ни сказал, заладил одно и то же: «Да, да». Случилось что-нибудь?

— Так... пустяки.

— Может, получил выговор от начальства? Если и получил, не расстраивайся. Меня все время ругают. Хочешь, пойдем со мной сегодня вечером, рассеешься немного. Мы ведь поклялись идти рука об руку,— с горячностью проговорил Канэяма.— Значит, когда трудно, тоже будем вместе. Так что ты меня не стесняйся.

Хотя Симура понимал, что Канэяма не догадывается об истинной причине его плохого настроения, слова друга его обрадовали. «Вот это друг!» — подумал он. Знать о переводе Канэямы на Хоккайдо и молчать — он дольше считал себя не вправе. Если потом Канэяма как-нибудь дознается, что он, Симура, был в курсе дела и молчал, он ни за что не простит ему этого. «Хорош друг, не мог предупредить, намекнуть хотя бы,— наверняка скажет он.— Я бы тогда что-нибудь придумал».

Именно так сказал бы Симура, будь он на

месте Канэямы, и рассердился бы. И все же Симура колебался.
— Не вешай голову! Что у тебя там стряслось? Не будь таким скрытным! — сказал Канэяма с досадой. И в ту же минуту Симура решил: «Скажу!»
— Видишь ли, до меня дошли неприятные новости...
— Неприятные новости?
— Только не пугайся. Говорят, что скоро тебя, возможно, переведут на Хоккайдо.
— Меня? — растерянно переспросил Канэяма.— Не пугай. На Хоккайдо, в такую глушь— нет уж, покорно благодарю.
— Но ведь тебе еще никто ничего не говорил?
— Разумеется. Разве был бы я таким веселым, знай я обо всем? Впрочем...
Канэяма вдруг стал серьезным.
— А кто сообщил тебе эту новость?
— Тайна, абсолютная тайна.
— Ничего не случится, если ты мне ее откроешь.
— ...
— Поставь себя на мое место. Горы Хоккайдо... Даже я, если только меня туда загонят, стану неврастеником.
— ...
— Очень тебя прошу, скажи мне. Ну, что ты молчишь? Тогда лучше и не заводил бы этого разговора.
— Прости, я виноват.
— Ты, конечно, знаешь от кого-нибудь из отдела?
— Нет, нет.
— Нет? — сверкнул глазами Канэяма.
— Нет.
— Однако все это очень странно.
— Не стоит об этом.
— Послушай-ка, скажи, прошу тебя. Ведь никто не узнает, что это ты мне сказал, будь спокоен.
Симура понял, что теперь ему ничего другого не остается, как рассказать все.
— Только смотри, сугубо между нами. Не знаю, право... все ли так ча самом деле, как мне сказали, но...
И Симура рассказал Канэяме все, что накануне узнал от Норико в баре на Гиндзе. Канэяма слушал молча, хмуро поглядывая на него.
— Хочу надеяться, что это только слухи.
— Я тоже... Впрочем, вполне возможно, что так оно и есть. Выходит, ты был прав, мне действительно следовало вести себя осмотрительнее и умнее.
— Что ты собираешься делать?
— А что тут можно сделать? Не устраивает Хоккайдо — уходи из компании, заявят мне. Видно, придется ехать.
— Неужели?
— У тебя положение куда лучше. Начальство к тебе благоволит, так что сейчас можешь не опасаться — тебя не переведут.
— Ну, это еще неизвестно.
— Ладно, не знаю, сколько мне еще суждено пробыть в Токио, а раз так, то хоть погуляю вволю, чтобы не о чем было жалеть.
— Составить тебе сегодня компанию?
— Пожалуй, не стоит. Мы отправимся с тобой куда-нибудь после того, как выйдет приказ. А пока я хочу поразвлечься от души с одной девушкой.
Канэяма беспечно улыбнулся. И тут Симура подумал: «Правильно я поступил, что рассказал ему все сейчас. По крайней мере наша дружба не даст трещины».

3

Вечером того же дня Канэяма вошел в бар.
— Ой, кто пришел!.. Очень рада вас видеть,— встретила его Айко.
— Ай-тян, ты сегодня в ударе,— с улыбкой заметил Канэяма, а про себя подумал: «Она любовница начальника и знает о моем переводе на Хоккайдо». Он должен сам в этом убедиться. Но все в свое время.
— Да, у меня сегодня отличное настроение.
— У меня, по правде говоря, тоже. А раз так — выпьем в свое удовольствие?
— Согласна.
— Мне шотландского с водой.
— Шотландского?
— Испугалась? Не бойся, Ай-тян, я сегодня разбогател.
— Да ну?
— Только между нами... Вчера приехала тетка из провинции и дала мне немного денег на расходы. В кармане еще трепыхается тысяч тридцать.
— Вот здорово, Канэяма-сан.
— Поэтому сегодня можно выпить как следует. И ты тоже, Ай-тян, пей сколько душе угодно.
— Вы мне очень нравитесь, Канэяма-сан.
— Что скрывать, ты мне тоже, давно уже...
— Умеете вы угодить женщине, Канэяма-сан.
— Откровенность всегда подкупает.
— Я, кажется, готова сегодня сдаться на милость победителя, Канэяма-сан.
— Прекрасно. Я в долгу не останусь.
— Только уговор, не идти на попятный.— Айко подмигнула ему и отправилась к стойке за вином.
Канэяма закурил сигарету. В кармане у него действительно лежало тридцать тысяч иен. Но что касается тетушки, то он соврал. Просто он взял из банка все свои сбережения.
Из другого угла бара время от времени как бы украдкой на него поглядывала Норико. Канэяма заметил ее и улыбнулся. Норико кивнула в ответ. «Она, конечно, думает, что я ничего не знаю, и, видя, что я как ни в чем не бывало болтаю с Айко, жалеет меня, беднягу».
«Однако бедняга я или нет — мы еще увидим,— думал Канэяма.— Начальник управления Сакадзаки вчера уехал по делам фирмы в Осаку. Так что по крайней мере в ближайшие три дня приказа о переводе на Хоккайдо быть не должно».
— Простите, заставила вас ждать.
Айко принесла вино и села рядом с Канэямой.
— Ну, твое здоровье!
Канэяма выпил свою рюмку залпом.
— О, да, вы мастер пить, Канэяма-сан.
— Угу. Ай-тян, ты тоже опрокинь.
— Всю сразу? Трудновато.
— Ну да, ты ведь хрупкое создание.
— Конечно.
— За это ты мне и нравишься.
— Не говорите чересчур сладких слов. А то у меня голова закружится.
— Ну что же, еще по рюмочке?
— Согласна. И мне налейте.
— Пожалуйста.
До закрытия бара Канэяма успел выпить рюмок пять, однако не захмелел. Айко выпила три и уже не совсем твердо стояла на ногах.
— Скоро закрывают.
— Вы сейчас уйдете?
— Да. Хотя охотно выпил бы еще.
— Я тоже.
— Пойдем куда-нибудь, выпьем?
— Вы пойдете со мной?
— Конечно!
— Тогда... Одна моя приятельница содержит бар, и я чувствую себя виноватой, если время от времени не захожу к ней.
— Ради Ай-тян...
— Ждите меня на углу у табачной лавки, я скоро...
— Как бы я не прождал напрасно...
— Не беспокойтесь.
Показав Айко три купюры по десять тысяч иен, Канэяма уплатил по счету около шести тысяч.
— До свидания,— громко сказал Канэяма и вышел на улицу. Норико сочувственно посмотрела ему вслед.
У табачной лавки Канэяма остановился. Один за другим закрывались бары и кабаре, и на улице стало много женщин.
Канэяма прождал минут тридцать. В другой раз он разозлился бы и ушел. Но сегодня он решил непременно дождаться.
— Простите, немного задержалась,— сказала, подходя к нему, Айко.
— Ничего, пустяки,— с истинно рыцарским великодушием ответил Канэяма.
— А я боялась, что Канэяма-сан не станет меня дожидаться.
— Как видишь, честно ждал.
— Спасибо, очень тронута. Зато никто не догадывается, что мы ушли вместе.
— Это хорошо. Я, конечно, тоже не стану об этом рассказывать. Кстати, куда мы направляемся?
— Мне хотелось бы в Синдзюку...
— О'кей! Сейчас возьмем машину.
Канэяма остановил такси, усадил Айко и сел рядом. Когда машина тронулась, он достал из кармана двадцать тысяч иен и сказал:
— Ай-тян, теперь ты сама будешь за все платить.
— Зачем так много?
— Если не все потратим, оставь себе.
— Вы серьезно?
— Ведь деньги шальные...
— Все равно, как-то нехорошо.
— Ну, раз ты так считаешь...
Немного подумав, Канэяма сказал:
— Я хочу тебя поцеловать.
— О-о...
— Можно?
— Нельзя.
— Да ты не бойся.
— Вы, Канэяма-сан, чем-то похожи на озорного мальчишку.
— Ну, мамочка,— ластясь, сказал Канэяма и прижался губами к губам Айко. Она не очень противилась и в конце концов ответила на поцелуй.
— Ну и удивили вы меня,— сказала она, тяжело дыша.— Мальчик-мальчик, а целоваться умеете.

4

— Смотри, не проболтайся о том, что было,— с довольной улыбкой сказала Айко.
Они разговаривали, лежа в постели в гостинице Ёеги.
— Ну, конечно, я никому ни слова не скажу,— пообещал Канэяма, лег ничком и, закуривая, добавил: — Особенно начальнику управления Сакадзаки...
— О чем вы? — вздрогнула Айко.
— Я говорю — особенно начальнику управления Сакадзаки,— с расстановкой повторил Канэяма.
Некоторое время Айко лежала неподвижно, затаив дыхание, потом спросила:
— Что вы, собственно, хотели сказать?
— Будто ты не понимаешь.
— Значит, когда вы шли сюда со мной, вы все знали?
— Да. Но ты все равно мне нравишься, Ай-тян. Это точно.
— Вы злодей, Канэяма-сан,— растерянно сказала Айко.
— Ну, уж если кого и называть злодейкой, так это тебя, Ай-тян.
— Возможно, но все же...
— Главное — держать язык за зубами.
— Что до меня, то все будет в порядке.
— Кстати, Ай-тян, у меня к тебе просьба.
— Какая?
— Речь идет о моем переводе на Хоккайдо.
— Как вы об этом узнали?
— Слышал.
— От кого?
— Не могу сказать.
— Знаю, знаю. От Симуры-сан, наверно?
— Говорю же тебе, не могу сказать.
— Конечно, от него. А ему, верно, Норико сказала. Вот болтушка, эта Норико. Ведь предупреждала ее, что это секрет.
— Зато мне повезло, что она болтушка. Так вот, не можешь ли ты устроить так, чтобы мой перевод на Хоккайдо не состоялся?
— Тут я ничего не могу поделать.
— Да, но это может сделать начальник управления.
— Да разве станет Сакадзаки-сан слушать меня, когда дело касается фирмы!
— Пойми, Ай-тян, начальник совершил оплошность, раньше времени выболтав секрет фирмы, да еще совершенно постороннему человеку. Если это дело получит огласку, разразится скандал, дойдет до профсоюза, а то еще хуже — до президента фирмы, и шеф может потерять место.
— Какой кошмар!
— Уволить-то его, может, и не уволят, но понижения в должности ему, пожалуй, не избежать, а тогда прощай карьера.
— Вы собираетесь рассказать об этом, Канэяма-сан, правильно я вас поняла?
— Ерунда. Я ничего не имею против шефа. Я всем доволен. Только бы не переводили на Хоккайдо.
— ...
— Я надеюсь, ты понимаешь меня.
— ...
— Пойми, если вдруг случайно станет известно, что он разболтал секрет фирмы, каса-

Д. Рустамов (Баку). КОМСОМОЛЬСКАЯ БРИГАДА.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина

Н. Кормашов (Таллин). ЛЕТО.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина

ющийся перемещения служащих, но это не подтвердится, шефу ничего не будет. Верно?

— Что же, собственно, я должна сделать, Канэяма-сан? — с досадой спросила Айко.

— Это решай сама.

— Как так?

— Только помни, нам обоим не поздоровится, если кто-нибудь узнает о наших отношениях.

— Я не смогу просить за вас.

— Все знают, что я бывал в вашем баре, поэтому можно, к примеру, сказать следующее: как-то мы с тобой разговорились и вдруг выяснили, что приходимся друг другу дальними родственниками, вот поэтому ты и просишь за меня. Или что-нибудь в этом духе...

— Это невозможно...

— Прошу тебя.

— Не знаю.

— Что?

— Но должны кого-то перевести на Хоккайдо, верно?

— Вот и подумайте о том человеке, которого пошлют туда вместо вас.

— Ну, знаешь, если я буду сейчас об этом думать, то скорее всего ехать придется мне. Ведь и ты рассудила бы так.

— ...

— В общем, ты знаешь мою просьбу.

— Никогда не могла себе представить, что в вас столько коварства. Наверно, вы все заранее точно рассчитали?

5

Недели две спустя Сиро Симура уезжал с вокзала Уэно на Хоккайдо.

Пять дней назад его вызвал к себе начальник управления Сакадзаки.

— Уж ты извини, но придется тебе ехать на Хоккайдо.

— Мне? — невольно вырвалось у Симуры.

До последнего времени он был уверен, что переводят Канэяму.

— Да, тебе. На Хоккайдо нужны молодые способные работники, поэтому я и назвал твою кандидатуру.

— ...

— Кстати, для дальнейшего продвижения по службе ты должен хоть раз — и чем раньше, тем лучше — подышать воздухом предприятия. Ясно?

— Слушаюсь.

Так был окончательно решен вопрос о переводе Симуры на Хоккайдо. Впрочем, откажись он, это не изменило бы дела.

Симура тут же пошел к Канэяме.

— Оказывается, это меня переводят на Хоккайдо,— криво усмехнувшись, сообщил он ему.

— Тебя? — словно не веря, воскликнул Канэяма и, помолчав, добавил с деланным участием: — Вот оно что! Значит, не меня, а тебя переводят?

— Ну, ладно, ничего не поделаешь.

— Но ты — не я и сможешь скоро вернуться оттуда.

— Шеф тоже так говорит, но...

— Выходит, тебя надо поздравить.

— Поздравить? Но мне почему-то не очень весело. Скорее грустно.

— Ну, ну, не вешай носа.

— Интересно, откуда же Норико взяла тогда эту ерунду?

— Знаешь, трудно поверить, чтобы такой человек, как наш шеф, мог разболтать секрет фирмы.

— Пожалуй.

Впрочем, все эти соображения были слабым утешением для Симуры. Однако изменить что-либо было не в его силах.

Раздался звонок. Канэяма подошел к окну вагона.

— Не унывай.

— Спасибо.

— Ты на Хоккайдо, я в Токио — будем идти рука об руку. Теперь и я возьмусь за ум.

— Да.

— Никогда не забуду, что мы обещали помогать друг другу.

— Буду надеяться.

— Можешь на меня положиться.

Совсем приунывший Симура, не отрываясь, смотрел на Канэяму. И тот вдруг отвел глаза...

Перевел с японского А. Рябкин.

ПРИЗВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА — ТВОРЧЕСТВО

Вечная это тема — творчество. Удивительно свойство человека — творить, создавать новый мир, новую природу в красках ли, в звуках, в металле и камне, в словах, наконец. И художников, мастеров, интуитивно постигнувших тайны творчества, неодолимо тянет разобраться досконально, что же оно такое — «алгеброй гармонию поверить». Только и эту тему художники исследуют своими, им лишь присущими средствами. Как это делает, например, в своей новой книге Владислав Бахревский.

Суть творчества, на мой взгляд, главная тема этой книги. Почитайте удивительную «Настасью, красную туфельку», или тончайшую, несмотря на емкое, плотное письмо, лирическую повесть «Культяпые олени», или трагический, словно реквием, рассказ об ослепшем, умирающем Врубеле — и вы согласитесь со мной.

Вот «Культяпые олени», маленькая повесть о мальчишках из школы резчиков, о пробуждении таланта, становлении его.

Эта повесть и о том, как художник побеждает ремесленника, как стремится найти художественное воплощение большой и нужной людям идеи. Мало большой мысли — нужно и большое искусство. А в чем оно?

Алешка — в его-то юные годы признанный, людьми отмеченный талант — мучится этим вопросом не по-детски серьезно. Его не сбивают с толку награды и похвалы. Он ищет упорно и трудно.

Хороша получилась его «Тайга». Недаром директор школы ее сразу стеклянным колпаком накрыл — для сохранности: «Это же для Лувра! Твое имя, мальчик мой, вся Европа узнает». Алешка же свое твердит: «Знаю, что не получилось, а где — не пойму».

Не случайно посылает учитель Алешку к деду, что слывет искусником. Деду, над культяпыми наивными оленями которого внук посмеивался, как над детством своим недавним, есть что открыть. Не спеша и буднично-торжественно ведет он внука «по людям» — к вдове Лизе Севастьяновой, где полстены увешано фотографиями погибших на войне родичей, к Баргузину-отшельнику, воистину волком воющему от своего одиночества, к игрушечных дел мастеру Феде. Ведет, зорко приглядываясь: понимает ли внук простые радости и горести их? Алешка знает, что дед неспроста водит его по Голому мысу, догадывается, что он должен «что-то докумекать». И все же потрясен.

Новый глубинный слой открывается перед ним и перед читателем книжки: искусство для добра. Добро — движущая сила его.

Необоримая сила добра и любви... Не об этом ли рассказ — а может, поэма? — «Настасья, красная туфелька»? Тщателен и силен в своем труде Антоний-иконописец, но возвысился, воистину велик стал, когда уловил сокровенный смысл творчества: не ужас наводить на людей, не сгибать их — возвышать мудрым всеведением и сочувствием, пониманием и любовью. И славить красоту, славить совершенство души человеческой, женского материнского сердца.

О доброте — глубинном свойстве русского человека — идет речь в других рассказах, совсем разных и в чем-то внутренне единых. Они — о детях или от имени детей, но не только и не столько для детей.

Книжка на первый взгляд не производит впечатления стройности. Есть в ней вещи слишком далекие: «Голодный поход» и «Пустыня» — небольшая историческая, почти документальная повесть и философская поэма в прозе, немного странная, но в то же время внятно говорящая о главном: всмотрись, вслушайся, постарайся постигнуть, чем живет мир,— и тебе откроются голоса пустыни. Даже пустыни...

Впрочем, может, иначе и нельзя. Мог бы так спокойно и раздумчиво творить красоту косторез Алешка, если бы не было великой борьбы за свободу человеческого труда? Могла ли прекрасной жизнью расцвести пустыня, если бы сквозь пламя и кровь, «сквозь револьверный лай» не прошел по ней топограф — отец писателя, русский брат узбеков, киргизов, казахов? Нет, не случайно такое лирическое, интимное и обнаженно публицистическое название носит первая часть очерков о строительстве Нурекской ГЭС, на котором работал и сам автор,— «Кипрегель моего отца».

Эту книжку будут читать и перечитывать мальчишки и взрослые, открывая в ней слой за слоем, добираясь до сокровенного.

В. СВИНИННИКОВ

В. Бахревский. Дюжина. Издательство «Молодая гвардия».

ДЕНЬ ВЧЕРАШНИЙ, ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ

Как и во всем творчестве Алексея Маркова, в его новой книге — два основных направления, в которых поэт рассматривает мир. Первое — это прошлое и настоящее отчей земли, чувства, связанные с природой и крестьянским укладом жизни, преемственностью поколений:

Нажитое нами
Переходит к детям
Навсегда, на память
Будущим столетьям!

В нем, в этом тематическом направлении, укладывается и чувство национального достоинства поэта, его глубокий художнический взгляд на народные истоки. И не в том все это заключается, когда поэт произносит: «Я заклинаю вас, вернитесь, слова нежнее лани: «длань»... Нет. Весь его языковой строй, характер мышления, проявляющиеся в стихах, говорят, что поэт возрос в русском селе, на окраине России, где инонациональное влияние гораздо заметнее. Здесь мы подошли ко второму направлению — к интернациональной теме, которой поэт уделяет немалое место в своем творчестве и в рассматриваемой нами книге.

Здесь, как уже отмечала критика, на его творчество ощутимое влияние оказывает восточная поэзия с ее тяготением к афористичности, притче. И это влияние А. Марков воспринимает творчески. Наиболее наглядно и сильно эта сторона дарования поэта проявилась в его поэме «Лю Ши-кунь», в которой автор ставит не только проблемы взаимоотношений общества и художника, но и затрагивает вопросы интернациональной солидарности прогрессивных людей искусства.

Алексей Марков не уходит в своих поэмах только в историю. Он ставит прочные мосты, соединяющие вчерашнее с днем сегодняшним. И это вполне закономерно. Ибо любые события литератор не сможет верно рассмотреть, дать им верную оценку и тем более раскрыть в своем произведении без связи их во времени.

Выход книги «Стрелы» совпал с пятидесятилетием поэта, которое было недавно отмечено его друзьями, собратьями по перу, читателями. Поэт в расцвете творческих сил.

Сергей ЛИСИЦКИЙ

А. Марков. Стрелы. Стихи и поэмы. Издательство «Советский писатель».

Д. С. СТРЭЙНДЖ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Сарьяк долго молчал. Бросив на него взгляд, Женэ увидел мертвенно-бледное лицо и судорожно подергивающийся рот, словно у выброшенной на берег рыбы.

— Получили от Альберта за кровь преданных вами людей?

Сарьяк промолчал.

— Сколько платили вам за эти телефонные звонки?

Ювелир проглотил слюну и хрипло ответил:

— Иногда по двадцать пять тысяч франков.

— А иногда и больше?

— Ненамного.

— Это когда вы предавали какого-нибудь особенно опасного для немцев человека?

— Никогда... ничего такого...

— Никто не открывает такой магазин, как у вас, имея несколько тысяч, даже сотню тысяч франков. Это вы выдали гестапо Малачи?

— Нет, нет! Клянусь!

— За его голову немцы обещали полмиллиона франков.

— Я не выдавал Малачи.

— А Андриен Фуше?

— Нет, нет!

— Вам известно о массовом расстреле у «Каскада»? Это ваших рук дело?

— Клянусь богом, не имел к нему никакого отношения!

— А Робера Магрита?

— Почему вы опять спрашиваете о Магрите? Его фамилию я, конечно, слышал. Да кто ее не слышал? Но и только.

Женэ задумчиво посмотрел на ювелира.

— Странно, память изменяет вам. Но у вас будет время вспомнить. Как только мы найдем Альберта, он, возможно, поможет вам коечто припомнить... Уведите арестованного.

Женэ наблюдал, как Сарьяк, волоча ноги, с мокрым от слез лицом тащился к двери. Потом он перевел взгляд на лежавший на столе список.

— Приведите Вакулёра.

В тот же вечер, когда Женэ допрашивал арестованных, мосье Магрит, его жена и Аник обедали у себя дома на улице Жана Беллэ. Постороннему наблюдателю атмосфера в комнате и вообще в квартире могла бы показаться гнетущей, ведь слишком уж много было пережито и перечувствовано в этих стенах. Возможно, такое ощущение возникало при взгляде на старика Магрита, который то смотрел в затемненный угол, то оглядывался назад, словно все время что-то искал, а возможно, этому способствовала мадам Магрит, все время с тревогой наблюдавшая за мужем. Лишь Аник, не тронутая трагическими переживаниями, весело и непринужденно болтала.

Сейчас она рассказывала о своей приятельнице Леонтине и о ее чудесном приданом. Уже был назначен день свадьбы, и в доме Леонтины шли лихорадочные приготовления. Пока она говорила, мосье Магрит спокойно ел. Он молчал, но иногда его взгляд останавливался на Аник с выражением глубокой нежности; если она ему улыбалась, в глазах у него появлялось что-то осмысленное, словно он усиленно пытался собраться с мыслями.

Рассказывая о Леонтине, Аник вспомнила о странном ощущении, возникшем у нее, когда они шли к Веронам.

— Мама, а как называется чувство, которое появляется у тебя, когда ты идешь в какое-нибудь совершенно незнакомое место и вдруг тебе начинает казаться, что тут все тебе знакомо, что ты уже была здесь раньше?

— Déjà vue[1].

— Да? Вот так и я почувствовала себя на площади Вогезов. Мы когда-нибудь там были с тобой?

— Нет. Возможно, когда ты была совсем-совсем маленькая.

— А мы заходили во двор, где есть фонтан и на нем птичка с отбитым крылом?

— Нет.— Мадам Магрит снисходительно улыбнулась.— Все это, наверно, приснилось тебе.

Однако Аник, не сводя с нее глаз, только покачала головой.

— Ты веришь в перевоплощение?

— Какая чушь!

— А тем не менее,— упорно продолжала Аник,— мне показалось, что я была там, хотя и не могла вспомнить, когда. Странно, очень странно.

Мадам Магрит внимательно посмотрела на дочь.

— Ты говоришь глупости, дорогая. Правда, у человека иногда возникают такие ощущения, но они не имеют под собой никакой почвы.

— Я очень испугалась, мама, мне даже стало плохо. У Веронов к чаю подавали засахаренные орехи, а я знала, что уже ела их на площади Вогезов.

— Но ты говоришь ерунду! — Мадам Магрит не на шутку сердилась.— Это же невозможно! Если мы тебя туда и водили, в чем я не уверена, так только во время войны, а во время войны засахаренные орехи ели одни немцы.

Мать вовсе не хотела заводить разговор о годах войны, и Аник умолкла, хотя и осталась при своем мнении. Наверно, ей мог бы помочь отец, если его порасспросить, но мать строго-настрого запретила заговаривать с ним о войне. Да и вряд ли он что-нибудь помнил.

Аник посмотрела на отца и со страхом обнаружила, что он уставился на нее диким, беспокойным взглядом.

— Немцы,— пробормотал он.— Помни, Аник, если немцы придут, ты должна молчать.

Аник услыхала, как охнула мать, но голос ее прозвучал спокойно и даже насмешливо:

— Не глупи, Морис. Разве ты забыл, что немцы ушли в свою страну? Теперь в Париже нет немцев.

— Но тем не менее...

— Нет, нет! Все в порядке. Ты просто забыл.

Мосье Магрит взглянул на жену; теперь в его взгляде была только растерянность.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В течение всех дней, пока Женэ вел допросы, Анри не виделся с ним. Занятый своими делами, он почти забыл о расследовании. Вечером в пятницу он снова побывал в кафе «Ламартин», где встретил нескольких приятелей. Они больше, чем следовало, выпили, и Анри не помнил, как добрался до своей комнатушки на Монмартре. Но спал он крепко и спокойно — впервые за много ночей — и проснулся освеженным. Почти в бодром настроении он сбежал с лестницы и сел на свое обычное место — за угловой столик перед кафе, над которым жил. Кофе с молоком, булочки с джемом и сладкое масло в то утро показались ему особенно вкусными. Лишь легкая головная боль напоминала о вчерашнем вечере.

У пробегавшего мальчика он купил газету, но ничего нового о расследовании не нашел. Накануне днем в газетах появилось краткое, без подробностей сообщение Флери из военного трибунала о произведенных арестах. Оно было напечатано под огромными заголовками, однако газетные комментарии к нему основывались на всякого рода слухах и домыслах. Анри подумал, что, пожалуй, сегодня же надо поговорить с Женэ и узнать новости.

В гараж Анри пришел, когда работа там уже началась. Стоя в дверях конторки, Берта присматривала за Жаном, который, сняв пиджак и подпоясавшись синим фартуком, мыл пол. Как обычно, она распекала его и давала указания, а старик только ворчал под нос и занимался своим делом, не обращая на нее ни малейшего внимания.

День был таким же, как и все предыдущие, однако на этот раз Анри казалось, что окружающая обстановка действует на него успокаивающе. Ему нравились обычные для раннего утра звуки, запах сырости от чисто вымытого пола и даже ворчание Берты. Он знал, что она не совсем равнодушна к нему, как обычно бывает с пожилыми женщинами, когда они постоянно общаются с молодыми людьми, а те относятся к ним с льстящей их самолюбию смесью наглости и уважения.

Переодевшись в рабочий костюм, Анри прежде всего выглянул на улицу.

— А денек сегодня выдался не такой жаркий,— заметил он через плечо.

Берта стояла, прислонившись к косяку двери, готовая немедленно вступить в разговор.

— Вчера вечером я обедала у сестры,— начала она.— Ее друг, господин инспектор Брюн из префектуры (о приятеле своей сестры она всегда говорила с забавной важностью), рассказал, что полиция произвела много новых арестов. Хватают тех, кто работал на немцев. Дела арестованных ведет не его департамент, но инспектор Брюн пользуется общим доверием и всегда все знает.

— Да? — улыбнулся Анри. Господин инспектор Брюн, видимо, действительно всегда и все знал.

Берта раздраженно посмотрела в спину Анри. Для нее не являлось секретом, что Женэ — приятель Анри. Разве он не заглядывает сюда к нему, и довольно частенько? Несомненно, Анри знал и об арестах и о том, что ожидает этих мерзавцев. Берта прямо-таки выходила из себя, когда ей не удавалось вовлечь Анри в интересный для нее разговор.

— Твой дружок господин комиссар Женэ...— начала было она с многозначительным видом.

— Я уже несколько дней его не видел. Кажется, он очень занят.

Берта бросила на него сердитый взгляд и ушла в конторку к своим гроссбухам.

Из боковой двери «Клуба Монмартр» появился швейцар с тележкой мусора. Он оставил ее там, куда обычно подъезжала уборочная машина, и пересек улицу, чтобы поболтать с Жаном. Лениво прислушиваясь к их разговору, Анри узнал, что накануне вечером полиция арестовала в клубе какую-то женщину за торговлю наркотиками.

— Вот было дело! — с явным удовольствием сообщил швейцар.— Потом полицейские несколько часов допрашивали Пуссина в его кабинете. Да уж больно он ловок — где сядешь, там и слезешь.

Спустя несколько минут подъехал Пуссин. Он появился раньше обычного и выглядел так, буд-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 43—46.

[1] Перевоплощение.

то провел бессонную ночь. Что ж, ничего удивительного, этот тип принадлежал к числу людей, у которых рано или поздно неизбежно возникали крупные неприятности.

Анри распахнул дверцу машины и с любопытством взглянул на Пуссина. Тот тоже посмотрел на него, но сразу же отвел глаза и неловко выбрался из машины.

— Может, вы окажете мне любезность,— визгливо, с раздражением заговорил он,— и выясните, что стучит в моторе. Этот стук сводит меня с ума. Вероятно, в хорошем гараже об этом позаботились бы и без напоминаний...

— Я сейчас же посмотрю.

— Чтобы через час все было в порядке.

— Слушаюсь.

Пуссин повернулся, собираясь выйти, и натолкнулся на появившегося в дверях почтальона.

— Прочь с дороги, болван! — яростно крикнул он.— Ты что, не видишь, куда идешь? — Продолжая ругаться, он быстро пересек улицу.

Почтальон, не сводя глаз с удалявшегося Пуссина, пожал плечами.

— Что с ним? С утра наклюкался?

— Неприятности с полицией,— ответил Анри, протягивая руку за письмами.

— Это меня не удивляет. Он всегда был грубияном.

— Всегда? Разве вы его знали раньше?

— Да. Знал. Очень давно, когда служил в Четвертом районе. Его жена тогда работала консьержкой в одном из домов на площади Вогезов, и у него не было таких шикарных машин.

— Да ну! — улыбнулся Анри.

— Уродина, каких я больше не видывал,— не без удовольствия сообщил почтальон, вручая Анри штук шесть писем.— И значительно старше его. С бородавкой на подбородке.

Анри кивнул и принялся рассматривать почту. Да, да, на конверте бледно-перламутрового цвета он сразу узнал ее аккуратный, округленный почерк.

— И кто бы мог подумать, что он окажется владельцем ночного клуба? — продолжал почтальон.

Анри не ответил, и старый почтальон взглянул на него. Да, письмо от возлюбленной, подумал он. Он сразу решил, что Анри испытывает и надежду и отчаяние. Нет сомнения, они поссорились; при этой мысли он вздохнул. Во всяком случае, это лучше тех дней, когда ему приходилось разносить так много конвертов в траурной рамке.

Анри сунул конверт в карман, а остальную почту отдал Берте. Копаясь в моторе, он все время видел буквы, написанные изящным, твердым почерком. Как соответствовал ей этот почерк — почерк женщины, которая всегда точно знала, чего хочет!

«Я порву письмо, не читая,— решил он.— Какое мне дело до того, чего она хочет?»

Однако он прекрасно понимал, что не сделает этого. Как только в полдень в гараже появился другой механик, Франсуа, Анри сказал Берте, что пойдет выпить чашку кофе. В ожидании заказа он вынул из кармана письмо. Оно состояло всего из нескольких строчек, написанных, очевидно, в спешке:

«Ты прав, Анри. Будет лучше, если мы не станем возвращаться к прошлому. В тот вечер я, наверно, была сумасшедшей. Я даже подумала... Ну, ты знаешь, какая я! Давай забудем все, что когда-то было между нами. Друзья мужа пригласили меня провести с ними за городом конец недели. Я хочу пробыть там до его возвращения. Прощай, мой дорогой!

Марселла».

В первые мгновения Анри ничего не почувствовал. Он бросил взгляд на официанта, принесшего кофе и маленький кувшинчик с кипятком, и сказал:

— Сегодня чудесный день.

— Превосходный,— согласился официант, посмотрел на улицу и воскликнул: — Взгляните-ка на мосье Пуссина!

Анри резко повернулся на стуле. Из «Клуба Монмартр» только что вышел Пуссин с тяжелым (так по крайней мере казалось) чемоданом в руке. Только теперь Анри вспомнил, что тот еще утром велел приготовить машину через час, а сейчас наступил уже полдень.

— Смывается, не иначе,— усмехнулся официант.— Вчера вечером в клубе произошла неприятность. Слышали?

Анри кивнул. Да, о вчерашнем уже знала вся улица. Быстро же распространяются такие новости! Он пожал плечами.

— Меня это не касается. Однако не думаю, что он хочет бежать. При дневном свете, у всех на глазах...

Лицо официанта выразило разочарование.

— И в самом деле. Но все же странный он человек. До войны у него ничего не было... Нет, тут что-то неладно.

Анри подумал, что иногда действительно происходят странные вещи. Еще совсем недавно он вообще ничего не знал о Пуссине, а тут вдруг второй раз за утро ему говорят о нем почти слово в слово...

— Чем он занимался до войны?

Готовясь посплетничать, официант оперся о соседний столик.

— Вы не знаете? Он работал в марсельском порту грузчиком. Утверждают, что он женился на дочери лавочника из-за денег. Вы ее видели, она лет на двадцать старше. Сам Пуссин намекает, будто она получила наследство от богатого дяди. Мне об этом рассказывал приятель, работающий официантом в клубе.— Он фыркнул.— Знаем мы таких богатых дядюшек!

Анри улыбнулся.

— Вы правы. Тут что-то не так.

— Мне кажется,— серьезным тоном продолжал официант,— что владельцем клуба является этот южноамериканец, любовник Марго. Если хотите знать мое мнение, сомнительная публика эти южноамериканцы, что постоянно околачиваются тут. Нельзя поверить, что Пуссин ничего не знал о махинациях с наркотиками у него под носом, в клубе.

Анри полностью разделял мнение официанта, и Пуссин вдруг заинтересовал его. Он проводил взглядом промчавшуюся мимо большую машину.

На следующий день, в воскресенье, Анри позвонил Женэ на квартиру, но ему никто не ответил. Он посидел час-другой на террасе около огромной лестницы, спускавшейся с Монмартра в город, позвонил еще раз и снова безуспешно.

Во время завтрака он много размышлял о Пуссине. Анри не верил, что клуб принадлежал южноамериканцу. Из постоянной болтовни Берты Анри знал, что тот появился там примерно только за месяц до того, как сам он начал работать в гараже... Нет, нет, он стал чересчур подозрительным. Ничего необычного, если как следует подумать. Пуссин ведет бухгалтерию,

а его жена присматривает за обслуживающим персоналом; клуб как клуб, обычное третьеразрядное злачное место.

Так-то оно так, а все же... По словам Берты, клуб открылся уже через несколько месяцев после окончания войны. Можно строить всяческие предположения, одно страшнее другого. Надо поступить проще: навести справки о Пуссине, узнать о нем как можно больше. Почтальон упомянул, что жена Пуссина была в свое время консьержкой.

«Проверить совсем нетрудно,— думал Анри.— Жаль, я не спросил у него, где они жили».

Однако и это узнать можно, даже без почтальона. Площадь Вогезов невелика, там, несомненно, есть кафе, или табачный киоск, или лавчонка, владельцы которых знают всех, кто проживает в домах на площади.

«Не сходить ли туда? — спросил себя Анри и тут же ответил: — А почему бы и нет?» По крайней мере он хоть займет себя на несколько часов, а, кроме того, он тоже не лишен любопытства, как все люди.

Площадь в это время дня словно дремала в розовой дымке — такое впечатление создавали нагретые солнцем тускло-красные кирпичи окружавших ее домов. Анри даже не представлял, насколько восхитительным может быть такое зрелище. Некоторое время он сидел на скамейке в парке, любуясь прекрасными старинными зданиями. Через дорогу перед глубокой аркой играли дети. Девочка лет пяти-шести упала и расплакалась. Из арки тотчас вышла худенькая женщина с выражением постоянного раздражения на лице.

— Что случилось? Замолчи! Можно подумать, что ты убилась насмерть!..

Она рывком поставила девочку на ноги и увела под арку. Площадь вновь погрузилась в молчаливую дремоту.

На углу, в тени галереи, Анри нашел то, что искал: маленькое кафе, скудно обставленное несколькими поломанными столиками и стульями. Анри заказал пиво и завязал разговор с хозяином — пожилым озабоченным человеком.

Да, он содержит кафе уже лет двадцать, и, кстати, дела идут так плохо, что он сам не понимает, почему не бросит это занятие.

— Понимаете, мосье, человек ко всему привыкает. Я знаю своих клиентов, они знают меня, а это вовсе не плохо.

Анри утвердительно кивнул.

— Но как только умерла жена, а дочка вышла замуж, мне стало трудно, очень трудно, мосье. Можно сказать, что я тут словно в кандалах. Дочь все время пилит меня: продавай, говорит, дело и переезжай ко мне. Она замужем за шофером автобуса — спокойным и хорошим человеком. Но я никак не могу решиться уехать с площади. Спрашиваю дочку: что я буду делать круглые сутки? Ну, а к тому же здесь живет Морис Ренар, мы с ним играем в пикет.

Анри улыбнулся.

— Вы правы. Человеку нужны друзья.

— Да, да, очень нужны!

— Вы так долго здесь живете, что знаете, наверно, всех жильцов?

Владелец кафе пренебрежительно пожал плечами.

— Не знали ли вы мадам Пуссин с мужем — они жили здесь некоторое время назад?

Ошибся Анри или действительно лицо его собеседника как-то изменилось?

— Помню эту фамилию.

— По-моему, она была тут консьержкой?

— Правильно. В доме № 65.

— А ее муж? Вы знаете, где он работал?

— Не могу сказать... Послушайте, мосье, вы случайно не шпик? — Хозяин кафе стал заметно холоднее.

— Я! — Анри усмехнулся.— Но почему вы думаете, что полиция может заинтересоваться Пуссином и его женой?

— Просто так. Я не хочу никому причинять неприятности, вот и все.

— Пуссинов здесь не очень любили?

— Видите ли... Они держались замкнуто.

— Когда они здесь жили?

— Давно. Во всяком случае, когда мы с женой приехали сюда, они уже жили тут.

— И уехали после войны?

— Да.

— Вы не слышали, люди не говорили, что Пуссин орудует на черном рынке?

— Пуссин? — Владелец кафе нервно засмеялся.— Нет, мосье. Они всегда были бедны, как церковные мыши.

— Ну что ж...— Анри задумался. Не сказать ли о «Клубе Монмартр», чтобы посмотреть, какое это произведет впечатление? Хотя... лучше потом. Он задал другой вопрос:

— Вам известно, что с ними стало и куда они уехали отсюда?

Но владелец кафе, очевидно, решил, что уже и без того сказал достаточно.

— Кто знает? Мне известно только, что они уехали.

Он отвернулся и стал протирать стаканы, давая понять, что больше не намерен разговаривать. Анри допил пиво, расплатился и вышел. Взглянув на номер над воротами соседнего дома, он прикинул, что дом шестьдесят пять должен находиться на этой же стороне, где-то посредине квартала. Держа руки в карманах, Анри неторопливо пошел дальше, посматривая на номера.

Ребятишки уже разбежались, и на этой стороне площади никого не было, только две женщины судачили в арке ворот. Одна из них — сухонькая, маленькая старушка в когда-то черном, а теперь порыжелом платье — крепко держала в тонких, похожих на птичьи лапки руках поношенную сумочку. Другой была та самая женщина с раздраженным лицом, которая выговаривала своей расплакавшейся дочурке. Как только Анри приблизился к ним, они умолкли и уставились на него. Над аркой висел номер дома: 65.

— Извините, мадам,— обратился Анри к женщине с сердитой складкой на лбу и тонкими губами.— Вы работаете здесь консьержкой?

— Правильно.

— Я разыскиваю людей, проживавших когда-то в вашем доме.

Женщина посмотрела на свою приятельницу и пожала плечами.

— При мне отсюда никто не уезжал, а что было до меня — не знаю.

Анри как бы случайно побренчал в кармане монетами. Женщина заколебалась. Видимо, ее останавливал поношенный костюм Анри, и она обдумывала, сможет ли рассчитывать на щедрые чаевые. В конце концов она ворчливо спросила:

— Как фамилия?

Анри улыбнулся и перевел взгляд на сморщенное личико ее старухи-приятельницы, острые черные глаза которой горели нескрываемым любопытством.

— Этот человек в свое время кое-что делал для меня,— солгал он,— а его жена, по-моему, несколько лет назад работала здесь консьержкой. Его фамилия Пуссин.

— Вот, пожалуйста! — всплеснула руками женщина.— Так я и знала. Вы ошиблись номером. До меня здесь работала некая Вуатон. Что ты бормочешь, Матильда? — резко спросила она старуху, которая пыталась что-то вставить, но после сердитого окрика подруги лишь виновато развела руками.

— Вы служите здесь недавно? — поинтересовался Анри.

— Чуть больше двух лет.

— А ваша предшественница мадам Вуатон?

— Откуда мне знать! Она ушла сразу после того, как наняли меня. Работала она плохо — на лестнице всегда грязь, в комнатах настоящий свинарник, поверьте мне. Как только я пришла, жалобы прекратились.

— Не сомневаюсь,— вежливо согласился Анри.— Возможно, ваша приятельница помнит, кто здесь работал до мадам Вуатон?

— Ну, уж только не она! — возразила консьержка и добавила: — Вы понимаете, у нее не все дома.

Старушка нервно посмотрела на свою сердитую приятельницу. Да, в самом деле, она ничего не знает... Возможно... Хотя нет, нет... увы! У нее совсем не соображает голова!

Анри ласково кивнул ей.

— Все равно спасибо, мадам,— поблагодарил он консьержку и вручил женщине монету.— Очень жаль, что вы не знаете. Я бы хорошо заплатил. И все же...— Он повернулся.— Пожалуй, я немножко посижу вон там. Здесь так приятно.

Анри отошел и сел на скамейку недалеко от эстрады для оркестра. Прошло минут десять, и он услышал приближающиеся к нему неровные, скачкообразные шажки. Он чуть улыбнулся и встал, увидев появившуюся из-за эстрады фигурку старушки.

— Суровая у вас подружка.

— Да, да.— Старуха улыбнулась ему всем своим сморщенным личиком. У нее был вид коварной и торжествующей заговорщицы.— Я ее побаиваюсь, но ведь человеку надо пить и есть. Извините, но вы, кажется, обещали заплатить...

— Разумеется. Вот видите? — Анри вынул из кармана несколько банкнотов.— Двести франков.

Глаза старой женщины блеснули.

— В таком случае могу сказать, мосье, что вы были правы. Пуссин с женой действительно проживали в этом доме. Я всех тут знаю, знала и эту парочку. Я же родилась здесь, вон в том доме на углу.

— Понимаю. Так что вы можете рассказать о Пуссинах?

Старушка пересказала ему кучу всяких сплетен и слухов, ходивших между жильцами, но, по мнению Анри, они не представляли особого интереса, если не считать упоминания о сыне. Анри не знал, что у Пуссинов есть сын. По словам старухи, он служил в универсальном магазине «Лувр» — во всяком случае, так ей однажды сказала сама мадам Пуссин. Это был милый и приятный молодой человек с хорошими манерами. Нет, она не слыхала, чтобы кто-нибудь из Пуссинов был связан с черным рынком.

Анри поблагодарил старушку и, перехватив ее тоскливый взгляд, добавил:

— Вы очень мне помогли.

Он вручил ей банкнот и видел, как она похожими на птичьи когти пальцами затолкала деньги в поношенную сумочку.

— Вы ей не скажете? — спросила она, кивком головы указывая в том направлении, куда ушла консьержка.

— Что вы! — улыбнулся Анри.— Пусть все останется между нами, мадам.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В тот самый день, когда Анри бродил по площади Вогезов, на долю его друга Женэ выпала одна из тех удач, которые изредка вознаграждают прилежных следователей.

Хотя день был воскресный, комиссар провел его в трудах. Несколько часов он просидел с прокурором военного трибунала Флери, которому предстояло выступать на процессе представителем обвинения. Канцелярия трибунала помещалась на огромном, пыльном и угрюмом сквере Рейли, окруженном мрачными зданиями казарм и разных контор. В солнечный день мостовая дышала здесь жаром, словно раскаленная железная решетка. Усаживаясь в полицейскую машину, Женэ приказал отвезти его в префектуру.

Комиссар откинулся на спинку сиденья и задумался, мысленно перебирая подробности только что закончившегося разговора. Флери выразил полное удовлетворение ходом расследования и не поскупился на комплименты в адрес полиции, особенно самого Женэ. Приятно, конечно, но никакого практического значения не имеет. Опытный юрист, Флери сразу обратил внимание на некоторые слабые места в представленных ему материалах, и теперь полиции надо было кое-что доделать.

Накануне под тяжестью предъявленных улик во всем сознался ростовщик Гофруа. Он признал свою связь с пресловутым Бергнером из гестапо, со всеми отталкивающими деталями описал методы шантажа и взяточничества, при помощи которых вербовал агентуру, назвал фамилии и на очных ставках опознал предъявленных ему арестованных как секретных осведомителей и информаторов гестапо. Однако в ходе дальнейшего расследования стало очевидным, что Гофруа всего лишь одно из звеньев цепи. Он заявил и на долгих, утомительных допросах продолжал настаивать, что ничего не знал о таинственном Альберте. Для него, как и для других арестованных, Альберт был только голосом по телефону, номер которого он сразу не вспомнил, но потом не слишком уверенно назвал «Литре 77» и еще какие-то цифры. Возможно, он говорил правду. Гофруа дал такие подробные показания, что было бы непонятно, зачем ему скрывать эту последнюю, исключительно важную деталь, если бы он ее помнил. Гофруа клялся и божился, что не записывал номер телефона, поскольку ему категорически это запретили.

Женэ чуть не скрежетал зубами от бессилия. Пока что было арестовано девятнадцать человек, десять из них уже сознались, что были секретными агентами гестапо и поддерживали с Альбертом связь по телефону. Семь из десяти соглашались, что подстанция называлась «Литре», один считал, что это «Тюрбиго», а двое утверждали, что ничего не помнят. И это тоже было возможно. Проверяя себя, Женэ обнаружил, что он, например, не помнит сейчас некоторых телефонных номеров, хотя в свое время пользовался ими почти ежедневно.

В течение нескольких дней детективы вновь обыскивали квартиры и имущество арестованных, надеясь найти нацарапанный где-нибудь или записанный на клочке бумаги номер телефона. Особенно тщательному осмотру подвергся магазинчик Гофруа и комнаты, где арестованные жили или работали во время войны; кто знает, не записал ли кто-нибудь этот номер, например, за картиной или, возможно, на стенке какой-нибудь темной кладовки. Поиски не дали результатов.

Вместе с тем полиция все еще не смогла арестовать человека по фамилии Дювивье, бывшего официанта в кафе «Турнель» на левом берегу Сены, около набережной того же названия. Он значился в списке, составленном по книге Гофруа. По словам хозяйки кафе, месяца три назад Дювивье, сославшись на недомогание, ушел днем с работы и больше не появлялся. На вопрос, наводила ли она справки, хозяйка ответила, что это не ее дело. Затем, не переставая ворчать, она порылась в ящиках стола, где хранила всякие бумаги, и нашла его адрес. Через владельца меблированных комнат, в которых проживал Дювивье, полицейские выяснили, что 11 апреля он лег в больницу св. Сульпиции с острым воспалением мочевого пузыря, а 23 июня выписался, после чего след его терялся.

Женэ закурил и принялся размышлять о Дювивье. Он знал его. Много лет назад, еще в первые дни своей работы в полиции, Женэ арестовал Дювивье за какую-то кражу. Подробности забылись, но он помнил, что ему было жаль воришку, и после того, как Дювивье отбыл срок заключения, он помог ему устроиться на работу в кафе «Турнель». В знак признательности Дювивье время от времени сообщал Женэ кое-какую информацию. Было бы нелепо утверждать, что подобный человек не мог стать предателем, однако, если бы это подтвердилось, Женэ был бы удивлен. Трудно объяснить — почему. Во всяком случае, многолетняя служба в уголовной полиции выработала у него известное чутье на таких людей.

Едва Женэ подумал, что надо немедленно распорядиться об усилении розыска Дювивье, как произошло нечто совершенно неожиданное.

Машина с комиссаром уже начала сворачивать на площадь Отель де Виль, когда в собиравшемся перейти улицу лысом сутулом человечке в черном костюме, с вежливым, но хитрым лицом Женэ сразу узнал Дювивье. Женэ поспешно приказал водителю остановиться; в то же мгновение Дювивье поднял голову и взглянул на комиссара. Обдумывая позднее случившееся, Женэ пришел к выводу, что Дювивье не только не испугался, но, наоборот, остался доволен. Комиссару даже показалось, что Дювивье сам заторопился к его машине, но убедиться в этом Женэ не успел: из-за угла вылетел мотоцикл и сбил старика.

Женэ выскочил из машины и подбежал к Дювивье. Тот лежал неподвижно, из его полуоткрытого рта стекала тоненькая струйка крови.

Продолжение следует.

УГЛЫ КРУГЛОГО КОЛЕСА

Промышленность страны быстрыми темпами наращивает выпуск легковых автомобилей. Расширяется Московский завод малолитражных автомобилей имени Ленинского комсомола. Влились в поток автомашин, сделав его более разнообразным, элегантные «Волги» М-24. Горьковский автогигант создает заводы-филиалы, специализируя их на производстве отдельных узлов и деталей машин. Уже в нынешнем году на дороги страны выйдут тысячи машин «Жигули». Недалеко время, когда ежегодно миллион легковых автомобилей будет выезжать из ворот наших автозаводов. Буквально на глазах растет автомобильное хозяйство страны, успехи которого очевидны. Но в этом многообразном хозяйстве автомобиль — всего лишь начало. За ним — дороги, сервис, четко налаженное дорожно-гостиничное хозяйство, «тысячи автомобильных мелочей»: от привязного ремня до гаража близ дома.

Проблем в этой связи возникает много. Как готовятся к их решению? Об этом шел разговор в редакции журнала «Огонек». Участники встречи — представители Министерств строительства и эксплуатации автомобильных дорог РСФСР, автомобильного транспорта РСФСР, торговли РСФСР, химической промышленности СССР, технического совета Министерства автомобильной промышленности СССР. Репортаж с этой встречи ведут корреспонденты «Огонька» К. БАРЫКИН и Ю. КРИВОНОСОВ.

Э. В. СТАРАННИКОВ, начальник Республиканского объединения по техническому обслуживанию автомобилей — «Росавтотехобслуживание». Одна из главных проблем — обслужить близящийся поток легковых машин. Важный шаг в этом направлении сделан: вся сеть станций технического обслуживания в РСФСР централизована и подчинена нашей, недавно созданной организации. Мы приняли от службы быта 105 сравнительно небольших предприятий. За прошлый год построили 18 новых станций, в нынешнем их строится 96. В будущем году предполагается начать строительство еще 169. Немало! Но по масштабам нашей страны с учетом резко возрастающего выпуска автомобилей недостаточно. Однако мы с оптимизмом, опирающимся на расчет и конкретные планы, смотрим в будущее. Поэтому я прошу названные факты рассматривать лишь как начало осуществления большой программы.

КОРРЕСПОНДЕНТЫ. Отвечают ли строящиеся станции современным представлениям об автомобильном сервисе?

— Строящиеся по новым проектам—да. Сейчас подготовлено два проекта: на 15 и 25 автомобилей. Это современные предприятия со всеми видами обслуживания машин. Предусмотрен максимум удобств и для работающих здесь и для владельцев автомобилей. В здании—холл, бар, буфет. Тут можно отдохнуть, перекусить. Будет и демонстрационный зал, где станут продавать и новые автомобили и запасные части.

Это не сегодняшний день. А пока есть некоторые перемены и на существующих станциях. Мы начали более планомерно получать запасные части. Это еще не поток, не бурная река, а скорее ручеек, но все же... На следующий год количество запасных частей обещают увеличить.

КОРРЕСПОНДЕНТЫ. Все ли готово к встрече автомобиля «Жигули», выпуск которого начался в городе Тольятти?

А. Ф. ПЕТРОВ, заместитель министра автомобильного транспорта РСФСР: Сейчас практически в каждой области Российской Федерации есть станции технического обслуживания, на них производят ремонт и техническое обслуживание легковых автомобилей всех отечественных марок. Профилактический ремонт и обслуживание «Жигули» смогут проходить на любой из этих 180 станций. Но для этого Министерству автомобильного транспорта предстоит совместно с Министерством автомобильной промышленности СССР, Министерством химической промышленности СССР и другими решить вопросы обеспечения этих станций деталями и материалами, предназначенными специально для «Жигулей». Соответствующие заявки даны. Видимо, реализация их начнется в 1971 году.

Необходимо расширить «географию» гарантийного ремонта этих автомашин. Но здесь первое слово за Министерством автомобильной промышленности СССР, которое должно дать нашим станциям технического обслуживания соответствующее оборудование, запчасти и оснастку...

Сейчас в РСФСР выделено шесть станций, которые будут выполнять гарантийный ремонт автомашин «Жигули». Их адреса — Коломна, Московской области, Ленинград, Горький, Куйбышев, Свердловск и Ростов-на-Дону. Но число этих станций должно расшириться, особенно они нужны в Сибири и на Дальнем Востоке.

С. Е. САРУХАНОВ, заместитель министра торговли РСФСР: Да, иначе может случиться то же, что произошло с цветными телевизорами. Покупали их в Москве и везли туда, где не было еще передач цветного телевидения. Купил в Москве, везет в Грузию и удивляется, что изображение черно-белое. И, удивляясь, ругается. Человек купит машину в Москве, а, скажем, через две недели она окажется в Чите или Сухуми. Как ее будут обслуживать там (я имею в виду гарантийный ремонт)?

Э. В. СТАРАННИКОВ. И все же придется считаться с тем, что для гарантийного ремонта новых машин требуются специальное оборудование и материалы. Поэтому придется пока довольствоваться сравнительно немногими базовыми станциями, твердо наметив при этом, где и как быстро будут строиться остальные. Есть основания надеяться на решение и этой проблемы. Надо только ускорить работы.

С. Е. САРУХАНОВ. Да, надо принять самые энергичные меры для максимального расширения сети таких станций. И притом в короткие сроки.

Э. В. СТАРАННИКОВ. Конечно. И это делается. В частности, на заводе в городе Тольятти введена должность заместителя генерального директора по автотехобслуживанию. Надо полагать, что завод тем самым подчеркивает степень своей ответственности за техническое обслуживание выпускаемых им машин.

КОРРЕСПОНДЕНТЫ. Но не только «Жигули» требуют добротного ремонта. Недавно газета «Труд» рассказала о проекте крупнейшей в стране станции технического обслуживания автомобилей. В информации есть невеселая в общем-то фраза: «Немаловажно и то, что на этой станции ремонт будет ВПЕРВЫЕ (подчеркнуто нами.— К. Б. и Ю. К.) производиться с гарантией». Стало быть, сейчас ремонтируют без гарантии? Чтобы прояснить смысл этого вопроса, мы позволим себе небольшое отступление.

Отступление, дающее некоторое представление о том, как порой ремонтируют машины на станциях техобслуживания. Корреспондент «Огонька» ведет репортаж с одной из московских станций.

— Несколько часов жду очереди на мойку. Наконец механические щетки начинают драить мою машину. А мотор? «Мотор не моем,— отвечает мойщица,— его с керосином надо, а его у нас нет...» Вот это да!..

Затем автомобилем занимается слесарь. «Приходите завтра»,— говорит он. На следующий день: «Готово, забирайте...» Завожу двигатель, выезжаю из ворот. И вдруг буквально через несколько десятков метров от московской станции № 7 мотор глохнет... Прохожие помогли мне откатить автомобиль на платную стоянку, находящуюся рядом. Итоги «ремонта» таковы: а) генератор не давал подзарядку, б) заклинило новый амортизатор, в) колеса тормозили с заносом.

...Общая беда многих станций — невысокая культура их работы. Администрация станций весьма неохотно идет на то, чтобы ввести систему предварительной записи, гарантирующую четкую очередность. Существующая практика такова, что никто вроде бы не несет персональной ответственности за качество ремонта. Может, ввести какие-то личные клейма, может, иметь на станции свой ОТК? И чтобы клиент знал — его автомобиль ремонтировался бригадой, руководимой таким-то. Будет с кого спросить. Не помешают таким станциям кафе, залы ожидания: пока твой автомобиль моют или меняют колесо, будет где посидеть, выпить чай или почитать газету.

Первые шаги — «Росавтотехобслуживание» создано недавно — новой организации дают право надеяться, что многие сегодня еще острые вопросы будут со временем решены. Но пока «Росавтотехобслуживание» вынуждено заниматься крупными проблемами, а за ними не всегда видны «мелочи», без которых подлинных высот сервиса не достигнуть.

Видимо, есть резон создать какой-то комплекс обслуживания на платных стоянках автомобилей и на некоторых автозаправочных станциях. Сделать так, чтобы и здесь можно было помыть машину, заменить свечи, поменять масло или, допустим, пылесосом почистить салон автомобиля...

Э. В. СТАРАННИКОВ. Положение на станциях обслуживания действительно не везде благополучно. И с качеством ремонта и с дисциплиной. Мы сознаем, что надо еще многое сделать для повышения культуры обслуживания. «Мелочи» тоже стараемся не забывать. Модельеры разработали несколько вариантов форменной одежды для сотрудников станций. Усиливаем воспитательную работу. Создаются профтехучилища. Намечаются меры, материально стимулирующие труд рабочего, мастера. Будем в то же время более строго спрашивать с тех, кто попытается нарушить установленные правила. Мы стремимся к тому, чтобы на станциях в достатке были запасные части. Но решение этой проблемы зависит прежде всего не от нас...

КОРРЕСПОНДЕНТЫ. Почему мало запасных частей и в магазинах и на станциях обслуживания?

Л. В. КОСТКИН, заместитель председателя Научно-технического совета Министерства автомобильной промышленности СССР: Запасные части выпускаются в достаточном количестве. На них идет около сорока процентов всего «автомобильного» металла.

ВОПРОС. Вы считаете и грузовики?

Л. В. КОСТКИН. Да. Но не только в этом дело. Наличие запасных частей находится в прямой зависимости от качества ремонта. Если ресурс нового автомобильного двигателя принять за сто процентов, то после капитального ремонта он оказывается с куда более скромными, сорокапроцентными возможностями. Такой ремонт экономически невыгоден. После капитального ремонта двигатель должен быть как новый. Тогда прекратится и существующий пока неразумный расход запчастей. И появится гарантия качества. Ремонт должен быть поставлен на подлинно индустриальные рельсы. Ремонтные предприятия следует создавать крупные — на 40—50 тысяч моторов в год. Иначе не преодолеть кустарщины и, конечно, не напастись запчастей. Текущий же ремонт нужно проводить на хороших станциях техобслуживания, сообразуясь с научно разработанными нормами.

Не грех перенять и зарубежный опыт. Там в сфере автосервиса и ремонта машин людей занято больше, чем в производстве автомобилей. Фирмы сами занимаются обслуживанием своих автомобилей, развивают сеть станций обслуживания — это им выгодно. Станции быстро окупают себя. Нужно сломать устоявшееся представление о ремонте и обслуживании автомобилей как о чем-то неизбежно кустарном, нерентабельном.

И еще одно соображение: пора отрешиться от ошибочного представления о владельце автомашины как о частнике — пусть, мол, сам выкарабкивается, как умеет...

С. Е. САРУХАНОВ. Министерство торговли не может согласиться с утверждением, будто запасных частей выпускается достаточно. В магазинах их мало и на станции обслуживания, как мы только что слышали, попадает недостаточно. Заявки торговли на некоторые запчасти удовлетворяются лишь на 20—30 процентов, а иногда и того менее. Валовой подход тут опасен. Только что нам сказали: «сорок процентов «автомобильного» металла идет на запчасти». Это не четкая мера. Коленчатый вал в тысячу раз тяжелее крепежного болта — на вес считать нельзя. По весу план можно выполнить на сотни процентов. Следует определить перечень необходимых запчастей — это сделать нетрудно — и выпускать их в первую очередь. Мы не в претензии, что большая доля запчастей направляется в систему автотехобслуживания. Придет время, когда в магазины за запчастями и не пойдут, их будет в достатке на станциях техобслуживания. Но сейчас в торговлю должно идти достаточное количество запасных частей.

Ныне идет размещение заказов на запасные части для автомобилей «Волга» М-21. Эти запчасти будут выпускаться еще 10—12 лет. Без этого может сложиться такое же положение, как с деталями для «Победы». Машины эти сняли с производства, но автомобилей «Победа» в эксплуатации немало, и спрос на запчасти к ним превышает предложение.

В последнее время раздавались голоса — отдать торговлю машинами тем, кто занимается автотехобслуживанием. Это что-то напоминающее натуральное хозяйство. Мы считаем: пусть одни занимаются производством, другие — торговлей, а третьи — обслуживанием. Мне кажется, что если эти грани четко определить, то каждый станет углубленней вести свое дело, больше будет порядка.

Перспективы значительны и реальны. Продажа автомашин к концу будущей пятилетки увеличится во много раз. В 1971—1975 годах мы предполагаем построить более чем в двадцати городах РСФСР современные магазины по торговле автомашинами. Типовой проект разработан Краснодарским филиалом Гипроторга. Такой магазин рассчитан на продажу нескольких сот автомашин в день. Покупатель получит здесь полную консультацию, сможет посмотреть машину на ходу, получит ее чисто вымытой, блестящей — словом, покупка автомобиля должна стать делом приятным, а не хлопотным, как сейчас...

КОРРЕСПОНДЕНТЫ. Из магазина машины выкатываются на улицы, на дороги. Готовы ли они принять автомобиль?

Г. Н. БОРОДИН, заместитель министра строительства и эксплуатации автомобильных дорог РСФСР: Дорога строится не только для автолюбителя, поэтому хотелось бы рассматривать дорожную проблему шире. Всем известно, что дороги заметно повышают экономический потенциал страны, позволяют быстрее ликвидировать различия между городом и селом. Лучшие поля, сады, огороды могут принести убыток, если нет к ним хороших подъездов. И для города дорога — благо. Благо, несмотря на шутливое сетование Ильфа и Петрова по поводу того, что «...улицы, созданные пешеходами, перешли во власть автомобилистов».

Госплан страны рассмотрел генеральную схему строительства дорог. Есть большая программа. Проводится значительная работа. Почти во всех республиках созданы министерства строительства и эксплуатации дорог. С каждым годом растет их сеть. Введена в эксплуатацию автомобильная дорога Воронеж — Шахты: она стала продолжением ранее проложенной трассы Москва — Воронеж. Бетонная магистраль от Москвы до Ростова-на-Дону сократила, если ее сравнивать с сильно перегруженной дорогой Москва — Харьков, путь на 141 километр. Появился и второй «луч» на юг: завершается сооружение автодороги Воронеж — Курск. Полным ходом идут работы по строительству автодороги Волгоград — Шахты. Я мог бы продолжить этот перечень. Но для пользы дела поговорим о том, что еще не решено. Чем гуще сеть дорог, чем они лучше, тем меньше нужно автомобилей. Значительно меньше. К сожалению, некоторые товарищи закрывают глаза на это обстоятельство или «забывают» о нем при экономических подсчетах. С хорошо развитой сетью автомагистралей для выполнения ежегодного объема перевозок потребовалось бы на сотни тысяч грузовых автомобилей меньше. За годы заканчивающейся пятилетки в Российской Федерации построено 44 тысячи километров дорог. Положите их, например, на Британские острова — густая получится сеть. Но для РСФСР этого мало. Пора с новыми мерками требований подходить к планированию и проектированию дорог в стране. Их надо строить больше.

А состояние дорог, их благоустроенность или, применяя технический термин, их инженерная обустроенность? Только отвечающая современным требованиям дорога может во всем соответствовать формуле «транспорт — скорость — время».

К сожалению, некоторые наши дороги еще несовершенны. Взять хотя бы их разметку. Это не мелочь. Четкая белая полоса дисциплинирует водителя, увеличивает пропускную способность, способствует сокращению аварий. Но для разметки нужны устойчивые красители. Министерство химической промышленности СССР дает нам в год считанные сотни тонн белой нитрокраски — ничтожно мало! К тому же краска эта плохо держится. Институт лакокрасок только приступил к работе над стойкими термопластиками. Созданы дорожные знаки со светоотражающей поверхностью — если кто ездил вечером в Домодедово, знает, как это здорово. Но пока нам дают очень мало таких пленок и красок.

Я привез образцы. Посмотрите, такое впечатление, будто каждый знак с подсветом. Есть постановление, обязывающее Министерство химической промышленности СССР организовать в 1968 году производство специальных светоотражающих пленок для дорожных знаков и ограждений, заметно повышающих безопасность движения. Уже близок к завершению 1970 год, а химики дали нам лишь опытную партию.

КОРРЕСПОНДЕНТЫ. В чем же дело? Почему до сих пор нет светоотражающих материалов?

В. Н. ШИЛОВ, начальник главка Министерства химической промышленности СССР: В состав светоотражающих покрытий входят стеклянные микрошарики. Химики сами их не делают. Министерство промышленности строительных материалов, я имею в виду Главстекло, заявило: «Дайте нам три года для изучения этой проблемы...»

КОРРЕСПОНДЕНТЫ. Но благоустройство автомагистралей — это не только дорожные знаки...

Г. Н. БОРОДИН. Примерно через каждые 50 километров пути мы оборудуем площадки для отдыха: столик со скамейкой, водопровод или родник. Вроде бы просто, но машина уже не стоит на проезжей части. Это, кстати, в немалой мере способствует повышению пропускной способности дорог. Стремимся сделать площадки-стоянки у всёх магазинов, кафе, расположенных на автотрассах. Жизнь показывает, что эту проблему нам одним не решить. Тут нужно активное участие управления по туризму ВЦСПС, «Интуриста», Министерства торговли и Центросоюза, местных Советов. Сейчас на основных туристских дорогах Европейской части СССР имеются мотели, кемпинги и станции технического обслуживания, но их всего несколько десятков. Пора кончать с таким положением, когда на многих дорогах не встретишь чайную, закусочную, кафе, место для отдыха. Хочу сообщить, что сейчас составляется «сетка», на которую мы нанесем все, что уже может предложить дорога автомобилисту. Тем самым определятся «белые пятна», и мы в содружестве с другими организациями начнем их осваивать. Но тут требуется более доброжелательное отношение к этой работе Госстроя СССР. Мы направляем туда проекты строительства дорог, предусматривает их инженерную и бытовую обустроенность, а там первым делом смотрят: сколько стоит километр? Спору нет, экономика имеет решающее значение. Но весь секрет в том, что чем лучше дорога, тем скорее она окупается. Так что счет бывает разный. Сейчас строится дорога Москва — Волгоград — 970 километров. После утверждения проекта на ней осталось всего 4 автозаправочных станции и один мотель.

КОРРЕСПОНДЕНТЫ. Бесспорно, нельзя мириться с существующей неблагоустроенностью многих наших дорог. А как с сервисом на уже построенных дорогах?

Г. Н. БОРОДИН. Нерешенных проблем здесь много. Вот одна из них: централизованная дорожная патрульная служба. Я имею в виду машины технической помощи, курсирующие по трассе и связанные радиотелефоном с ближайшими станциями технического обслуживания. Такие службы за рубежом уже существуют. Кстати, создаются они зачастую на средства и по инициативе автоклубов.

КОРРЕСПОНДЕНТЫ. А почему у нас незаслуженно забыта такая отличная общественная организация, как «Автодор»? Вспомните, какую огромную помощь оказала она в свое время развитию автомобилизма в Советском Союзе. Думается, что в связи с «большим автомобилем» стоило бы возродить на новой, современной основе наш «Автодор». Автомобильная общественность — это большая сила.

А что думает об этом читатель?

* * *

Не скатертью стелется дорога под автомобильные колеса. Попадаются рытвины и ухабы и в торговле машинами, и в обслуживании их, и в строительстве дорог...

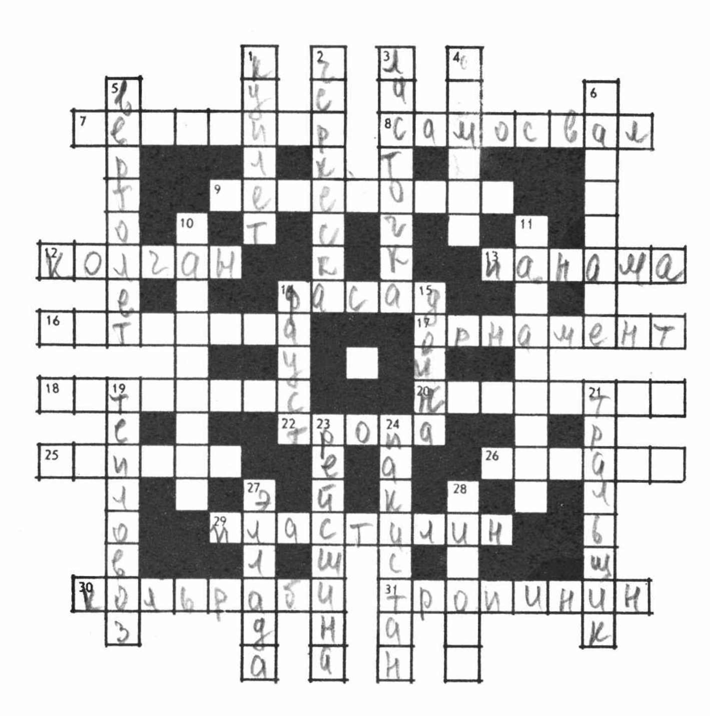
О некоторых недостатках и шла речь за «круглым столом».

Одна из проблем — техническое обслуживание автомобилей, и в частности мера обеспеченности запасными частями. Кто же прав — представитель Министерства автомобильной промышленности, утверждающий, что их выпускается достаточно, или представитель Министерства торговли, отвечающий на это заявление цифрами: заявки на некоторые запчасти удовлетворяются на 20—30 процентов? Справедливо ставится вопрос: пора отказаться от кустарщины в ремонте автомобильных агрегатов, надо перевести его на индустриальные рельсы, добиваясь резкого повышения качества ремонта.

Какие меры принимаются для расширения базовых станций техобслуживания автомобилей «Жигули»? Мы ждем ответа от руководителей Волжского автозавода.

За «круглым столом» отмечали, что подчас еще низка культура работы на станциях технического обслуживания. Что предпринимается для ликвидации тех недостатков, с которыми еще приходится сталкиваться? Слово тут прежде всего за руководителями республиканских министерств автомобильного транспорта.

Пора более энергично, планомерно, с большим размахом решать дорожные проблемы, заботиться об инженерной и бытовой обустроенности дорог. Хотелось бы узнать мнение на сей счет Госстроя СССР, Министерства транспортного строительства СССР, Государственной автоинспекции МВД СССР и, конечно же, руководителей республиканских министерств строительства и эксплуатации автомобильных дорог. Многим могут помочь «Интурист», Управление по туризму ВЦСПС, Центросоюз, Министерство торговли СССР. Мы ждем и их сообщений.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Сплав меди с никелем. 8. Грузовой автомобиль. 9. Рассказ А. П. Чехова. 12. Футляр для стрел. 13. Летняя шляпа. 14. Сторона здания. 16. Персонаж комедии Шекспира «Укрощение строптивой». 17. Узор с ритмическим расположением элементов. 18. Порт на Кубе. 20. Зубчатая передача. 22. Узкая дорожка. 25. Ткань с мелким поперечным рубчиком. 26. Азербайджанский поэт XII—XIII веков. 29. Материал для лепки. 30. Разновидность капусты. 31. Русский живописец-портретист.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Часть песни. 2. Мужская одежда у народов Кавказа. 3. Быстролетающая птица. 4. Начало шахматной партии. 5. Летательный аппарат. 6. Горный курорт в Польше. 10. Балет А. Крейна. 11. Один из Курильских островов. 14. Драматическая поэма Гете. 15. Щипковый инструмент. 19. Локомотив с двигателем внутреннего сгорания. 21. Военный корабль. 23. Чертежная линейка. 24. Государство в Азии. 27. Древнегреческая эпическая поэма. 28. Южное растение семейства бобовых.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 46

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Боржоми. 6. Угольник. 7. Овсяница. 8. Кабарга. 10. Обручев. 15. Полька. 17. Атолл. 18. «Макбет». 20. Сирокко. 21. Василек. 22. Персик. 24. Октод. 25. Павлин. 27. Варшава. 29. Эрмитаж. 30. Премьера. 31. Изморозь. 32. Сметана.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Брюква. 2. «Хорошо!» 4. Токарь. 5. Липецк. 9. Градобоев. 11. Бельведер. 12. Бобслей. 13. Повесть. 14. Берклий. 16. Кроки. 19. Афиша. 23. Стайер. 26. Власов. 28. Алазея. 29. Экипаж.

На первой странице обложки: Образцы лунной породы.

Фото Ю. Стахеева и В. Шеффера (ЛАФОКИ).

На последней странице обложки: Людмила Турищева (слева) — абсолютная чемпионка мира по гимнастике 1970 года и Зинаида Воронина, занявшая третье место (см. в номере очерк «Эскизы к шести портретам»).

Фото Б. Кауфмана и Ф. Гринберга (АПН).

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото—253-39-04; Оформления—253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 3/XI-70 г. А 00494. Подп. к печ. 17/XI-70 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2469. Тираж 2 100 000 экз. Заказ 3074.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ДНЕМ И НОЧЬЮ

Е. КРЕЧЕТ,
подполковник милиции

Фото Г. Макарова.

Москва, Петровка, 38... В этом здании размещается Управление внутренних дел исполкома Московского городского Совета депутатов трудящихся.

Каждое утро вхожу я в это здание, ставшее мне родным. Иногда телефонный звонок поднимает меня среди ночи. Тревога! Одеваюсь в считанные минуты, хватаю приготовленный для таких случаев чемодан — и в управление...

Каждое утро входишь в это здание...

По отдельным штрихам, ничего не говорящим постороннему, угадывается ритм работы.

...В сопровождении ассистентов и кавалеристов со сверкающими клинками на плечах знаменщик выносит из вестибюля знамя, святыню московской ордена Красного Знамени милиции. Значит, вот-вот начнется какое-то торжество: посвящение в милиционеры, встреча ветеранов с новым пополнением.

...Во двор выбегают следователь, инспектор уголовного розыска, эксперт научно-технического отдела, проводник со служебно-розыскной собакой. Водитель специальной автомашины с места рывком набирает скорость. Значит, где-то случилась беда, где-то срочно потребовалась помощь оперативной группы дежурного по городу...

Давно ликвидирована у нас в стране профессиональная преступность. Но воры и мошенники, хулиганы и насильники, расхитители социалистической собственности еще не перевелись. И у милиции пока что хватает работы. На переднем крае борьбы за образцовый общественный порядок иногда гремят выстрелы. Недавно преступник тяжело ранил московского милиционера Ивана Яковлевича Деева. Превозмогая боль, слабея от потери крови, младший сержант Деев преследовал и задержал бандита. Начальник УВД исполкома Мосгорсовета генерал-майор А. П. Козлов поощрил героя-милиционера.

Встречая каждое утро сослуживцев, всегда замечаешь что-нибудь новое: еще одну звездочку на погоне, ромбик института, университета, а то и орден на груди... Только новые морщины заметишь не сразу...

Герои этого репортажа — мои сослуживцы: работники уголовного розыска, следствия, эксперты-криминалисты и, конечно, москвичи — друзья столичной милиции.

ОТ ВСЕГО СЕРДЦА

Эти письма, присланные разными людьми, адресованы одному человеку — работнику прославленного МУРа.

«...Я пишу вам потому, что почувствовал в вас настоящего человека — Человека с большой буквы. Мы встречались с вами всего несколько раз. Вы относились ко мне, человеку, совершившему преступление, очень гуманно и справедливо.

Перед тем, как уехать из Москвы на длительный срок (меня осудили на 10 лет лишения свободы с содержанием в колонии усиленного режима), я обращаюсь к вам со словами благодарности. Большое вам спасибо за ваше горячее сердце и объективный подход ко мне.

Я не мальчик, многое понял, многое мне еще предстоит пережить. Но свое испытание я пройду с честью, не подорву вашу веру в меня...

Еще раз благодарю вас за вашу гуманность и объективность, проявленные ко мне...

У меня прекрасная специальность механика, правда, вертолетного, но я еще и слесарь, и вообще буду стараться отдавать все свои знания и опыт... Как я хорошо работал на производстве, так буду хорошо работать и в колонии.

Простите меня за мое письмо, но я не мог уехать, не написав вам.

П.»

«За вашу человечность и справедливость я, думается, имею право поздравить вас с великим праздником. Желаю вам и вашей семье личного счастья, крепкого здоровья, желаю, чтобы в вашем доме не знали горя.

Своей человечностью вы нашли ключи к сердцу негодяя, который обязательно станет человеком...

З.»

«...Я — неоднократно судимый вор-рецидивист. Сколько квалифицированных краж из гостиниц я совершил! Расследование по моему делу закончено, и скоро я буду осужден. Первый раз в жизни я чистосердечно во всем признался, хотя мог не делать этого, и ни капли не жалею, что бы мне за это ни грозило. Поступил я так потому, чтобы снять с себя бремя, которое носил много лет, а главное, потому, что вы проявили ко мне справедливое, человеческое отношение, и у меня не хватило совести обманывать вас. За многое я должен сказать вам спасибо. Примите его — оно искреннее...

П.»

МИЛИЦИЯ И НАУКА

Иногда, правда, редко, в московских магазинах случаются пожары. Очевидцы в таких случаях судят безапелляционно:

— Нахапали на всю жизнь, а теперь подожгли: ищи-свищи!

...Во время пожара в магазине раскалился металлический ящик, в котором, как утверждал директор, находилась крупная сумма денег.

Работники милиции и пожарной охраны, осматривавшие место происшествия, поставили перед собой ряд вопросов.

Каковы причины пожара?

Почему огонь возник около кассы?

Что хранилось в металлическом ящике: только деньги или еще и документы? Сколько денег?..

Когда ящик вскрыли, в нем обнаружили груду обуглившейся бумаги. Ничего похожего ни на деньги, ни на документы!

Эксперт научно-технического отдела УВД исполкома Мосгорсовета майор милиции Владимир Иванович Горенков, получив указание попытаться уточнить, что представляла из себя обуглившаяся груда до пожара, сделал все возможное и невозможное, чтобы помочь следствию. Используя самые различные химикаты, приспособления и аппаратуру, эксперт не только доказал, что в ящике находились деньги, но и назвал сумму. Она соответствовала той, о которой заявил директор.

Что греха таить, во время разбирательства дела кое у кого зародилось подозрение, что работники магазина причастны к пожару, что денег в ящике и в помине не было. Эксперт В. И. Горенков опроверг это подозрение.

Три женщины, работавшие в кафе, были миловидными и приветливыми. Посетителей в кафе всегда полным-полно. Продававшийся здесь напиток официально назывался коньяком (такое название значилось и на бутылках), но люди, понимавшие толк в коньяках, утверждали, что это — «черт знает что».

Обольстительными хозяйками кафе заинтересовались работники ОБХСС. На помощь они призвали экспертов научно-технического отдела. Всего несколько капель понадобилось ввести в аппарат, называемый газовым хромотографом, чтобы бесспорно доказать: в дорогой коньяк подмешивалась добрая порция «Старки»...

МАЙОР МАКАРОВА

Майор милиции Ирина Афанасьевна Макарова — старший следователь Следственного управления УВД исполкома Мосгорсовета.

Майор Макарова ведет самые сложные дела, так называемые хозяйственные. Поговорите с ней — как много она знает! Ведь что ни дело, то проблема.

...По неполным данным, только за шесть месяцев работники секции «Мясо — рыба — овощи» одного из столичных магазинов обманули покупателей более чем на шестьсот рублей. Пересортица... Сколько долгих вечеров Ирина Афанасьевна просидела над специальной литературой. Узнала, что есть, например, треска горячего копчения мелкая нестандартная и треска горячего копчения мелкая стандартная. Разница в цене за килограмм — 31 копейка. Сам господь бог не различит этих рыб, а где уж справиться с такой задачей покупателю!

А кто из покупателей отличит сельдь атлантическую холодного копчения нестандартную от стандартной? Да никто, пожалуй. А ведь первая стоит 1 рубль 50 копеек за килограмм, вторая — 2 рубля 14 копеек. Нечестные продавцы во всем этом прекрасно разбирались и наживались на пересортице.

Распуталась Макарова с рыбой, приняла к производству уголовное дело о хищении шевровых и хромовых кож, натурального меха и других материалов из закройно-заготовительного цеха. Здесь жулики за год украли у государства более четырех тысяч рублей. Как уличить их, если не знаешь технологии производства обуви? И Макарова снова садится за книги.

Вместе с фондовыми товарами заведующий складом отпускает директору магазина неучтенную продукцию, получая за нее восемьдесят процентов стоимости. Кто, где и как производит эту продукцию? Как она попадает на склад и как вывозится со склада? Опять надо садиться за книги, изучать совершенно новую для тебя отрасль народного хозяйства. И Макарова снова просиживает долгие вечера, учится. Ведь она — следователь по особо важным человеческим делам, и ей нельзя ошибаться!

На работе — до позднего вечера. Допросы обвиняемых и свидетелей, обыски, долгие беседы с работниками аппаратов ОБХСС, экспертами и раздумья: «Виновен или не виновен?» Если да, то что столкнуло человека с прямой дороги на кривую тропинку? Каковы причины и условия совершения преступления, как их устранить раз и навсегда?

Схема по уголовному делу — это десятки разноцветных кружков, квадратов, прямоугольников, связанных между собой. Схема напоминает карту сети дорог. Это — места хищений, места сбыта похищенного, преступные связи...

— Зачем тебе все это? — недоумевают иногда сослуживцы.— Тебе же такая обуза ни с какого боку не нужна. Руби «концы»!

Легко сказать: руби! Бывает, надо поступать именно так, потому что при избытке воды и мельник тонет. Но не всегда можно рубить.

И. А. Макарова нередко выступает на предприятиях, в учреждениях. И где бы ни выступала она, всегда находит со слушателями общий язык. В одном месте (аудитории ведь бывают разные) у присутствующих не вызывает сомнения, что Ирина Афанасьевна окончила финансовый институт, в другом — автомобильно-дорожный, в третьем — мясной и молочной промышленности. А однажды был случай, когда слушатели задали ей вопрос: где она в свое время училась — в ГИТИСе или во ВГИКе? И когда Макарова ответила, что она окончила юридический факультет МГУ, находившиеся в зале удивились: юрист, а так досконально знает все, что касается артистической деятельности!

...Они ничего не знали друг о друге, Ирина Афанасьевна Макарова и Луиза Соловейко, не предполагали даже, что их пути сойдутся.

Прелестное юное личико, элегантный костюм выделяли молодую женщину из пестрой и многоязыкой толчеи Центрального колхозного рынка. Как шли и к ее лицу и к ее платью пушистые, крупные, словно пионы, пурпурные гвоздики! Их покупали у нее нарасхват, хотя стоили они дорого — 2 рубля 50 копеек цветок.

«Десятки чудесных цветов... Откуда они у нее? — подумал случайно оказавшийся на рынке работник ОБХСС.— Гвоздики, бесспорно, импортные, предназначены для цветочных магазинов, где они стоят гораздо дешевле. Надо поинтересоваться...»

Если б не эта случайная встреча, женщина вскоре улетела бы в дальний портовый город — в сумочке уже лежал билет на самолет. Из камеры хранения аэропорта извлекли два чемодана, в которых хранились еще шестьсот (шестьсот!) гвоздик.

И вот Луиза Соловейко сидит перед следователем.

...Четыре судимости — и все за спекуляцию. Нигде не работает. Одна у нее забота: с рынка — в магазин, в ресторан. Избаловали ее легкая нажива, беззаботная жизнь. И все же жаль ее — молодая еще...

Опустив голову и сцепив на коленях руки, Соловейко смотрит в пол.

«Ничего не скажу, никого не выдам — не из таких положений выходила, не таких следователей водила за нос...»

— Молчание не лучший способ защиты, а тем более выяснения правды,— начинает майор Макарова.— Давайте поговорим с вами, что называется, по душам, а? — И улыбается.

В этом деле Макарова не рубила «концов». Она нашла всех, кто вольно или невольно подбивал Луизу Соловейко на преступления, кто большими партиями сбывал ей цветы, грея на этом руки, кто из-под прилавка снабжал дефицитными товарами, кто толкал бездумно прожигать жизнь в ресторанах.

Чистосердечным признанием Соловейко помогла распутать клубок преступлений, а суд учел это при вынесении приговора. В колонии она трудилась всем на загляденье, перевыполняла нормы на 140—150 процентов, приобрела две специальности. Все время была членом секции внутреннего порядка, совета коллектива. Везде и во всем ее ставили в пример. Соловейко часто писала Ирине Афанасьевне, и та обязательно отвечала ей. Эта переписка была для оступившейся женщины путеводной нитью.

Ныне Луиза Соловейко на свободе. Она отлично работает. И попрежнему переписывается с И. А. Макаровой. В одном из писем есть такие слова:

«...1 июня, в День защиты детей, у меня родилась дочка. В вашу честь, в честь человека, научившего меня любить труд, людей, жизнь любить — настоящую, хорошую! — я назвала свою девочку Ириной. И муж согласился. Он шлет вам земной поклон — поклон простого рабочего человека...»

ТАЙНИК В ПАРКЕ

Гуляли в парке четверо парней, четверо закадычных друзей, комсомольцы Виктор Царьков, ученик 10-го класса 737-й школы, Юрий Злобин, Вячеслав Юханов, студенты техникума, и Александр Баронин, ученик ПТУ. Рассказывали друг другу забавные истории, о чем-то спорили, над чем-то смеялись. Вдруг — стоп!

— Ребята, что это она? — почему-то шепотом спросил Вячеслав Юханов.

Вдали, прячась за деревьями и воровато оглядываясь вокруг, по парку пробиралась какая-то женщина. Вот она присела. Быстро-быстро замелькали кисти рук: женщина, видимо, разгребала листву.

— Закапывает что-то,— предположил Юрий Злобин.

— Обязательно надо посмотреть, как только уйдет,— предложил Виктор Царьков.

— Точно! — поддержал Александр Баронин.

Тайник нашли быстро. В ямке, засыпанной землей и замаскированной листвой, находился полиэтиленовый мешочек. Ребята заглянули в него и ахнули.

— В милицию надо! — сказал Вячеслав Юханов.— Видали, какая, а?..

Баронин и Злобин пошли следом за женщиной. Около кинотеатра она остановилась, посмотрела на афишу, а потом подошла к кассе и купила билет.

Злобин и Баронин поискали глазами милиционера. И на счастье, вот он, идет в их сторону. Рассказали ему обо всем. Постовой подошел к неизвестной и вежливо попросил предъявить документы...

А в это время Царьков и Юханов добежали до 40-го отделения милиции. Здесь им повстречался майор Иван Петрович Афонькин, заместитель начальника отделения по уголовному розыску. Через минуту по улице мчался милицейский мотоцикл...

Задержанная негодовала:

— По какому праву оскорбляете подозрением честных людей? Мне теперь в лицо соседям стыдно будет смотреть!

— Не волнуйтесь,— спокойно заметил по этому поводу майор Афонькин.— Могу заверить: вы не скоро повстречаете своих соседей. Посмотрите лучше направо...

На столе рядом с полиэтиленовым мешочком, к которому пристали золотые и оранжевые монетки листьев, сверкали перстни и кольца, серьги и браслеты, колье и медальоны, ожерелья и кулоны...

— Узнаете?

Женщина расширенными глазами смотрела на сокровища, которые всего несколько минут назад зарывала в землю. Облизав пересохшие губы, она попросила:

— Дайте сигарету, я все расскажу.

Через некоторое время она давала показания следователю — капитану Игорю Николаевичу Ермишину...

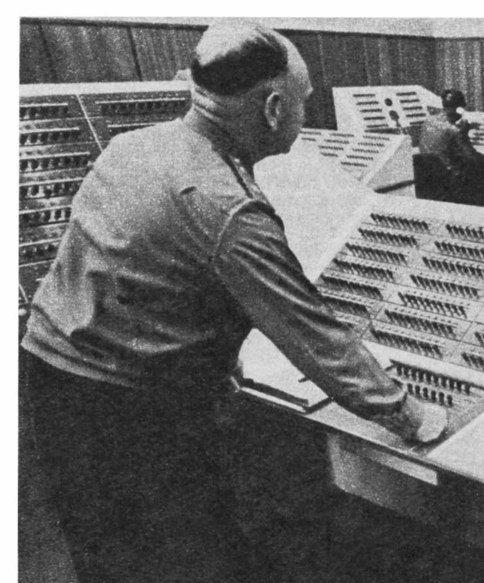
Гуляли в парке московские парни. И совсем не случайно помогли они задержать преступницу, которую вот уже более двух месяцев искали повсюду работники милиции. Драгоценности, находившиеся в тайнике, оцениваются почти в семь тысяч рублей.

На посту.

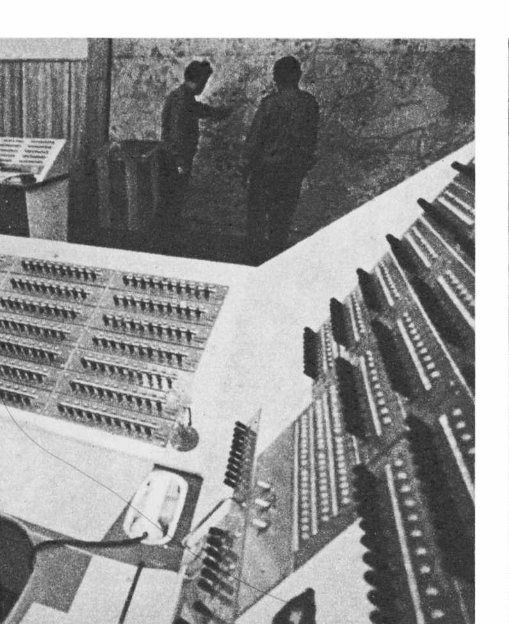

Здесь день и ночь несут службу дежурный по городу и его помощники.

«Оперативная группа, на выезд!»

Слева направо: Юрий Злобин, Вячеслав Юханов, Виктор Царьков и Александр Баронин.

Ирина Афанасьевна Макарова.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.